

литература • культура • молодёжь • время/февраль 2019

ИДЕЛЬ

16+

*Герой
номера*

пластический
хирург

**АНТОНИО
НТИРЕ**

«Заведующая
Сажиды»

РУФИНА ФАТТАХОВА

МЕДИЦИНА — СЕСТРА ФИЛОСОФИИ
Демокрит

**Безделье и праздность
не только рождают невежество,
они в то же время являются
причиной болезни.**

Авиценна

Идель

Редсовет:

Ирада АЮПОВА
Разиль ВАЛЕЕВ
Римзиль ВАЛЕЕВ
Айгуль АБДРАХМАНОВА
Ркаиль ЗАЙДУЛЛА
Халиса КУЗЬМИНА
Фарид МИФТАХОВ
Рузаль МУХАМЕТШИН
Газинур МУРАТ
Данил САЛИХОВ
Сюмбель ТАИШЕВА
Дамир ФАТТАХОВ
Миляуша ХАБУТДИНОВА
Данис ШАКИРОВ

Руководитель филиала

Радик Рашидович САБИРОВ

Главный редактор

Айсылу Айдаровна ХАФИЗОВА

Заместитель главного редактора

Ирина ЕРМАКОВА

Редакторы:

Галина БУЛАТОВА
Зулейха КАМАЛОВА

Корректор:

Ильсия ШИГАПОВА

Макет, верстка

Равиль ШАРАФУТДИНОВ

Главный бухгалтер

Лилия БИКБАЕВА
Тел. +7(843) 222-09-84, доб. 1270

Офис-менеджер

Гульнара ЧЕРЕПНЕВА

Учредитель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Издатель: АО «ТАТМЕДИА»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Создано при поддержке Республиканского
Агентства по печати и массовым
коммуникациям «ТАТМЕДИА»

Адрес для писем:

420066, г. Казань, а/я-52. «Идель».

Адрес редакции:

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2, 7 этаж.

e-mail: idel-kazan@mail.ru

Адрес сайта: www.idel-rus.ru

Тел +7(843) 222-05-45

За достоверность рекламных объявлений
ответственность несет рекламодатель

При перепечатке ссылка на
«Идель - Идель» обязательна. Рукописи
не возвращаются и не рецензируются.
Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов.
Редакция не располагает возможностью
выступать ходатаем в
официальных организациях.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
под номером
ПИ №ФС 77-54276 от 24 мая 2013 г.

Тираж – 925

Тираж сертифицирован

Отпечатано в типографии

АО «Татмедиа» «ПИК «Идель-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

Подписано в печать 04.02.2019

Заказ О-250

Формат 84x108, 1/16. Усл.-печ. л. 6,72

Уч.-издл. 8,5

Подписной индекс – П2361

Свободная цена

16+

Фото 1 обложки – Наиль Лемешев
Фото 3 обложки – Зулейха Камалова

СОДЕРЖАНИЕ

3 МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА
Альбина ГАРИФУЛЛИНА
Медицина и здоровье – не одно и то же!

7 РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ
Ирина ЕРМАКОВА
Болезнь – это дар богов

10 ГЕРОЙ НОМЕРА
Альбина ГАРИФУЛЛИНА
*Антонио Нтире:
«Операционная – не филиал
небесной канцелярии!»*

16 НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ
**ГКБ № 12 – 70 лет на
страже здоровья**

18 DIXI
Альбина ГАРИФУЛЛИНА
*Наиль Садеков:
«Варикоз – болезнь
современных молодых
мужчин!»*

21 ИСТОРИЯ В ДЕТАЛЯХ
Алия ХАБИБУЛЛИНА
*Руфина Фаттахова:
«В медицине надо
постоянно читать»*

24 В ПЕРЕВОДЕ
Нурихан ФАТТАХ
«Заведующая Сажид»

26 НОВАЯ КНИГА
Александр ВОРОНИН
*«Поэзия и медицина в семье
Мустафиных»*

30 ПРОЗА
Нина БУЛАТОВА
*«Записки сельского
доктора»*

34 ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА
Алексей АГАФОНОВ
Архивы доктора

38 ЮБИЛЕЙ: К 75-ЛЕТИЮ
ПИСАТЕЛЯ
Владимир ЛАВРИШКО
«Брат-отшельник»

51 ПРОЗА
Фёдор ОШЕВНЕВ
«У каждого – своё»

54 ПРОЗА
Харис ЗАКИРОВ
«Потомок обезьян»

56 ПРОЗА
Евгений ТАТАРСКИЙ
«Гайка на болте»

60 ПОЭЗИЯ
Борис ГИНЗБУРГ
*«Новый круг непостижимой
жизни...»*

62 НОВАЯ КНИГА
Эдуард УЧАРОВ
«Вдруг разбирают сердце...»

67 ПРОЗА
Илгиз АХМЕТОВ
«Путь к истине»

79 НОВАЯ КНИГА
Лирон ХАМИДУЛЛИН
*Казань притягивает к себе
одаренных*

Февральский номер журнала «Идель» мы посвятили медицине и произведениям врачей. Большой процент русских писателей, которых мы знаем и любим, – «родом» из медицины: Вересаев, Чехов, Булгаков, Аксёнов, Горин... Что уж говорить – евангелист Лука, автор Книги деяний апостольских, тоже был врачом.

Медицина, ее технические возможности меняются с геометрической прогрессией, но ее принципы остаются неизменными. Профессия врача, как и педагога, идет рука об руку с человеческими судьбами, движениями духа, нормами безопасного сосуществования людей. Поэтому врачи и по сей день держат высокую планку в писательском цехе.

В номере мы коснулись актуальных «трендов» современной медицины. Обаятельный пластический хирург из династии русских врачей Антонио Нтире поделился секретами своей работы, а его коллега флеболог Наиль Садеков развенчал популярные мифы о варикозе.

Прототипом повести «Заведующая Сажид» Нурихана Фаттаха стала его очаровательная супруга-врач Руфина. Она рассказала читателям журнала «Идель» о том, как писалась эта история. Очерк знаменитого самарца Александра Воронина «Поэзия и медицина в семье Мустафиных» позволяет увидеть татарского поэта с нового ракурса.

Мы представили в номере три новые книги, а также стихи и новую прозу уже полюбившихся вам авторов.

Скоро весна. Дышите глубже. И приятного чтения!

Айсылу Хафизова

АЛЬБИНА ГАРИФУЛЛИНА: Медицина и здоровье – не одно и то же!

Что такое телемедицина? Как мы получаем платные бесплатные услуги? В чем плюсы и минусы государственных и частных клиник? Как обезопасить себя от халатности врачей?

Так сложилось, что вся моя жизнь, со студенческих лет связана с медициной и журналистикой. Это был осознанный выбор. За более чем двадцать лет работы в этой области я прошла путь от любознательного дилетанта, медицинского журналиста и госчиновника республиканского здравоохранения до топ-менеджера в частной медицине. Как и в любой области нашей жизни, в здравоохранении есть свои хорошие и плохие новости. Развитие современной медицины уже сейчас позволяет людям жить дольше и даже справляться с неизлечимыми болезнями. Но новые технологии не дешевы и не доступны всем подряд, а значит долгая жизнь может обернуться и новыми проблемами.

В последние три года продолжительность жизни в Татарстане увеличилась, и рождаемость стала превышать смертность. По естественному приросту населения и рождаемости в 2017 году Татарстан занял первое место в Приволжском федеральном округе. У нас самые низкие в округе показатели смертности населения. Кстати, показатель смертности населения остается самым

низким начиная с 1992 года. Факт оптимистичный, однако в реальности качество жизни не улучшилось. Да, прошла модернизация, сделано много ремонта, куплено оборудование и введены электронные очереди, переодет медперсонал в красивую одежду и модные бейджи, но подход к лечению людей остался прежним. Психология взаимоотношений врач-пациент в бесплатной медицине не изменилась. Пресловутый человеческий фактор решает все.

В государственных поликлиниках врач по-прежнему не видит пациента, не потому что не хочет, а потому что у него нет на это времени. На прием дается 15 минут, 10 из которых эскулап будет торопиться описать в компьютере историю болезни. Поэтому люди все чаще выбирают частную медицину. Благо в Казани выбор частных клиник очень большой. Там – время приема 30–60 минут, за этот период вас не только внимательно осмотрят, но и обстоятельно с вами поговорят. Чаще всего именно «поговорить» – то, чего не хватает болеющим людям. Очень важно для хорошего врача

Гарифуллина Альбина Наилевна родилась в Нижнекамске 9 ноября 1971 года. Окончила КГУ – факультет журналистики, социологии и психологии – в 1995 году по специальности «тележурналистика». Около 10 лет работала на телеканале «Эфир», вела программу «Будем Здоровы». С 2001 по 2011 год руководила пресс-центром Министерства здравоохранения РТ. Организатор Республиканского конкурса врачей «Ак чэчклэр» («Белые цветы»). Сегодня – пиарщик крупной частной клиники в Казани. Имеет множество профессиональных наград.

лечить человека со всеми его сопутствующими заболеваниями. В таких случаях неравнодушного и комплексного подхода успех в лечении гарантирован.

Хочу отметить один острый момент, который вызывает всегда массу вопросов – это оказание платных услуг населению в государственных клиниках. Финансирование учреждения идет из бюджета, но они ведут и платный, и бесплатный прием. Конфликт постоянный, людей заставляют либо ждать 40–45 дней УЗИ сердца или внутренних органов, либо за деньги через 15 минут вам его этот же специалист сделает. В итоге людям, которые уже заплатили из своих налогов за «бесплатную медицину», приходится платить еще раз.

Частной медицине сегодня приходится конкурировать с платным сектором государственной медицины либо с теми, кто оказывает услугу на дому. К последним относится косметология и наркология. К тому же, сейчас появилось еще одно новое конкурентное направление в здравоохранении Татарстана – телемедицина.

Я считаю, что у этой сферы есть будущее и большие перспективы. Уже сейчас многие люди консультируются с врачами через интернет. Есть заболевания, которые не требуют постоянного визита в поликлинику или больницу. Это может быть первичная консультация, чтобы снять тревогу, определить необходимые исследования. То есть человек экономит время на первичном приеме, снимает загруженность врача, потому что приходит уже с результатами УЗИ и анализов. Конечно, телемедицина никак не снимает ответственности с людей в белых халатах, особенно, когда речь идет об острых случаях, невозможно без очного осмотра диагностировать аппендицит или перитонит.

Подчеркну, что телемедицина хороша в случаях, когда выздоравливающему пациенту нужно уточнить назначение или скорректировать лечение, чтобы лишний раз не подвергать себя риску и не идти в больницу в сезон эпидемии гриппа, например.

Государственная и частная медицина подчиняются одним законам и существуют в рамках схемы: спрос – цена – качество. В частной медицине быстрее обновляется и более эффективно используется материально-техническая база. Конечно, у частной медицины есть свои недостатки.

Если оказание помощи в государственных клиниках регламентировано стандартом ОМС, то в частных пациенту стараются по максимуму предложить спектр медицинских услуг, даже то, что ему не нужно. В данном случае я посоветовала бы тщательно подходить к выбору клиники, читать внимательно отзывы на различных форумах-агрегаторах, заходить на сайты клиник, чтобы знать о возможностях клиники. Более того, **когда вы выбираете платные услуги, тщательно читайте договор прежде, чем его подписать. Особенно, если это касается предстоящей операции и манипуляций с вашим телом.**

Кстати, о хирургических вмешательствах. Современная хирургия Татарстана – это уже не то, что было десять лет назад. Поэтому не стоит бояться. Большинство операций строится на минимизации доступа, применении эндоскопических и малоинвазивных технологий. Эра кровопролитных оперативных вмешательств уходит в прошлое. Мы меньше находимся на больничной койке, а значит, меньше выпадаем из социальной жизни. Да и на теле у нас остается меньше рубцов. К сожалению, рубцы остаются в душе пациента. Даже самая крутая высокотехнологичная виртуозно выполненная операция нивелируется, если по отношению к пациенту не проявили доброжелательности и не окружили его должной заботой. Последние пять лет в Татарстане внедряются мировые стандарты качества, в Казани проходят глобальные научно-практические конференции от американской клиники, которая считается законодателем системы качества, сервиса и особенного отношения к пациенту. Обучаются руководители государственных и частных клиник, но судя по опыту, только последние действительно внедряют новые методы и меняют сознание своего персонала. В госклиниках остался все тот же системный принцип по отношению к пациенту – «чем строже, тем лучше»). Приведу личный пример.

За год мне пришлось перенести две небольшие операции (из-за травмы) в государственной и частной клинике. Палаты, оснащение были схожи, но отношение диаметрально противоположное. В одном случае ты – человек, в другом – статистическая единица... В госклинике безо всяких слов приветствия и объяснения в палату вкатывается каталка двумя медсестрами. Одна из них, не

глядя на меня, бросает: «Раздевайтесь догола и ложитесь под простыню». – «В смысле? Совсем?» – «Сказано же, что голая». Обе медсестры укоризненно посмотрели на меня, не моргая. Я смогла только сказать: «Вы хотя бы отвернитесь...» Далее – путешествие на каталке в лифте, где сотрудница везла меня до операционной вместе со всеми пассажирами, останавливаясь на каждом этаже, потому что «в лифте же есть место». Права человека или пациента? Нет, о таком не слышали! В операционной медсестра встретила очередной претензией: «Почему на волосы резинку не взяли и обручальное кольцо не сняли?» Только появление прекрасного доктора-хирурга вернуло мне веру в людей и успех операции.

Операция в частной клинике. Подробно и внимательно со мной общался анестезиолог, мне объяснили все, что будет со мной происходить. Дали рекомендации. Развеели мои страхи. Подбодрили. Ко мне обращались по имени!

Я описала два этих случая с позиции обычного пациента не для того, чтобы сказать, что частная медицина лучше. Но на своем опыте не раз убеждалась, что отношение к пациентам в добротных частных клиниках совершенно другое, человеческое. И, поверьте, это не только потому, что мы платим. В госклиниках иногда мы платим даже больше, чем в кассу частников. Все дело – в системе качества, которая должна начинаться в головах медработников не только со стороны врачей, а со стороны каждого сотрудника, кто пришел работать в здравоохранение, будь то гардеробщик, буфетчик или лифтер. Все эти люди – парамедики, сопровождающий персонал. И если человек не готов уважать и любить людей, то лучше поискать другую работу.

За много лет работы в медицине я давно уже привыкла к тому, что почти ежедневно ко мне обращаются родные, друзья, знакомые и просто малознакомые люди с просьбой посоветовать им хорошего врача. Кстати, это еще раз подтверждает тот факт, что больному человеку важен именно врач, а не место его работы, поэтому пациенты придут за специалистом в любую клинику. По призванию и долгу службы я общалась и общаюсь с огромным количеством врачей и хорошо научилась отличать хорошего специалиста от плохого. Делюсь с вами своим опытом, или, как сейчас модно говорить, «лайфхаками».

КАК РАСПОЗНАТЬ ХОРОШЕГО ВРАЧА:

– **ХОРОШИЙ ВРАЧ** никогда не старается вам понравиться. У него нет такой задачи. Это не актер, и он всегда, в любое время дня и ночи, уверен в своих профессиональных навыках и знаниях. Улыбка до ушей и беседы не по делу – вещи, за которыми часто прячутся специалисты, которые просто опасаются за свое место в клинике и поэтому ждут положительных отзывов от пациентов.

– **ХОРОШИЙ ВРАЧ** никогда не ставит диагноз с первых минут консультации пациента. Медик, который действительно хочет вам помочь и вылечить, если это не критический случай, может совершенно спокойно вам сказать «давайте понаблюдаем», «мне нужно почитать или посоветоваться».

– **ХОРОШИЙ ВРАЧ** подробно расскажет о вашем состоянии и предупредит обо всех рисках, связанных с лечением или его отсутствием. После встречи с таким врачом у больных, как правило, не остается вопросов относительно своего состояния.

– **ХОРОШИЙ ВРАЧ** всегда понятно и внятно говорит. Вы должны понимать, что говорит вам специалист. Обилие специальной терминологии в речи медиков часто является не признаком профессионализма, а желанием спрятать за сложными словами свою неуверенность. Особенно это касается врачей, работающих с детьми.

– **ХОРОШИЙ ВРАЧ**, если он видел вас уже несколько раз, должен вас помнить. Понятно, что врачи каждый день контактируют с огромным количеством людей и не могут держать в голове имена всех пациентов и каждое произнесенное теми слово. Но, если вы наблюдаетесь у одного специалиста долгое время, а он до сих пор листает вашу историю болезни с самого начала, чтобы вспомнить, кто вы вообще такой, – это тревожный звоночек.

– **ХОРОШИЙ ВРАЧ** всегда вас слышит и всегда задает много уточняющих вопросов, которые могут вам показаться даже странными. Так он собирает для себя историю болезни. Более того, доктор может уточнить некоторые симптомы у ваших родственников.

– **ХОРОШИЙ ВРАЧ** всегда работает в команде. Если ему будет нужно мнение узкого специалиста, он вас к нему непременно направит, а не будет пытаться действовать в одиночку. Если такой врач усомнится в своих выводах, он проконсультируется с коллегами, не переживая при этом за свою репутацию.

– **ХОРОШИЙ ВРАЧ** никогда не будет вам навязывать лекарственные препараты определенной фирмы. К тому же, он всегда в курсе фармацевтических новинок и с легкостью ответит вам, чем они могут отличаться.

– **ХОРОШИЙ ВРАЧ** любит хороших пациентов. Прежде чем критиковать врача, желательно убедиться, что вы – хороший пациент: дорожите временем своего специалиста, не ставите себе диагнозы самостоятельно, выполняете все предписания и не запускаете болезни.

За много лет работы в медицине меня всегда удивляла и поражала одна вещь. Почему люди так поздно обращаются за помощью к врачу? Тянут до последнего, терпят, пока не становится хуже. Любой мало-мальски начинающий доктор скажет вам известную фразу: «Заболевание легче предупредить, чем его лечить». Я бы еще добавила «дешевле будет». Возьмите за правило

раз в год сдавать анализы и проходить профилактические осмотры у узких специалистов. Быть здоровым намного легче, чем кажется. Десять тысяч шагов в день, самая простая зарядка утром, минимальное количество сахара за день, стараться не курить и есть самую простую пищу. Поверьте, в наших силах научиться любить себя, а не жалеть. ■

рельеф местности

► Ирина Ермакова

БОЛЕЗНЬ — это дар богов

Так считали в Древней Греции. И никто не предъявлял претензий. А сегодня все всеми недовольны. Массовое недовольство нынешней медициной иногда является прямо-таки объединяющим началом в обществе. Имидж современного здравоохранения изрядно подпорчен. Но так было не всегда.

«ИЗГОНЯЮЩИЕ БОЛЕЗНЬ»

Многие виды лечения современный человек получил в наследство от Древнего Китая.

Необходимо отметить тесную связь китайской медицины с философией, и это является фундаментальным отличием китайской медицины от медикн других народов и стран.

Очень многие способы лечения заболеваний (зачастую тяжелых), а также методы профилактики до сих пор актуальны: звукотерапия, иглоукальвание, огненная терапия, а также лечение травами и точечным массажем.

Еще более четырех тысяч лет назад китайцы считали, что причина всех болезней заключается в нарушении баланса энергий тех самых «инь» и «ян». В первую очередь, при недомогании, старались восстановить этот баланс: заболевшего

поили настоем лекарственных трав, например, ма-хуан (эфедра синика), в которой содержался эфедрин и который, кстати, до сих пор применяют для лечения астмы и бронхита.

Кстати, китайские врачи вынужденно изобрели в свое время акупунктуру и успешно ею пользуются до сих пор. Тамошним врачам было запрещено делать вскрытие умершего гражданина, они ничего не знали об анатомии человека, вот и приходилось «наощупь» ставить диагнозы и исцелять.

Аптеки в том виде, которые мы знаем, также зародились в Китае. Тогда они, правда, назывались торговыми предприятиями, где разрабатывались нормы и правила отпуса медицинских препаратов.

Древнекитайские врачи, как и врачи в других странах древнего мира, не имели доступ к

обнаженному женскому телу. Но и в этой ситуации выход был найден: чтобы узнать, где и что болит у пациентки, доктор носил с собой на прием женскую статуэтку из слоновой кости. И уже на статуэтке женщина показывала, что у нее болит.

ДЫРКИ В ГОЛОВЕ – ЭТО К ЗДОРОВЬЮ

Уже к V веку до н.э. греки пытались понять материальные причины заболеваний, не отказывая духовным в праве на существование. То есть греки рано стали переходить от суеверий к науке. Именно в Греции придумали лечебно-оздоровительные комплексы. Назывались они асклепионы. Это были храмы, названные так в честь бога врачевания Асклепия. Бедные греки были уверены: дочери Асклепия – Гигея и Панакея – во время сна придут в храм со своими двумя змеями, которые и вылечат спящих пациентов. Больные оставляли на алтаре подношения и ложились спать в крытых галереях вдоль стен храма. После оздоровительного сна врачи их спрашивали, что им приснилось. Потому, что толкование сна являлось важной частью медицины.

Древние греки первыми поняли, что на состояние больного может влиять строение человека и его восприимчивость к болезни. А с пониманием, как устроено и как работает тело человека, греческие врачи пришли к выводу, что дисбаланс жидкостей в организме может быть одним из факторов, вызывающих болезни.

Еще один исторический факт: древнегреческие врачи тренировали свое мастерство на предмет знания анатомии, вскрывая не только трупы, но и живых людей. Бесконечные войны между городами давали врачам в большом количестве

«материал для изучения». Однако нет подтверждений тому, что греки в древности делали операции на те или иные органы. Ими двигал исключительно исследовательский интерес.

В Древней Греции, давшей миру Гиппократу, иногда лечили болезни совсем уж странно – делали дырки в черепе больного. Таким образом врачи пытались выпустить наружу злых духов, которые отравляли жизнь несчастному.

Анестезии, кстати, на тот момент развития медицины еще не было.

ЕГИПЕТСКИЙ МНОГОСТАНОЧНИК

В Древнем Египте как-то сразу поняли, что состояние здоровья напрямую связано с тем, что человек ест-пьет, а слишком много солнца – явно не к добру. Да и злой дух не дремлет. Врачевали в Египте в то время царедворцы и жрецы. Самый известный врач – главный визирь фараона Джосера Имхотеп. Его народ так почитал, что считал полубогом и покровителем медицины. На самом деле Имхотеп – первый известный в мировой истории универсальный человек. Он этаким многостаночник – архитектор, инженер, ученый и, конечно, первый врач Египта.

ГОРЕ И ЛИХО – ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ БОЛЕЗНИ

Народная медицина в Древней Руси была прочно связана с языческой культурой. До сих пор некоторые россияне верят в магическую силу заговоров, которые могут изгнать болезнь.

В древнерусской медицине активно использовали, говоря современным языком, гомеопатию. Очень любили русичи разные

растения и продукты животных, например, молоко.

Олицетворением болезней и невзгод в славянской мифологии были демонические существа — Горе и Лихо. Наслать на людей болезни могла и Кикимора.

В летописях XI века русских врачей называли лечцами. Они — лечцы — передавали секреты врачевания по наследству. Были те, кто врачевал травами-мазями, а были и такие, кто уже в то время делал небольшие операции на внутренние органы. Назывались они резальниками (резальники).

На Руси тоже, как в Греции, проводились оригинальные операции — черепосверления, чревосечения, а также ампутации конечностей. А больному давали «наркоз» — усыпляли при помощи мандрагоры, мака и вина. Инструменты, как и положено, стерилизовали огнем.

БУЛГАРСКИЕ ТАБИБЫ УЧИЛИСЬ У ВОСТОКА

Булгары — предки татар — учились врачевать у лекарей с Востока. Все их советы и рекомендации булгары усердно применяли во врачебной практике.

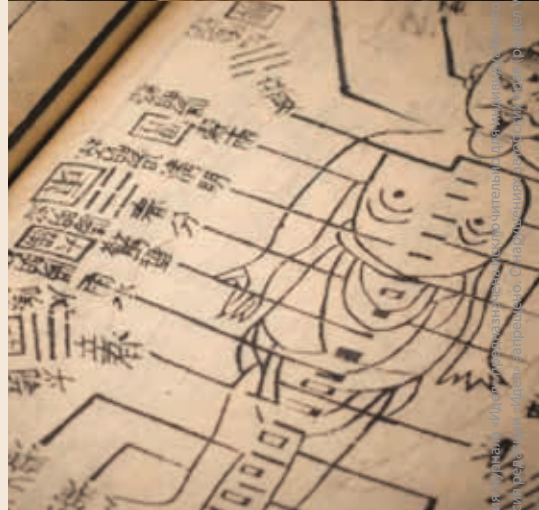
Если верить древним источникам, булгары были знакомы с Аюрведой, то есть, умели определять болезнь по пульсу. Причем, пульсацию проводили тремя пальцами, что очень важно, так как разным пальцем определяли болезни разных органов.

Булгарские табибы всю пользовались трудами восточных врачевателей. Например, они применяли мазь для омоложения, в состав которой входила старая кожа животных. Ее надо было сжечь, а золу собрать. Этот порошок смешивали с костным мозгом только что убитого зверя, а затем

настаивали несколько дней. И от души наносили на лицо. Как рассказывают открытые источники, внутренние органы лечили белемнитами — останками вымерших морских моллюсков класса головоногих, родственных современным сепиям и кальмарам. Окаменевшие остатки раковин и сейчас встречаются на территории Татарстана в меловых отложениях. На окаменелостях находили перламутр, соскабливали специальным ножом, размельчали в порошок и разводили в дождевой воде. Лекарство пили, а сухим порошком присыпали раны. Белемниты часто встречаются в погребениях Билярска и Болгара.

Некоторые болгарские рецепты вполне пригодны и сегодня при отсутствии скорой квалифицированной медицинской помощи. Например, чтобы снять зубную боль, нужно поласкать рот подогретым уксусом. А настой собранной в мае полыни очень хорошо помогает в лечении желудка. Овсяный кисель, к которому многие возвращаются сегодня, тоже был популярным напитком у древних татар. Известно, что он хорошо очищает печень. Артериальное давление татары лечили ягодным нектаром: клюкву толкли в ступке, варили с 5–6 листьями малины, а затем принимали по 3–5 раз в день на кончике столовой ложки. Для улучшения зрения ели чернику. А вот древние диабетики старались восстановить здоровье с помощью осинового коры: столовую ложку растолченной коры заливали кипяченой водой. Этот раствор хорошо снижает количество сахара в крови.

Может, сегодня, в век дорожающей химии — лекарств — рецепты древних татар окажутся кстати. ■

► Альбина Гарифуллина

АНТонио НТИРЕ: «Операционная – не филиал небесной канцелярии!»

Молодой и харизматичный хирург переехал жить и работать в Казань с семьей из Волгограда три года назад – решил, что пришло время большого профессионального роста и смелых поступков. Выбирал из трех столиц России.

Электронная версия журнала «Идель» предназначена исключительно для индивидуального пользования. Любое тиражирование, копирование, передача третьим лицам электронной версии издания без согласия редакции «Идель» запрещено. О нарушениях авторских прав (раздел VII ГК РФ) и Пользовательского соглашения сообщайте в редакцию.

Пластический хирург Антонио Марселович Нтире, действующий член РОПРЕХ. Родился 1 февраля 1984 года в городе Волгограде. Отец – Марсело Нтире, уроженец Сенегала, талантливый пластический хирург, мать – Надежда Владимировна – врач-терапевт со стажем. Антонио окончил Волгоградский государственный медицинский университет в 2007 году, лечебный факультет, прошел интернатуру и аспирантуру. Работал в городской больнице Волгограда хирургом. Затем в частной клинике пластическим хирургом. Занимается пластикой лица и тела более 10 лет. Женат. Двое детей. Мастерски играет в хоккей. Любит чак-чак и хинкали.

Фото Наиля Лемешева

Пластический хирург Антонио Нтире из династии врачей. В его жилах течет кипучая смесь афро-франко-русских кровей. А как говорил когда-то французский писатель маркиз де Кюстин, «Grattez le Russe, et vous verrez un Tartare» – «Поскабли немного русского, и скажется татарин». Поэтому неудивительно, что энергичному доктору пришлось по нраву культура и традиции татарского народа. Адаптация к Казани прошла стремительно и успешно.

Антонио Нтире – выпускник Волгоградского государственного медицинского университета. Ученик известного профессора, доктора медицинских наук, заведующего кафедрой пластической эстетической хирургии РУДН, президента Ассоциации клиник пластической хирургии и косметологии Леонида Павлюченко. Молодой, но опытный пластический хирург рассказал читателям журнала «Идель» о неожиданных нюансах своей профессии, состоянии казанской эстетической медицины и чего больше всего боится пациенты.

– Антонио Марселович, вы – представитель династии русских врачей в третьем поколении?

– Мои бабушка и дедушка, а также родители всю жизнь проработали врачами, поэтому мой профессиональный путь был предопределен. То, что я буду доктором и только, мне стало ясно в девятом классе. Я поступил на факультет «Лечебное дело» в ВолгГМУ, где проявил себя как способный и жадный до знаний студент. По окончании университета я продолжил практику в отделении экстренной и плановой хирургии клинической интернатуры.

Потом поступил в ординатуру. Там приходилось чуть ли не драться за возможность просто посмотреть, как наставники оперируют пациентов. Я посвятил общей хирургии пять лет, по истечении которых понял, что достиг всех высот в данной сфере. Медицина – это инвестиции. Если они присутствуют, наступает в скором времени прогресс, если нет – то все остается на уровне «сделали руками».

Для себя я осознал, что мне необходим профессиональный рост. К тому же хотелось улучшений в

НЕОБХОДИМО ПОМНИТЬ, ЧТО ПЛАСТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ, КАК И ЛЮБОЕ ХИРУРГИЧЕСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО, ЧРЕВАТА РИСКАМИ, РАЗЛИЧНЫМИ ОСЛОЖНЕНИЯМИ. К СОЖАЛЕНИЮ, СМЕРТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ТОЖЕ ВОЗМОЖНЫ. ДЕЛАТЬ ПЛАСТИКУ К ХИРУРГУ ПРИХОДЯТ ПРАКТИЧЕСКИ ЗДОРОВЫЕ ПАЦИЕНТЫ, ПОЭТОМУ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, СВОИМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОН НЕ ДОЛЖЕН НАВРЕДИТЬ ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА.

финансовом плане. Тогда-то я и решил стать пластическим хирургом.

– В чем особенность распорядка вашего трудового дня?

– Обычно начало рабочего дня – это подготовка пациента, которому в скором времени предстоит операция. Уровень расхода энергии в работе достаточно высокий – к концу каждой смены концентрация внимания значительно снижается. Я – обычный человек и тоже устаю (*улыбается*). Поэтому мой рабочий день спланирован так, чтобы в нем не было много сложных операций, нагрузка распределяется по другим дням. Мне необходимо беречь силы для каждого пациента. Если планируется к проведению сложная коррекция, то она будет всего одна за весь рабочий день.

– В чем особенности работы современного пластического хирурга? Есть минусы?

– Я не совсем понимаю врачей, которые работают одновременно в нескольких клиниках. Некоторые трудоустраиваются в городские больницы, только чтобы не остаться без пенсии. На мой взгляд, к тому моменту, когда мы состаримся, принципы работы пенсионного фонда поменяются сотни раз. Может случиться так, что все твои усилия не будут оценены в далеком будущем. Не стоит рассчитывать на государство, лучше работать сейчас так, чтобы к шестидесяти годам личный капитал работал на тебя. Главные минусы моей профессии – это долгое пребывание на ногах, нагрузка на глаза, стрессовые ситуации, нехватка свободного времени, колоссальная трата

энергии на общение с пациентами. Тот, кто хочет связать свою профессиональную деятельность с пластической хирургией, должен быть готов к большим трудностям и терпению.

– Какие пластические операции вы бы назвали самыми востребованными?

– В реальности весьма сложно разграничить пластическую хирургию и реконструктивную. В любом случае все операции по устранению эстетических дефектов являются реконструктивными. Однако в 1980-е годы так не считали. Тогда существовало четкое разграничение. Например, лор-врачи занимались только реконструкцией носа, пластические хирурги – только его внешним видом. В итоге мог получиться красивый нос, но совсем не дышащий. На

сегодняшний день существует большой «социальный заказ». Казанцы чаще всего обращаются к пластическому хирургу, чтобы исправить нос, грудь, тело в целом. Однако об этом стоит говорить только в рамках женского пола. Мужчины – не частые гости клиник пластической хирургии. Если они и обращаются к доктору, то в основном только, чтобы исправить нос или грудь женского типа.

– Есть ли операции, которые вы отказываетесь проводить?

– Я не занимаюсь операциями половых органов. В Казани, как и везде, есть женщины, которые хотят сделать пластику интимной зоны. За последний месяц была только одна операция, которую провели для наружных половых органов. В моем родном городе, например, подобные операции происходили раз в две недели. Характерно, что они выпадали

на сезон свадеб. Также там были востребованы операции по восстановлению девственности. К одному моему коллеге 55-летняя пациентка обратилась как-то с подобной просьбой. За свою жизнь она четыре раза восстанавливала девственность. По моральным соображениям я не занимаюсь еще операциями по смене пола. Также в сферу моих профессиональных интересов не входит пластика ягодиц. По моему мнению, большая попа не красит российских женщин! (*Смеется*). Похожие мысли у меня также есть насчет огромного размера груди. Грудь необязательно должна быть большой. Не стоит забывать, что такой размер способен стать дополнительной нагрузкой на шею и спину, что после увеличения могут возникнуть проблемы при подборе нижнего белья.

Мне однажды пришлось держать в руках девятый размер груди. Вы такого точно не видели! Пациентка попросила уменьшить размер до четвертого, чтобы облегчить физическую нагрузку на спину. Такой размер ее совершенно не радовал, а только создавал проблемы со здоровьем.

– А на что вы не пойдете как врач категорически?

– Пластические хирурги тоже отбирают пациентов. И я в том числе. Обычно в операции отказывают, если пациент психологически незрелый, психически болен или у него завышенные потребности, или он не готов к возможным осложнениям. Чаще всего среди пациентов есть те, кто думает, что за счет изменения внешности можно будет избавиться от психологических и семейных проблем, улучшить жизнь в целом. Многие женщины думают, что за счет изменения формы груди они моментально устроят свою личную жизнь. Однако пластическая

хирургия не влияет на такие вещи. Она лишь способна повлиять на самооценку! Некоторые пациенты являются заложниками навязанных идеалов красоты. Операции дают пластическим хирургам возможности заработать себе на жизнь, однако отказы в проведении той или иной операции помогают им заработать репутацию.

Я называю перевозбужденными личностями тех, кто рискует многим ради пластики. В России пока что не требуют справок о психическом состоянии пациента, желающего сделать пластическую операцию. Однако в западных странах такая практика уже существует. Например, в США стандартная история болезни пациента может достигать пятидесяти страниц. Туда входят анализы пациента, согласия его и родственников, фотографии поэтапного лечения, приписки из страховой компании и так далее.

Необходимо помнить, что пластическая операция, как и любое хирургическое вмешательство, чревата рисками, различными осложнениями. К сожалению, смертельные случаи тоже возможны. Делать пластику к хирургу приходят практически здоровые пациенты, поэтому, прежде всего, своими действиями он не должен навредить здоровью человека.

– Что нынче в «тренде» у пациентов?

– Тенденций на определенный тип груди не существует в маммопластике. Не все мужчины отправляют своих возлюбленных под нож хирурга. Для меня весьма странно, когда муж начинает активно замечать и любить свою жену после увеличения груди. Это свидетельствует, возможно, о потребительском характере отношений в этой паре. Любят не за что-то.

Зато в ринопластике почти все, не обращая внимания на пропорции лица, желают иметь аристократичный носик – маленький, «американский», слегка вздернутый.

– Как вы оцениваете уровень казанских пластических хирургов?

– Сегодня пластические операции перестали быть чем-то недосягаемым с финансовой точки зрения.

В Казани самая дешевая операция может обойтись в 5000 рублей, например, пластика мочки уха. А самая дорогая – 250000 рублей, например, реконструкция молочных желез с использованием имплантатов. А пластическая хирургия в Казани действительно на высоком уровне. И это благодаря не только тому, что в данную сферу вкладывают средства, но также благодаря наличию своей

собственной медицинской школы.

Хочу также предупредить: если пациент планирует сделать операцию в непрофильном учреждении, он должен быть готов к рискам. Когда идешь за пластикой к специалисту по лор-патологии, не стоит ожидать, что доктор займется коррекцией. Скорее всего пациент не получит соответствующих документов об операции, и ему в последующем будет сложно

**СОТРУДНИЧАЯ С РАЗНЫМИ
СПЕЦИАЛИСТАМИ, НАПРИМЕР,
ГИНЕКОЛОГАМИ, МАММОЛОГАМИ,
ЛОР-ВРАЧАМИ, ЗА ОДНУ ОПЕРАЦИЮ
ВОЗМОЖНО РЕШИТЬ СРАЗУ
НЕСКОЛЬКО ПРОБЛЕМ. ТО ЕСТЬ,
ПОМИМО ПЛАСТИКИ, РЕШИТЬ
ВОПРОС СО ЗДОРОВЬЕМ.**

что-то доказать. Клиника обязана иметь лицензию, отделение анестезиологии и реанимации, а пластический хирург – сертификат! Тщательно выбирайте врача, которому доверите свою внешность и жизнь. Читайте отзывы, смотрите социальные сети, ищите, ходите на консультации к разным врачам, чтобы убедиться в своем выборе специалиста.

– Каковы критерии оценки успешности работы пластического хирурга?

– Самое главное в пластической хирургии: чтобы эффект был замечен, а факт операции – нет. Пожалуй, это и мой профессиональный девиз. Пластику груди делают, в основном, по эстетическим соображениям.

Большинство пациентов, порядка восьмидесяти процентов, – это дамы двадцати пяти – тридцати пяти лет, после первых и последующих родов, если грудь потеряла объем и форму или изменилось тело. Тогда они улучшают форму груди и делают абдоминопластику (уменьшение живота). И только пять процентов обратившихся к пластическому хирургу – мужчины. Они более склонны к брутализации своей внешности. В основном, их интересует пластика носа, век. Реже – абдоминопластика. Для примера, с просьбой «убрать живот» за последний год ко мне обратился только один мужчина. Также мужчинам часто выполняется гинекомастия – уменьшение молочных желез, эта патология встречается довольно часто у молодых людей в период гормональной перестройки.

Что касается операций на лице, то здесь нужно быть максимально внимательным. Очень важно своим вмешательством «освежить лицо», стереть признаки старения, а не изменить его черты до гротескной неузнаваемости.

Каждую операцию мы стараемся провести максимально безболезненно. Я очень тесно сотрудничаю с анестезиологами. На операциях мы применяем мультимодальную анестезию. При этом препараты вводим местно в область операционного действия и системно – чтобы послеоперационный период прошел как можно комфортнее, без боли. Методики также подбираются максимально подходящими для каждого конкретного пациента.

– Давайте развенчаем популярные мифы о пластике.

– Говоря о пластике груди, коснусь ряда мифов, связанных с этой операцией. Они делятся на серьезные и забавные. Например, есть

страшилка, что имплант – инородное тело, которое вызывает тяжелые заболевания. Это не так, никакие исследования это не подтверждают. Или что с ними нельзя рожать и кормить младенца. Действительно, грудь меняется после каждой беременности, и импланты оптимально ставить как раз именно после родов, а не до. Восемнадцатилетней девушке они ни к чему, и если она приходит к нам с такой просьбой, мы стараемся ее отговорить. Вместе с тем научно доказано, что никакого влияния на беременность, роды и кормление грудью импланты не имеют.

Забавный миф, который давно пора отправлять на пенсию, – с имплантами нельзя летать в самолетах. Он берет начало в 1970-е годы, когда использовались импланты, наполненные жидкостью. При перепаде давления во время полета могли образовываться пузырьки, и женщина даже слышала некоторое бульканье в груди. Сейчас такое невозможно, поскольку имплант полностью заполнен силиконовым гелем. Еще один миф – «силиконовую грудь» можно сразу вычислить внешне. Если правильно подобран размер, учтены анатомические возможности, то все выглядит вполне естественно.

Сотрудничая с разными специалистами, например, гинекологами, маммологами, лор-врачами, за одну операцию возможно решить сразу несколько проблем. То есть, помимо пластики, решить вопрос со здоровьем. Многие мои пациенты давно отметили это удобство.

– Часто ли вы отговариваете от операций?

– Да, такое случается, пациент не всегда реалистично оценивает свои анатомические возможности или то,

что может предложить хирург. Нужно понимать, что офис пластического хирурга – не филиал «небесной канцелярии» на земле. К сожалению, бывают случаи, когда пациент просит сделать сразу комплекс операций, пытаюсь полностью изменить внешность. Таких я всегда отправляю на консультацию к клиническому психологу.

– Какие анекдотические истории случались на вашей практике?

– В те годы, когда я работал в общей хирургии, произошло то, что запомнилось на всю жизнь. Суточное дежурство подходит к концу. На часах 07:50. Звонок из приемного покоя. Сообщают, что диагноз «скорой» – кишечная непроходимость. Спускаюсь. На кушетке девушка ростом 190–195, вес 80–85. Очень крупная... Очень. Жалуется на схватывающие боли в животе. И ВСЕ! Больше ничего не говорит. Надо отметить, что кроме нее в приемном покое еще четыре человека. Это больница скорой помощи! Кто – у терапевта, кто – на УЗИ после моего осмотра. Плюс к этому – конец смены, нужно отчеты сдавать. Осматриваю ее живот... Чувствую руками, что-то твердое, предположив, что заворот кишок, быстро направляю ее на УЗИ. Далее ситуация развивается как в кино про врачей. Через семь минут приносят УЗИ. Написано: «В полости матки один плод». Направляю сразу к гинекологу, он в соседнем кабинете. Через две минуты гинеколог с криком: «Антонио, вызывай “скорую”, у нее роды в ходу», – залетает в смотровую. Я набираю роддом, потом «03». На вопрос, знала ли она, что беременна, девушка отвечает, что впервые слышит об этом... Через час родился мальчик весом 4600. Это тоже жизнь! ■

Городская больница №12 в 2019 году отмечает юбилей – она открылась в Казани в марте 1949 года. Сегодня ОАО «Городская клиническая больница №12» – это одна из крупнейших медицинских организаций в Татарстане, имеет сертификат и лицензию на оказание 357 видов медицинских услуг с применением передовых медицинских технологий в системе ОМС, ДМС, а также на коммерческой основе.

Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Лечебная, 7.
Тел.: +7 (843) 570-68-11

- Поликлиника (прикрепленное население – более 42 тысяч человек);
- Круглосуточный травматологический пункт;
- Многопрофильный стационар на 448 коек (из них 59 дневных): травмоцентр I уровня, первичный сосудистый центр для больных с острым нарушением мозгового кровообращения, межрайонная патологоанатомическая лаборатория;
- Единственный в РТ Центр профессиональной патологии.

Больница занимает ключевую позицию в оказании экстренной и неотложной медицинской помощи по травматологическому, хирургическому и ЛОР профилям круглосуточно для жителей Авиастроительного, частично Кировского и Московского районов г. Казани.

А также стационарная помощь оказывается по неврологическому, кардиологическому, пульмонологическому, терапевтическому, гастроэнтерологическому профилям.

Больница работает по Программе государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи, финансирование которой для больницы в 2018 году составило более **440 млн.рублей.**

В ОАО «Городская клиническая больница №12» работают **651 чел., из них 120 врачей, 287 средних медицинских работников, 78 чел. младшего персонала.** Генеральный директор – РАМИЛЬ АХМЕТОВ.

на правах рекламы

Заведующая РЦПП
КАДРИЯ РАВИЛОВНА
САФИНА,
тел. +7 (843) 571-12-97

ВЫЯВЛЕНИЕ И ЛЕЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ БОЛЕЗНЕЙ С 1958 ГОДА

Республиканский центр профпатологии Министерства здравоохранения Татарстана был создан 27 сентября 1989 года и является частью ГКБ №12 единственным специализированным учреждением на территории Республики Татарстан, имеющий право устанавливать связь заболеваний с профессией; решать сложные экспертные вопросы. Сегодня это круглосуточный стационар на 45 коек, а также дневной стационар на 15 коек и прием амбулаторных пациентов. Центр является клинической базой курса профессиональных заболеваний кафедры гигиены, медицины труда Казанского государственного медицинского университета. Здесь развернуты

современные отделения лабораторной диагностики, внедрено электронное ведение истории болезни пациента. Вся медицинская информация, собираемая в течение жизни человека, накапливается в электронной медицинской карте пациента.

По мнению специалистов, наиболее высокий уровень профессиональных заболеваний в машиностроении.

Центр занимается оказанием специализированной медицинской помощи людям, страдающим профессиональными заболеваниями, а также больным, занятым на работах с вредными производственными факторами. Здесь также проводят экспертизу профессиональной пригодности, экспертизу связи заболевания с профессией.

Специалисты Центра консультируют коллег из других медицинских организаций по вопросам профессиональной патологии, осуществляют мониторинг состояния здоровья больных с профессиональными заболеваниями и отравлениями на вредных производствах. Центр регулярно занимается рассмотрением конфликтных вопросов, возникших при экспертизе профессиональной пригодности и представлении форм статистической отчетности. Совместно с Роспотребнадзором свыше 30 лет проводит конференции по актуальным вопросам гигиены труда и профпатологии.

В 2016 году РЦПП стал победителем конкурса «Лучшие товары и услуги Республики Татарстан» в номинации «Услуги. Связь заболевания с профессией (двухсторонняя нейросенсорная тугоухость)», а также дипломантом Всероссийского конкурса программы «100 лучших товаров России».

► Альбина Гарифуллина

НАИЛЬ САДЕКОВ: «Варикоз – болезнь современных молодых мужчин!»

Варикозное расширение вен – опасное заболевание. Не все знают, но от осложнений варикоза умирают. Если его не лечить, образуются трофические язвы и тромбы. Варикоз не выбирает по половому признаку, но мужчин он «кусает» особенно жестоко, так как они до последнего затягивают визит к врачу.

В НОГАХ ПРАВДЫ НЕТ

Больше 20 лет я работаю сердечно-сосудистым хирургом, специализируюсь на флебологии, лечении варикоза. С уверенностью могу сказать, что за неделю ко мне на прием приходят в большом потоке пациентов не больше двоих мужчин. А ведь серьезные проблемы с венами есть у каждого четвертого мужика! На варикоз у парней влияет не только наследственность, но и увлечение силовыми тренировками, интенсивные физические нагрузки, длительные и частые поездки за рулем. В группе риска и мужчины с лишним весом.

К флебологии я пришел не сразу. Сердечно-сосудистый хирург, как и все хирурги, может делать много интересных и серьезных вещей. До сих пор у меня в памяти один случай, когда я пришивал кисть молодой девушке, которая (представьте только!!!) сама себе ее отрезала в отместку своему отцу. Что за дикий спор у них произошел, неизвестно, но руку девушке тогда я спас. Многие годы я работал в РКБ, а там такой поток пациентов со всей республики, что проблемы варикозного расширения вен предстали передо мной не то что во всей красе, а

во всех стадиях развития. Люди настолько запускали себя – не только потому, что не хотели лечиться, а потому что не знали, к кому обратиться за помощью. Тем более, сельские труженики – очень терпеливые люди. Этот факт серьезно повлиял на мою специализацию.

МУЖСКОЙ ВАРИКОЗ

Смешной и воспетый уже в анекдотах факт: мужчины не так щепетильно относятся к своему здоровью, чем дамы, я бы сказал, катастрофически боятся врачей. Поэтому начинают обращаться

Фото Наиля Лемешева

Садеков Наиль Бариевич – сердечно-сосудистый хирург высшей категории, флеболог. Член ассоциации флебологов РФ. Член международной ассоциации флебологов Санкт-Петербурга. Автор 20 статей. Уроженец Казани, окончил Казанский государственный медицинский институт им. Курашова в 1994 году. Работал в РКБ МЗ РТ. Сейчас работает в одной из крупных частных клиник города.

внимание на проблему с варикозом слишком поздно, когда заболевание принимает серьезный масштаб. Чаще всего первые признаки болезни у мужчин обнаруживаются после 35 лет.

Чем грозит невылеченный варикоз у мужчин? В отдельных случаях кровь сгущается, образуется тромб. Стенки вен становятся настолько слабыми, что малейшее токсическое вещество, инфекция могут спровоцировать их повреждение. Появляются трофические язвы.

С трофическими язвами ко мне попал на прием известный в Казани

артист. Его насильно привезли жена и дочь. Масштабы трагедии были уже таковы, что на ногах ему было не только больно ходить, но и стоять. В итоге сделали операцию, провели лечение. Артист опять на сцене, здоровье в норме. Сейчас он уже направляет всех своих знакомых мужчин ко мне на прием с проблемами варикоза. Кстати, при первом же осмотре я сразу вижу, что пациент занимался самолечением. Как бы клятвенно он меня не заверял, что не делал этого. Такие пациенты – любимые клиенты аптечных сетей.

ТРЕВОЖНЫЕ СИМПТОМЫ ВАРИКОЗА:

- тяжесть в ногах,
- быстрое появление усталости в ногах,
- отеки после нагрузок,
- ощущение набухания ног,
- ощущение переполнения ног жидкостью,
- снижение чувствительности кожи ног,
- кожный зуд,
- появление сосудистой сетки.

ПОСЛЕДСТВИЯ, ЕСЛИ НЕ ЛЕЧИТЬ:

- боль в ногах,
- дерматит или экзема,
- вены отчетливо выступают над кожей,
- трофические язвы,
- потемнение отдельных участков кожи,
- эпизодическое повышение температуры,
- закупорка сосудов,
- разрывы варикозных сосудов.

При обнаружении симптомов, явно указывающих на варикоз, заниматься самолечением нельзя! Есть специалисты, которые специализируются именно на лечении вен. Их называют флебологи. Они лучше других врачей знают, как лечить варикоз на ногах, тем более варикоз у мужчин.

У здорового человека отток венозной крови осуществляют три связанные между собой системы сосудов: поверхностные вены, глубокие вены и соединяющие их коммуникантные вены. Наибольшее значение имеют глубокие вены, 85–90 % оттока крови осуществляется по ним, в то время как на поверхностные вены приходится лишь 10–15 %. Однако именно подкожные вены чаще всего страдают от варикоза, поэтому при операции удаляются поврежденные участки именно этих вен. Глубокие вены практически никогда не оперируют. Многие до сих пор считают, что варикоз – это большая операция. Это не так, сейчас существуют очень передовые методы хирургического лечения, и я их с успехом применяю. Человек сразу после операции в компрессионных чулках уходит самостоятельно в палату. Более того, он активно ходит после операции два часа, чтобы кровоток пришел в норму в нижних конечностях.

Редкий российский мужчина будет молодцом и сам придет к флебологу со своей проблемой. По своему многолетнему врачебному опыту могу сказать, что будут тянуть до последнего. Женам и матерям следует проявить настойчивость и, не слушая возражений, отправлять своих мужчин к врачу! Ведь, чтобы мужчина носил вас на руках, он должен иметь не только крепкие нервы, но и крепкие вены!

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ЭФФЕКТИВНО ВЫЛЕЧИТЬ ВАРИКОЗ, НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ НЕСКОЛЬКО ШАГОВ.

1. Обратитесь в специализированную клинику. Заболевания вен рекомендуется лечить у флеболога. Только эти специалисты учтут все особенности строения вен и предложат оптимальное комплексное лечение. Монометоды не всегда приводят к полному избавлению от заболевания.
2. Пройдите УЗИ-исследование. Это «золотой стандарт» диагностики вен, который применяется во всем мире. Только так можно оценить истинное состояние сосудов.
3. Пройдите рекомендованное лечение в полном объеме. Врачи обычно составляют комплексную программу. Она может включать, например, лазерное лечение (ЭВЛК) для удаления крупных вен и склеротерапию для удаления более мелких сосудов и радиочастотную облитерацию. Не пренебрегайте ни одной из этих процедур: именно в комплексе достигается полное удаление всех пораженных вен и заметно снижается риск рецидива.
4. Выполняйте все рекомендации врачей. На время лечения и в период после него вам будет выписан компрессионный трикотаж, который обязательно нужно носить. Компрессия помогает наладить венозный кровоток, а также повышает эффективность лечебных процедур.
5. Регулярно проходите профилактику. Визит к флебологу раз в полгода поможет избежать рецидивов варикоза. ■

► Алия Хабибуллина

Прототипом главной героини повести Нурихана Фаттах «Мөдир Сажидә» («Заведующая Сажидә») стала его супруга Руфина. Заслуженный врач РТ поделилась воспоминаниями с читателями журнала «Идель» о том, как это было.

В повести «Заведующая Сажидә» (1968) юная неопытная девушка начинает работать в деревне после окончания медицинского училища. Изначально Сажидә мечтает о том, чтобы получить высшее образование и уехать из деревни, но общение с людьми на селе настолько меняет ее, что она решила пересмотреть свои цели.

С Руфиной Магсумовой мы беседовали морозным январским днем в кабинете Нурихана Фаттах. В этом доме очень бережно относятся к наследию писателя, стараясь сохранить все детали его жизни и творчества. Скрупулезно собираются его рукописи, черновики, образцы школьных газет

конца 1940 годов, отдельно сложенные фотографии.

Руфина Фаттахова: Когда мы поженились, все время рассказывали друг другу о своем детстве, вспоминали юношеские годы. Видимо, мои истории о том, как я начала работать сразу после медицинского училища, Нурихану показались довольно интересными. И он мне говорит: «А ты возьми и напиши об этом сама». Я стала писать о том, как это было в жизни. Я же не знала, что художественное произведение – это не просто копия жизни, автор обычно что-то прибавляет от себя, фантазирует, сочиняет, чтобы было интересно читателю. Даже если отдельный человек решит выписать

самые интересные факты из собственной биографии, и опишет все, как есть, скорее всего, получится не интересно. Нурихан мне объяснял, как пишутся художественные произведения, но я не сумела довести повесть до нужного уровня. Тогда он довольно быстро отредактировал произведение, буквально в течение двух-трех недель. Хотя свои романы писал годами. Возможно, потому что здесь идея сюжета была простой, главная героиня Сажида – простая, открытая, я бы сказала даже несколько наивная.

Алия Хабибуллина: Хотели бы вы что-нибудь изменить в сюжете повести?

Р.Ф.: Сюжет, пожалуй, нет. А что там поменяешь? Действительно, если менять сюжет, то уже надо смотреть, с точки зрения взрослой женщины. Но как можно относиться с критикой к ребенку или подростку, как можно ругать 18-летнюю девушку? У нее своя жизнь, и стараться что-то внушить, как это делают, кстати, другие бабушки, мне как-то не хочется. Если говорить честно, в конце некоторые детали были добавлены. Например, влюбленность главной героини в ее начальника. Что до меня, это уму непостижимо – простая деревенская девчонка влюбилась в главврача, который к тому же еще и москвич! А Нурихан это придумал и написал: она влюбилась, а начальник, конечно же, ее отверг.

А.Х.: Когда вы в повести увидели себя со стороны, захотелось ли что-то в себе поменять?

Р.Ф.: Характер и образ переданы довольно точно. В силу рода занятий он был хорошим психологом, к тому же он был старше меня почти на десять лет. Для него все было

прозрачно и ясно, что за девушка перед ним, что за героиня, что за фельдшер. И поэтому он все переделал так, как видел.

А.Х.: Какой период творчества Нурихана Садрильмановича вам больше всего нравится?

Р.Ф.: Нурихан не может мне нравиться по периодам, по написанным произведениям – он мой муж. Особой любви к повести «Заведующая Сажида» у меня нет. Мне всегда казалось, что повесть несколько наивная и легкомысленная. А вот критики все время вспоминают об этой повести. Исторические

романы Нурихана мне нравятся больше.

А.Х.: Предположим, кто-то решил описать вашу биографию сегодня. Как ее можно озаглавить?

Р.Ф.: Я даже не знаю. Здесь автор сам должен придумать. Оказывается, это непростая задача. Когда Нурихан написал книгу «Переправа», мы вдвоем очень долго думали, как назвать этот роман. Была масса вариантов, он со мной советовался. Решили назвать «Переправа». Это соответствует содержанию, и в то же время не раскрывает всю подноготную. Должен же оставаться какой-то секрет, интрига. Это как с женщиной – если она наденет платье с большим вырезом, раскроет всю красоту, она перестанет быть загадкой. Думаю, что название книги о моей биографии, было бы с каким-то секретом.

А.Х.: Не кажется ли вам, что интерес к литературе у нынешней молодежи угас, все внимание занято телевизором или социальными сетями?

Р.Ф.: Я знаю не всех, не так часто общаюсь с молодежью. Те, с кем я

общаюсь, это мои внуки и их друзья. И я бы не сказала, что молодые люди не читают или не имеют интереса к литературе. По работе я общалась с врачами моего возраста или с более молодыми коллегами и заметила интересную деталь: если женщина, модная, ухоженная, хорошо одетая, следит за своей внешностью, она более развита и профессионально. Они все успевают и следят за книжными новинками, хорошо знают литературу. В медицине без этого нельзя. В медицине надо постоянно читать.

А.Х.: Нехудожественную литературу вы читаете?

Р.Ф.: В последние годы люблю научную-популярную литературу. Ее у нас дома очень много, она вся перечитана моим мужем. И когда я ее читаю, вижу, что некоторые фразы подчеркнуты красными, черными, зелеными чернилами, мне сейчас очень интересно, почему именно эти строчки он выделил. Как-то он мне говорил: «Ты не трать время на художественную литературу, все подряд не читай, время жалко, а научно-популярная литература интересна». Конечно, чисто

научную литературу я вряд ли одолею, если речь не о медицине. Но научно-популярная литература понятна и проста.

А.Х.: Молодежь вашего времени отличается от современной?

Р.Ф.: Небо и земля. Это уже совершенно другие люди, другое поколение. Но это и к лучшему. Жизнь не останавливается, она должна развиваться. А вообще, натура человека не меняется, несмотря на то, что молодость сейчас другая. Чувства, переживания остались такими же, мы в свое время влюблялись, современные люди тоже влюбляются, мы делали ошибки, они сейчас совершают свои ошибки. Неземно человек проходит все этапы жизни, и это не зависит от эпохи.

А.Х.: То есть сюжет повести «Заведующая Сажид» остается актуальным?

Р.Ф.: Без сомнений. Многие молодые люди поступают в институты, не потому что они хотят получить профессию, а чтобы поскорее уехать из дома туда, где свобода и простор. И лишь с годами люди понимают, что они пришли именно

в ту профессию, или же наоборот, что совершили ошибку в молодости. Так, и наша главная героиня по окончании медучилища не до конца осознавала значимость своей профессии. Но буквально через год она уже осознанно хотела поступать в медицинский институт. Судьба решила по-другому... ■

Электронная версия журнала «Идел» предназначена исключительно для индивидуального пользования. Любое издание без согласия редакции «Идел» запрещено. О нарушениях авторских прав (раздел VII ГК РФ) и Пользова

Нурихан Фаттах

Нурихан Садрильманович Фаттах – татарский писатель, переводчик, автор сочинений по истории и лингвистике. Родился 25 октября 1928 года в деревне Кючтовыл Янаульского района Башкирии. Первое стихотворение опубликовано в 1944 году в журнале «Совет әдәбияты» (ныне «Казан утлары»). В 1946 году окончил Янаульскую среднюю школу № 1, в 1951 – Казанский университет, специальность «Татарский язык и литература». Работал в редакции детско-юношеской литературы Таткнигоиздата, журналистом в газете «Сталин байрагы» в Чистополе. С 1953 года жил в Казани. В 1957 году был издан его первый роман «Сезнеңчә ничек» («Как, по-вашему?»). С 1965 года член Союза писателей. Автор более двадцати крупных исторических, сценических и литературных произведений, в том числе и для детей. Перевёл на татарский язык роман «Отверженные» В. Гюго, «Отец Горио» и избранные рассказы О. Бальзака, «Обломов» И. Гончарова, рассказы А. Серафимовича, Б. Житкова и др. Народный писатель Республики Татарстан, лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая.

ЗАВЕДУЮЩАЯ САЖИДА

Отрывок из повести в переводе Резеды Гараевой

Приготовьте место в телеге! – сказала я. – Повезём её в больницу в Югамаш. Здесь никаких условий. Лекарств нет, шприцев нет, о стерильности я уже и не говорю...

В доме воцарилась тишина. Все недоумённо обменивались взглядами.

– Куда! Она уже вот-вот родит, – сетовала повивальная бабка. – Нельзя в дорогу, мало ли что может случиться.

– Я поеду с ней, – ответила я.

Эти слова прозвучали уверенно и твёрдо. Моя настойчивость, похоже, подействовала на роженицу и её свекровь.

– Ладно, поеду, тётушка Салима. Врач знает своё дело, – сказала Рамзия апа.

– Знает-то знает, да ведь ехать далекоовато, – сказала повивальная бабка.

Я быстренько расстегнула халат и засунула его в сумку. Дала указания вынести подушки.

Удобно разложив их в телеге, мы помогли сестре роженице. Стиснув зубы, чтобы не застонать, она устроилась поудобней. Хозяйка и повивальная бабка, стоя у ворот, пожелали нам счастливого пути.

День уже перевалил за половину, но было ужасно жарко. До больницы – двенадцать вёрст. Одолев одну-две версты, мы выехали на мощёную дорогу. Я велела Фариту поторопить лошадь. Когда та перешла на рысь, спокойно сидевшая до этого женщина начала охать.

– Фарит, правь потише, трясёт ведь, – сказала она чуть не плача.

Фарит сбавил ход, женщина ненадолго успокоилась. А я начала переживать – таким ходом мы и к вечеру не доберемся.

— Фарит, прибавь ходу, не спи! — сказала я парню.

Какое-то время мы ехали быстро, вдруг беременная снова начала охать.

— Фарит, потише! Умоляю...

То прибавляя, то сбавляя ход, мы доехали до поворота, ведущего в Югамаш. Затем Фарит свернул на просёлочную дорогу, пыльную, но ровную. Телега почти не тряслась, а лишь мягко покачивалась. По обе стороны раскинулись ржаные поля. Можно было заметить несколько жнецов. Они собирали рожь в местах, где не проехать комбайну. Никто не разговаривал. Было слышно, как охает роженица, как лошадь ступает по дороге, как двигается хомут и изредка поскрипывает несмазанное колесо телеги.

До Югамаша оставалось самое большее две-три версты.

— Скоро уже, апа, скоро!

Кажется, эти слова я больше говорила, чтобы успокоить себя, нежели роженицу. Вдруг женщине стало хуже. Она резко вскрикнула:

— Фарит, останови лошадь!

Фарит натянул вожжи. Лошадь остановилась. Не успела я моргнуть, как роженица слезла с телеги. И тут же присела у обочины.

— Фарит, отвернись! — крикнула она.

Я опешила, не зная, что и делать.

— Апа, вы чего! Нельзя! Сейчас же обратно в телегу. Нельзя, я вам не разрешаю!

Мои слова подействовали на неё не более, чем жужжание назойливой мухи. Обеими руками ухватившись за края телеги, она продолжала тужиться. Вдруг она громко ахнула и замолкла.

По моей спине пробежала дрожь. Я присела рядом, бормоча о том, что сейчас мы ничего не сможем сделать.

— Держи ребёнка! — в сердцах крикнула женщина. — Что стоишь?!

Через несколько мгновений родился ребёнок. Самый настоящий, живой, здоровый ребёнок. Я торопливо взяла его на руки. Обрезала пуповину. Розовые тёплые ножки коснулись земли, чуть испачкавшись в пыли. То ли обидевшись, что ему не дали встать, то ли радуясь появлению на свет, он закричал. Настоящим человеческим голосом он завопил на всю округу.

Я велела Фариту достать из моей сумки белый халат. Запеленала в него новорожденного и положила на подушку. Повернулась к матери, а та вскочила, как ни в чём не бывало, забралась в телегу и легла рядом с ребёнком.

Я снова взяла дитя на руки, поправила подушку в изголовье матери и подол её платья.

— Кто? — слабо спросила она несколько мгновений спустя.

Как можно было об этом забыть! Развернув халат, я нарочито грустно сказала:

— Мальчик...

Женщина притихла и закрыла глаза.

Наконец, и я пришла в себя. Над головой светило солнце, где-то в вышине пели жаворонки. Вдоль дороги наперебой стрекотали кузнечики. Обомлевший и весьма ошарашенный, Фарит стоял возле телеги. Чёрная кобыла обеспокоенно поглядывала на нас. Неподалёку у нескошенной ржи стояли жнецы, кто-то, приставив руку ко лбу, а кто-то, положив на пояс.

Увидев жнецов, я застыдилась. Вот тебе и врач! Ещё и заведующая! С первых дней так опозориться! Перед всеми людьми!

— Эй, Фарит, — сказала я. — Поехали!

С ребёнком на руках я устроилась в телеге. Через несколько минут мы уже доехали до больницы. ■

Александр Воронин

Драматург, прозаик. Родился 29 декабря 1958 года в Куйбышеве (ныне Самара). Учился в Казанском театральном училище, играл в спектаклях театра юного зрителя. Выпускник Литературного института имени А.М. Горького (1986), заместитель главного редактора литературного журнала «Аргатак. Татарстан», председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей, лауреат международной литературной премии «Детское время». Автор книг «Драма диаспизма», «Монарх-монах», «Невидимки», «Ясновидящая», «Кинг книг». В начале этого года у автора вышла книга «Трилогия non fiction».

ПОЭЗИЯ И МЕДИЦИНА В СЕМЬЕ МУСТАФИНЫХ

Очерк (в сокращении)

Виль Мустафин прожил с супругой Галиной Михайловной Килеевой более тридцати лет. В их квартире на улице Искра бывали многие казанские поэты и писатели, доводилось бывать и мне. Самая большая из трёх комнат у Мустафиных была отдана под кабинет поэта. В самом центре на журнальном столике обычно лежали книги горой, папки, отдельные бумаги и ручки... Такое же точно нагромождение можно было видеть на двух письменных столах и даже на одном из двух кресел. А по стенам были книжные полки до потолка, книгам не всегда хватало места, приходилось какие-то складывать стопками на полу... Конечно, хозяйка

дома хотела бы навести здесь порядок, тем не менее, Галина Михайловна не трогала ничего — то была территория Вили, заповедник воли, и только ему понятная закономерность наблюдалась в этом хаосе.

Ко всему прочему, можно добавить, в том кабинете даже время текло не так, как в других уголках их квартиры. Тут ночь напролёт горела настольная лампа, из стереофонической системы тихо лилась музыка. На компакт-дисках была собрана чуть ли не вся мировая классика!

Виль Мустафин мог лежать на диване с книгой или сидеть за компьютером, мог долго глядеть в ночную тьму за окном. И заниматься только ему понятной работой, которая другим, со стороны, покажется обычным бездельем...

А гостей Мустафины принимали на кухне. И гостей в этом доме любили, о чём можно было судить по поведению кота, любимца Вили, который привычно дожидался коробки от принесённого гостями торта и с удовольствием её разрывал на куски.

В доме их было удивительно тепло, уютно и приятно, в чём, конечно, главная заслуга принадлежит жене.

Галина после школы поступила в медицинский институт, училась хорошо, занималась спортом, в общем, как в любимой комедии «Кавказская пленница», была спортсменкой, комсомолкой, отличницей и просто красивой девушкой, когда в загородном студенческом лагере на Голубом заливе познакомилась с Вилем Мустафиным. Тот уже преподавал в КАИ, но по давней студенческой традиции любил бывать с друзьями на Голубом заливе, в спортивном лагере университета. Однажды их компания забрела к медикам, там в настольный теннис занимали очередь чуть ли не с утра. Так что поначалу Галину только раздражали приставания незнакомых парней, которые мешали играть.

Но вскоре они познакомились. Виль сказал, что в их университетском лагере будут танцы, пригласил Галину с подругами. Но вечером танцевал только с ней, не отпускал от себя. И наутро снова пришёл к медикам. Позвал прогуляться по лесу... Первое романтическое увлечение обернулось осенним отрезвлением, когда Галина узнала, что Виль женат. Но было

поздно: невидимка-купидон уже пронзил их сердца огненной стрелой...

Родители выбор дочери не одобрили. Галина и сама пыталась прервать всякие отношения. Однако изредка всё же отвечала на приглашения — то на концерт, где Виль пел, то на поэтические вечера, где он выступал со стихами...

Ничего плохого про свою жену Мустафин ей не говорил, да они и не пытались говорить о совместном будущем. Виль давал ей читать книги, во время свиданий много говорил о поэзии, читал стихи — и не только свои. Например, он тогда был очарован Мариной Цветаевой, имя которой ещё оставалось под запретом, в печати её стихотворений не цитировали. Виль открывал ей новые горизонты, а потом оказалось, что в том новом мире для неё всё было связано с Вилем. Так что их платонический роман со временем стал безальтернативным. Друзья Вили стали Галиными друзьями — и в их компании Килееву все знали, как девушку Мустафина.

Ухажёров у красавицы-медички было немало, однако теперь она невольно сравнивала всех с Вилем — и далеко не в лучшую для них сторону. Подруги одна за другой выходили замуж, а она ни о ком другом уже не могла думать.

После окончания мединститута Галину Килееву по распределению направили работать в участковую больницу села Дубьязы Высокогорского района, что в пятидесяти километрах к северу от Казани.

Вскоре туда стал наезжать и Виль Мустафин, так что местные парни были вынуждены отступить. Пришлось уступить и родителям Галины, которые уже не могли повлиять на отношения дочери с любимым поэтом.

Всё решил его величество случай — однажды на улице Виль встретил бывшего коллегу из КАИ, Нила Фатыховича Хайруллина, который тогда возглавил научно-исследовательский институт вычислительной техники ГНИПИ-ВТ. И ему нужны были математики. А Мустафину нужна была жилая площадь, чтобы привезти туда Галину...

Нил Фатыхович сдержал обещание — вскоре они получили отдельную квартиру на улице Краснооктябрьской. Там в 1967 году у Мустафиных родился сын Артур. Галина Михайловна

после декретного отпуска не стала возвращаться в детскую поликлинику, где нашла себе работу сразу по приезду в Казань. Мамина подруга рекомендовала Галину Килееву-Мустафину на кафедру терапии Государственного института усовершенствования врачей, где освободилось место врача-лаборанта. Пришлось осваивать клиническую лабораторную диагностику, бактериологию, биохимию, гематологию. Около двадцати лет Галина Михайловна была главным лаборантом города Казани, овладела всеми специальностями лабораторной диагностики, вела занятия в учебных группах ГИДУВа.

Её посылали на курсы повышения квалификации в Москву, она опубликовала ряд статей по данному направлению. Могла бы даже защитить кандидатскую диссертацию. Но тут сначала папа перенёс инсульт, потом маме сделали операцию... О научной карьере пришлось забыть.

Когда отца не стало, мама Галины Михайловны стала заметно слабеть, за ней требовался постоянный уход, поэтому приходилось с работы забирать сына и ехать сначала к ней, на Искру, потом к себе домой... и так каждый день, много месяцев подряд. В конце концов, мама заявила, что не хочет больше оставаться одна. Сказала: «Ищите обмен».

Удачный вариант нашёлся прямо в их подьезде... Мустафины стали обживать в трёхкомнатной квартире на четвёртом этаже. Вот только мама Галины Михайловны буквально через месяц умерла...

Все эти годы сын Артур был рядом с мамой. Галина Михайловна решила определить его в знаменитую 18-ю школу с углублённым изучением английского языка, которая находилась по соседству с институтом усовершенствования врачей на улице Комлева. Поступить туда в конце семидесятых было сложно, а проживающим в другом районе — просто невозможно. Ну разве если очень захотеть!

У тётушки Артура, Чечки Салаховны Мустафиной, работал в Министерстве просвещения ТАССР сокурсник по пединституту, тот позвонил в школу... На собеседовании Артур проникновенно прочёл стихотворение Маршак «Дама сдавала в багаж». И его приняли в престижную школу.

В классе он сдружился с Глебом Казаковым, отличником и сочинителем. Тот писал небольшие истории, приключенческие рассказы. Друзья вместе пришли к мысли издавать свой журнал. Глеб писал, Артур издавал, а одноклассники с удовольствием разглядывали журнал молодых писателей, распечатанный на пишущей машинке в пяти экземплярах. На титульном листе они поставили «Издательство Дом», причём первый экземпляр подарили классной руководительнице...

За «самиздатовскую» продукцию, изготовленную в мустафинской квартире, маму Артура вызывали к директору школы. И разъяснили: конечно, Артур и Глеб — мальчики творческие, и это приветствуется, но в роно, если узнают, что у них издаётся «подпольный журнал», всяко могут повернуть... Поговорить с ребятами попросили Виля Салаховича.

В седьмом или восьмом классе Артур с Глебом увлеклись музыкой великой группы «Битлз». Разумеется, им было легче «передирать» битловские тексты с магнитофонных записей, поскольку они учились в английской профильной школе. Но начинали они с барабанной установки... из кастрюль. Как вспоминала позже Галина Михайловна, Артур с друзьями устраивал у них в квартире такой треск и гвалт, что взрослым требовалось немало мужества и терпения, чтобы всё это выносить...

Когда Артур перешёл в десятый, выпускной класс, отцу на работе достались путёвки в молодёжный лагерь «Волга», что в Боровом Матюшино, весьма престижное по тем временам место отдыха. Там Мустафины отлично отдохнули, много купались... А после долго пожинали последствия августовских купаний. Артур вернулся в город с ангиной, которой родители поначалу не придали особого значения.

Мама-доктор привычно лечила сына, как это делала всегда... Однако на этот раз не обошлось без осложнений, которые в результате обернулись тяжёлым ревмокардитом. Артура положили в больницу, врачи опасались, что может развиваться порок сердца... Десятиклассник пропустил занятия в школе с сентября по декабрь. Учителя советовали восстановить здоровье и пойти в десятый класс с нового учебного

года. Однако Артур категорически отказался оставаться на второй год.

В итоге Артур окончил школу вместе с друзьями. И сразу решил: будет поступать в медицинский. Долгие месяцы борьбы с тяжёлым заболеванием определили профессиональный выбор. Ведь были моменты, когда ноги отказывались слушаться, и родители буквально носили его на руках. Молодой человек всерьёз задумался о том, что ему, может так случиться, всю жизнь придётся хромать на костылях или с тросточкой...

У Виля Мустафина в Казанском медицинском институте преподавала двоюродная сестра Диляра, однако он сразу заявил, что никого просить за сына не пойдёт. И Галине Михайловне запретил помогать, хотя в ГИДУВе та была уважаемым работником...

Впрочем, сын поступил, как всегда, по-своему... Хотя не мог не знать, что без протекции в те годы в КГМИ поступить было практически невозможно.

Потом он рассказывал, как к нему несколько раз подходили и спрашивали, кто его родители... А на первом же экзамене подсунили задачку, которую он так и не смог решить. Друг отца, который готовил его по физике, определил однозначно — таких сложных задач на вступительных экзаменах никогда никому не задают, разве что предложат на всероссийской олимпиаде... Кузина Виля Салаховича настаивала, чтобы Мустафины подали апелляцию в приёмную комиссию. Но Артур в институт больше не пошёл. Тем не менее, легко согласился пойти на работу в ГИДУВ обычным санитаром.

Заведующая отделением взяла его к себе в кабинет, ей понравилось, как Артур оформлял истории болезней. А как-то раз в ГИДУВ наведалься сам ректор мединститута — привёл заболевшую родственницу. И заметил, как профессионально, пунктуально и предупредительно работает молодой медбрат. Стал рас-

спрашивать Артура, узнал, что тот поступал в КГМИ — и выразил надежду, что тот обязательно поступит, если походит на подготовительные курсы. Артур так и поступил.

В армию его не призвали. Переболевших ревмокардитом освобождали тогда от призыва на пять лет. Два года стаж тоже сыграли важную роль — в результате санитар поступил в мединститут. Как и обещал отцу, без всякого блага, на законных основаниях.

Правда, учёба в институте уже не была для Артура Мустафина самой желанной мечтой. В годы перестройки всё с тем же Казаковым они создали одну из первых казанских рок-групп. Их «Холи» стала участником легендарного рок-фестиваля «Подольск-87», регулярно выступала в казанских клубах. Артур Мустафин в казанской молодёжной тусовке был достаточно известен. В деканате его творческие успехи воспринимали без особого оптимизма...

После института мама прочила сыну поступление в ординатуру ГИДУВа, но тот отказался. И пошёл работать на скорую помощь. Стимул был прост: сутки дежуришь, три дня свободен — и это время для музыки. В то время Артур Мустафин собрал собственную группу, назвав её «Крокодилли». Исполнял собственные песни.

Потом Артур Мустафин перебрался в Санкт-Петербург. С трудоустройством проблем не возникало — опытные врачи скорой помощи всюду востребованы. Питерская рок-тусовка охотно приняла в свой круг казанских «крокодилчиков».

В последние годы Артур Мустафин увлекается электронной музыкой, выступая под ником Translippers. Судя по интернетовским поисковикам, его творчество по-прежнему востребовано в питерской музыкальной тусовке.

Вот так в судьбе сына переплелись поэзия и медицина, материнская и отцовская линии. Остаётся добавить, что Артур с годами всё больше становится похож на Виля Салаховича. ■

Родилась в городе Лысково Горьковской области в семье учителей. Окончила медучилище и Горьковский медицинский институт. Несколько лет работала врачом в сельской местности. В общей сложности отдала медицине почти полвека. «Мы были молоды, энергичны, готовы бескорыстно прийти на помощь в любое время суток. Я любила свою профессию и всегда работала с душой».

Нина Булатова

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКОГО ДОКТОРА

...После окончания четырёхгодичной фельдшерско-акушерской школы и получения диплома с отличием фельдшерицы-акушерки, я имела право поступать в Горьковский медицинский институт, но в том году было много медалистов, по конкурсу я не прошла: не хватило одного балла. И Горьковский облздравотдел направил меня на работу в деревню Выползово Дальне-Константиновского района — заведующей фельдшерско-акушерским пунктом.

Жила я у одинокой хозяйки, которую звали Фёкла. Женщина она была хорошая, чисто-плотная. В хозяйстве у неё было своё ноу-хау: она приносила с фермы конский навоз и подкармливала им кур. Куры от этого очень хорошо неслись. Фёкла часто произносила фразу: «Я, Фёкла, из дерьма делаю конфетки».

Был вечер 31 декабря 1957 года. Мы накрыли на стол. Фёкла напекла пирогов, я резала салаты. Включили радио. Вдруг послышался настойчивый стук в дверь. Я открыла и увидела мальчика лет десяти, который сказал, что его мамка рождает.

Быстро одевшись, я схватила чемоданчик для оказания неотложной медицинской помощи, где были наготове стерильные инструменты, шприцы, бинты, спирт, медикаменты. Идти надо было более трёх километров до деревни Малая Пица — сначала полем, потом через

глубокий овраг с крутым спуском и таким же крутым подъёмом в гору. На улице вьюжило и сыпало снежными хлопьями в лицо. Мы шли быстро и наконец-то добрались до места.

Я обследовала роженицу, у неё уже начались потуги. Схватки были хорошие, роды — вторые. Для меня же эти роды были первые, я немного волновалась, но чувствовала себя достаточно уверенно. Наш преподаватель по акушерству Фрида Анатольевна Вихман муштровала нас по полной программе. Тактику ведения родов, диагностику патологии мы знали, как таблицу умножения. И всякие манипуляции, типа «поворот плода за ножку», многократно отработывались на муляже.

Роды прошли успешно, ровно в полночь родился здоровый мальчик, который, как и положено, огласил своё появление на свет громким криком. Роженица чувствовала себя хорошо, и необходимости оставаться там больше не было, тем более и остаться переночевать мне никто не предложил.

Часы показывали два ночи. Проводить меня до дому было некому. Я решила идти одна. Было жутко, всюду мело, не было видно ни зги, я старалась идти как можно быстрее.

Спустившись в овраг, услышала вой волков: «У-у-у-у...». У меня от ужаса перехватило дыхание, и дальше — провал в памяти. До сих

пор не помню, как добралась до дома... Вот так под Новый год прошло моё первое боевое крещение. Для нас, молодёжи 50-х, клятва Гиппократа была святой.

Через год по семейным обстоятельствам я была переведена на должность заведующей Великовским фельдшерско-акушерским медпунктом. Запомнилась бурная весна 1959 года. После снежной зимы снег быстро таял, и сообщение между сёлами нарушилось, все дороги были залиты водой. Поступил срочный вызов к младенцу в село Комариха. Добраться туда можно было только бродом, в охотничьих, по пах, сапогах или верхом на лошади. К счастью, за мной приехал мальчик на бурой кобыле. С трудом взобравшись на лошадь, одной рукой я крепко уцепилась за её гриву, а другой держала чемоданчик с медикаментами. Мальчик вёл лошадь под уздцы, бредя по воде выше колена в огромных сапогах.

Часа за два мы добрались до Комарихи. Я тщательно осмотрела ребёнка: горло, кожные покровы, прослушала фонендоскопом лёгкие, сердце, прощупала лимфатические узлы и, поставив диагноз ОРВИ, назначила необходимое лечение.

Узнав, что приехала фельдшер, правление колхоза выделило специальное помещение для приёма больных. Приняла я за пять часов работы несколько десятков ребятишек и взрослых. Усталая, но довольная проведённой работой, ехала обратно домой на той же буро-красной кобыле, и вёл её под уздцы тот же мальчик, так же бредя по колено в воде в больших сапогах.

Вспомнился другой случай, о котором стыдно писать. В 12 часов ночи поступил вызов. Когда в сопровождении родственника больной я пришла, то увидела в сенях под пологом женщину, которая билась в судорожном эпилептическом припадке, с пеной изо рта. Электрического света не было. Пошли за керосиновой лампой. Чтобы чётко видеть, открыли дверь на улицу. Свет полной луны падал на больную. В стандартном чемоданчике для оказания неотложной помощи все флаконы, крепившиеся в специальных гнездах, были одинаковой формы и из одинакового тёмного стекла. Тут находи-

лись настойка валерианы, настойка пустырника, медицинский спирт, настойка йода, 3 % перекиси водорода, нашатырный спирт. В спешке и при недостаточном освещении я перепутала флаконы и, накапав в воду вместо валерианы нашатырный спирт, дала выпить больной, которая была в полном сознании. Приступ судорог моментально прекратился. Но больная сказала, что у неё жжёт в горле. Тут принесли керосиновую лампу, и я с ужасом обнаружила свою оплошность, однако постаралась сохранить уверенный вид. Больная по моему совету стала глотать сырые яйца, сливочное масло, пить квас. К счастью, всё обошлось. С того момента я взяла за правило: прежде чем дать лекарство больному, читать его название. Особенно, если лекарство в ампулах и вводится внутривенно или внутримышечно.

Следующий случай мне запомнился на всю жизнь. В два часа ночи поступил срочный вызов. В медпункт на грузовой машине привезли мужчину лет сорока с травмой лица. Со слов пострадавшего, топор упал с машины и разрубил ему левую щеку. Рана была зияющая и глубокая, с повреждением мышц лица и подкожной клетчатки. Швы надо накладывать в первые шесть часов после травмы, чтобы рана зажила первичным натяжением. Везти в районную больницу ночью не представлялось возможным: до трассы надо добираться пешком, к тому же, преодолевать крутой подъём в гору. Я приняла решение самостоятельно наложить швы, никогда прежде их не накладывая, но видела, как это делается. Электрического света в медпункте не было, пользовались керосиновой лампой, инструменты кипятили на керогазе. Я вскипятила иглы для наложения швов, иглодержатель, пинцеты, кровоостанавливающие зажимы. Стерильный шёлк в спиртовом растворе был в запаянных ампулах. Промыв рану раствором 3% перекиси водорода и обработав края раны и руки спиртом, не торопясь, спокойно прокалывая кожу вместе с подкожной жировой клетчаткой и мышцами, чтобы не было карманов, я наложила семь швов, аккуратно расправляя края кожи, чтобы шов был ровный. Перед наложением швов ввела противостолбнячную сыворотку и внутривенно глюкозу с хлористым

кальцием. На рану наложила стерильную повязку с антисептиком. Через неделю больной явился ко мне для снятия швов. Я удивилась, что рана так хорошо зажила и был едва заметен небольшой рубчик. Было приятное удовлетворение, что я, 19-летняя девчонка-фельдшерница, справилась с врачебной работой.

После 2-х лет работы на селе в качестве фельдшера я поступила в Горьковский медицинский институт на лечебно-профилактический факультет. Во время учёбы несколько лет подрабатывала медсестрой в гинекологической клинике больницы имени Семашко, которую возглавлял профессор Добротин Святослав Сергеевич. Это был человек добрейшей души, замечательный специалист, мастер своего дела, золотые руки. Он делал самые сложные гинекологические операции, в том числе и с онкологией. Многим женщинам он спас жизнь.

По окончании института в 1965 году я была направлена на работу в участковую Макарьевскую больницу врачом широкого профиля. В посёлке находилась больница на 25 коек с печным отоплением и холодным туалетом, роддом, амбулатория. Воду из Волги и продукты для больных привозили в больницу на лошади по кличке Вишенка.

В обязанности врача и фельдшеров входило обслуживание соседних сёл в радиусе двадцати километров, двух школ, ветеринарного техникума, учащихся которого мы часто возили в качестве доноров в районную больницу. На нашей территории находился лесозавод, два детсада, сплавная контора. Также мы обслуживали работников рейда — катеров, паромов, пристаней, куда швартовались волжские суда. Жизнь была ключом.

Врач на селе — и терапевт, и хирург, и педиатр, и окулист, и лор, и гинеколог. Надо было уметь распознать диагностику острого живота: прободную язву, аппендицит, оказать помощь при инсультах, родах, оживить ребёнка, родившегося в асфиксии. Нередко поступали женщины с криминальными абортами. Некоторые женщины для прерывания беременности пользовались черенком фикуса, что вызывало заражение крови и вело к гибели. Я заметила,

что не было ни одного случая, чтобы женщина с подобным методом прерывания беременности осталась жива.

Самое тяжёлое время наступало, когда начинался ледоход, и не всегда была возможность переправить больных в районную больницу на той стороне Волги. Что могли, делали сами. Один раз мы с мужем благополучно прооперировали женщину с острым флегмонозным аппендицитом. В другой же раз нам пришлось транспортировать в райбольницу больного с прободной язвой желудка. Телефон районного хирурга молчал, и мы не могли получить соответствующую консультацию. Между тем вода затопила все луга до самого Лыскова, добраться до райцентра можно было только на лодке, катер бы по мелководью не прошёл. К тому же внезапно разыгрался шторм. Было около одиннадцати часов вечера. Мы бежали несколько жителей, у которых были лодки. Никто из них не соглашался переправить больного, опасаясь высоких волн. Лишь на рассвете ветер утих, и мы на лодке сумели переправить больного в районную больницу, где он был прооперирован. Как ни грустно и больно об этом писать, через две недели мужчина там умер. Был звонок из районной больницы, нас хотели обвинить в смерти больного. Однако после вопроса, почему районный хирург тогда не брал трубку на неоднократные наши звонки и почему больному так рано отменили антибиотики, на той стороне провода зашикали «тихо-тихо!», и все обвинения прекратились. Ходили слухи, что в тот вечер хирург был нетрезв...

Мне приходилось вправлять вывих нижней челюсти одной больной — женщина сладко зевнула. При переломах ключицы мы накладывали на подмышечные области кольца, сделанные из подручного мягкого материала: вата, бинты, полотенца. Часто приходилось накладывать шины Крамера при переломах костей нижних конечностей, фиксируя несколько суставов, после чего транспортировали больных в райбольницу. Приходилось подрезать у детей уздечку под языком, когда ребёнок испытывал нарушения речи. Однажды у нас на лечении был даже один наркоман, который возвратился из исправительных лагерей. Он требовал вве-

сти ему наркотик, но мы заменяли его другим лекарством, к которому не было привыкания. Так он прошёл курс лечения и выписался из больницы с улучшением.

Осенью 1968 года к нам привезли роженицу. Я обследовала её и наблюдала около двух часов. Открытие шейки матки было полное, но головка ребёнка не продвигалась. Передняя теменная кость застряла на мысе, что означало переднее асинклитическое (неправильное) вставление головки. Чтобы избежать разрыва матки, нужна срочная операция — кесарево сечение. Из-за тонкого, едва схватившегося льда переправить роженицу через Волгу невозможно. Звоню районному гинекологу и объясняю всю ситуацию. Она рекомендует: чтобы спасти мать, сделать плодоразрушающую операцию, то есть удалить живой плод по частям. Но как можно было убить живого ребёнка?

Плодный пузырь был цел. Ребёнку ничего не угрожало. Я не могла согласиться и приняла решение: переправить роженицу по нашему, левому берегу Волги до города Бор. Нашли грузовую машину. Я снимаю родовую деятельность, ввожу промедол с атропином, даю сопровождающую медсестру. Чтобы не было асфиксии у ребёнка, проводим триаду Николаева. Пишу подробно направление, описываю диагноз и какие медикаменты вводили. Кутру роженица была доставлена до города Бор в родильное отделение, где срочно было сделано кесарево сечение. В результате и мать осталась жива, и ребёнок родился здоров и невредим. Горжусь, что вовремя поставила диагноз и приняла правильное решение.

В 1969 году в Макарьевскую больницу поступила моя мама. Состояние её ухудшилось, поскольку к ранее поставленному диагнозу присоединилась острая почечная недостаточность. Мы предпринимали всё возможное, но через две недели мамы не стало. Я была свидетелем её последнего вдоха...

Года через два, когда я летом приехала к папе в Валки, он пожаловался на боль в пра-

вом боку, который перед этим нагрел в бане. Осмотрев папу, я поставила диагноз «острый флегмонозный аппендицит», и мы тут же повезли его на машине в районную больницу. Папа сразу попал на операционный стол — к аппендициту добавился развившийся перитонит. Лечащий врач сообщил, что состояние отца крайне тяжёлое, и он вряд ли выживет. Когда я познакомилась с историей его болезни, я с удивлением обнаружила, что среди назначений не было антибиотиков, и это подтвердил сам папа. После моего разговора с лечащим врачом антибиотики были назначены.

Теперь я могу признаться, что, борясь за жизнь папы, самовольно назначила ему внутрь П фракцию АСД — антисептического стимулятора Дорогова для внутреннего употребления. Этот препарат продавался только в ветеринарной аптеке. Я знала, что он помог моему знакомому врачу с гангреной кишечника и перитонитом. Доктора сказали его жене, что он не жилец, поскольку был удалён практически весь тонкий кишечник, поражённый гангреной, рана была открытая, частично переваренная пища выходила наружу через эту рану. И мой коллега решился принять препарат АСД. В результате раны стали очищаться, некротические отделения начали выходить. Потом больному сделали повторную операцию, соединили тонкий кишечник с толстым, и он пошёл на поправку. Кстати сказать, коллега прожил до глубокой старости. Ещё до приёма АСД, в то тяжёлое для него время, когда он держал в руках непереваренные семечки от съеденного яблока, он пообещал, что не только посадит их и вырастит яблоню, но ещё и будет есть с неё яблоки. Слово своё он сдержал...

В Макарьевской больнице АСД мы применяли при лечении влажных форм экземы, при бронхиальной астме. И вот этот самый препарат я, втайне от врача, применила для папы. После приёма рана так же стала очищаться, из неё пошли обильные выделения, я не успевала менять пелёнки. Всё быстро затянулось, и папа выздоровел. Врач был очень удивлён. А я сознаюсь в этом только сейчас, спустя 40 лет. ■

Алексей Андреевич Агафонов родился в Казани 30 мая 1926 года в семье врачей. С отличием закончил лечебный факультет КГМУ (КГМИ) и был оставлен в ординатуре при кафедре госпитальной хирургии. Работал хирургом в казанской железнодорожной больнице (1954–1965). Заслуженный деятель науки, профессор, автор около двухсот научных трудов, хирург, спасший сотни жизней. Он представитель более чем 200-летней династии врачей, инженеров и общественных деятелей, вписавших славные страницы в историю Отечества. Автор книги рассказов «Роща Шамова» (2007), художник, резчик по дереву. Секрет долголетия, по мнению профессора Агафонова, в любви жизни, природы, семьи и всего красивого.

Алексей Агафонов

Разбираю архив! Вызывают оторопь залези черновики и ксерокопий, подборки газет и журналов с публикациями полемических статей, рассказов, среди которых и мои собственные. В глубине «раскопа» встретилась характеристика начинающему хирургу, справка о ранении, анонимка, написанная в классическом стиле, черновики неопубликованных научных статей и неоконченные заявки на изобретения...

«...Врач А.А. Агафонов, получивший диплом с отличием, начал работать ординатором кафедры госпитальной хирургии КГМИ 1 сентября 1949 года... Доктор Агафонов является очень способным в хирургической деятельности врачом. Он работает над книгой и проявляет большой интерес к исследовательской работе. Было бы очень желательно оставить его при кафедре для окончания проводимой им кандидатской диссертации и для дальнейшего усовершенствования по хирургии. Зав. кафедрой, заслуженный деятель науки профессор Н. Соколов 29.09.1952 г.»

...Меня бы, вероятно, профессор Н.В. Соколов задержал при кафедре, но моё поведение двадцатичетырёхлетнего Донжуана, было явным перебором. Кроме того, не всем нужен шустрый молодой хирург, уже умеющий не-

плохо оперировать. Ясно вижу этого милого и дорогого мне старика, щёточку седых усов, улыбку, спрятанную на строгом аскетическом лице. Чувствую стыд за свой обман! Отрицал нежные отношения с его любимицей (не любовницей), чрезвычайно милой ассистенткой кафедры. Проницательный старик знал о наших отношениях, и моя ложь обрушила его доверительное отношение ко мне.

«...Агафонов А.А. двадцати четырёх лет находился на стационарном лечении в пятой городской больнице с 14.12.1950 г. по 25.01.1951 г. по поводу слепого ножевого ранения груди справа с повреждением лёгкого, осложнённого гемопульмонитом и тотальным гемотораксом. Выписан на амбулаторное лечение. Зав. клиникой неотложной хирургии Осиповский В.Н.»

Направили меня в Салехард заведовать хирургическим отделением окружной больницы. Эта должность сочеталась с должностью главного хирурга Ямало-Ненецкого округа, который по территории превосходит Францию. Моими наработками и клиническими наблюдениями воспользовался пришедший на кафедру славный парень Абдулла Бареевич (фамилию забыл), вскоре защитивший кандидатскую диссертацию. Ни малейшей обиды у меня не возникло, разве что чувство досады на себя. С

молодых лет до сегодня убеждён: за всё наступит расплата, не всегда равноценная и не всегда персонально точная! В данном случае цена не была избыточной! Из Салехарда вернулся раньше трёхлетнего срока. Моё возвращение в Казань комментировал профессор Шубин, отличительным качеством которого являлось неумение оперировать: «Кажется, недавно отравили Агафонова за полярный круг, а он уже опять появился».

Длительная работа в железнодорожной больнице, защита кандидатской диссертации, всяческие события, не изменяющие мою сущность. Приход на кафедру «Оперативной хирургии» на 0,5 ставки ассистентом для завершения докторской. Полагал, ненадолго. Продолжал работать дежурником по неотложке в Шамовской больнице, институте травматологии, в восьмой городской больнице. Но работа на кафедре оперативной хирургии затягивала, становясь интересной. Появились ученики. Удалось отстроить трёхуровневый виварий с операционной и перевязочными, лифтом и электрокормокухней, создать лаборатории по изучению микроциркуляторного русла и биоэлектрической активности органов пищеварительного тракта (органов живота), что сочеталось с моим интересом практического хирурга. Затем был создан «Айболит» — уникальная ветеринарная лечебница. В итоге заведование кафедрой на протяжении 18 лет.

А вот и анонимка, написанная рукой мастера. Она не первая, но каждая была пристально рассмотрена администрацией института, отражавшая настрой этого времени и отношение администрации к скромной персоне заведующего кафедрой. Анонимка написана в высокую обкомовскую инстанцию. Привожу несколько фраз, испытывая удовольствие от чеканности стиля и убеждённости писавшего:

«Прошлое представляет настоящее и будущее, поэтому, когда мы видим сытого, довольного, пустого и чванливого А.А. Агафонова, когда мы возмущаемся его аморальным поведением и знаем его совсем иным, чем то, что много лет пытается из себя вообра-

зить, нам стыдно и не понятно, что он всё ещё успешно продолжает обманывать общественность и безнаказанно продолжает свои делишки, занимая при этом почётную должность заведующего кафедрой оперативной хирургии КГМИ, склоняя к сожительству студентов и их мам (до бабушек дело не дошло, напрасно ограничивают мои возможности). Известно, что свои диссертации он написал не сам, так как, по-видимому, писать он не умеет, а теперь уж его заслуги и диссертанты, которыми он гордится, по сути дела, воспитанники профессоров Кузнецова, Улумбекова, Салихова и других. Агафонов нечистоплотен в работе, в личных отношениях к коллегам, аполитичен, даже кичится, что не является членом партии, и в связи с этим ненаказуем. А.А. Агафонов вынашивает идею смены ректора, распространяет в институте нелепые слухи, порочащие руководство института, а также играет в шахматы с сотрудниками в рабочее время, нанося тем самым ущерб учебному процессу... Мы считаем, что пора принять к нему соответствующие меры, так как есть достойные кандидатуры на его должность, которые с пользой для науки и воспитания студентов исполнят свой долг честно». И далее в том же духе... Подпись — сотрудник КГМИ, дата 13.12.1985 г.»

С момента написания анонимки прошло тридцать два года. В руках листочки — классика, определявшая в некотором отношении нравы того времени. Время активного периода моей жизни и воспоминания о нём приятны, включая эту писатину, как говорила санитарка кафедры о любой бумажке с текстом. Среди писатины затерялась фотография — здоровый полнолицый мужик в халате облапил улыбающегося мальчонку в больничном халатике. Это хирург Агафонов и его пациент Миша Ланг через год после тяжёлой операции. Оба персонажа на фото довольны жизнью. Воспоминания высветляют события, связанные с этой фотографией.

...В железнодорожной больнице, где я работал, появилась худая, бедно одетая во что-то тёмное отчаявшаяся женщина, возраст которой

определить было трудно. То ли ещё молодая, то ли старуха. Затем появился её сын: ребёнок на тонких ножках с большим животом — болезнь Гиршпрунга. «Нас нигде не берут, — сказала женщина, — одни говорят вы не из Казани, другие говорят — ребёнок слабый». Заплакала, пряча слёзы. Сынишка также заплакал, видя мамино расстройство. С его госпитализацией были сложности. Но всё-таки удалось. Миша был очень худенький и только не по росту большой лягушачий живот составлял основной массив тела. О возможном неблагоприятном исходе предупредил. В ответ услышал: «Я вам верю, других дорожек у нас нет, Бог нас не оставит!»

Болезнь Гиршпрунга! Природа забыла обеспечить иннервацией значительные участки или весь толстый кишечник. Происходит застой его содержимого, утолщение, гипертрофия стенки кишки. Длительная жизнь при этом невозможна. Операция проводилась под местной анестезией, давление крови мальчонка держал неплохо. Произведено удаление практически всего толстого кишечника. Гладкое послеоперационное течение, при выписке мама благодарит и протягивает тяжёлый сверток в белоснежной салфетке.

— Что это?

— Это кусочек сала, не побрезгуйте!

Для вида отказываюсь, но понимаю: от этой благодарности не следует отказываться.

Прошли годы, наполненные различными событиями, защищена докторская диссертация. Второй год заведования кафедрой, но в качестве и.о. — некий ослиный вопль, обозначающий «исполняющий обязанности». На институтских учёных советах обязан, по распоряжению ректора, присутствовать, но мой голос в устных и письменных вариантах учитываться не будет, также по распоряжению ректора.

Случайный разговор с высоким партийным руководителем. Ранее экстренно оперировал его жену, находившуюся в критическом состоянии, и с тех пор наши отношения можно считать приятельскими. Спрашивает:

— Как работаешь, профессор?

— Да всё нормально.

— Всё нормально, говоришь? Проверю, как партия учит.

— Прошу не вмешиваться.

— Остановить невозможно.

Его авторитарность на высокой должности обозначилась более чем отчетливо. Звонит ректору:

— Как работает профессор Агафонов?

— Нет, нет, у меня никаких жалоб нет на Агафопова! А у тебя?

На другой день ректор, проректор, секретарь парткома на кафедре для проведения необходимого формального совещания, утверждающего Агафопова заведующим кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии. Изменилось также моё положение на учёном совете. Получив «право голоса», на учёном совете я не отказывал себе в удовольствии открытой полемики с администрацией. Иногда это носило несколько курьёзный характер.

Учёный совет. Напрягая шейные вены, ректор информирует: «По кафедрам разносные инструкции; посетителям спиртного не предлагать, а напоить чаем и проводить беседы о вреде пьянства, проводить собрания по этой тематике. Выступление членов совета, особенно яростно выступал известный выпивоха. Выступил и я:

— Уважаемые коллеги, я присоединяюсь ко всему, что было сказано, но следует вспомнить А.Н. Толстого: «Собираться и рассуждать о вреде пьянства не следует, а уж если вы собрались, необходимо выпить!»

Началась кампания по воздействию на студентов, отпускающих усы и молодые бородки. Также на учёном совете с таким же темпераментом ректор критикует носителей бород и завершает своё выступление яркой фразой: «Неужели отпускающий бороду юный врач не знает, что каждый пациент хочет плюнуть в лицо врачу с бородой?»

— Уважаемые коллеги, посмотрите стены этого прекрасного зала! Их украшают лучшие представители отечественной медицины, и почти все с усами и бородой! Я не говорю о густо волосатом Марксе или великолепном бородаче Энгельсе, но ведь даже великий В.И. Ленин носил бородку, которая называется «эспаньолка».

Испуганный голос лаборанта кафедры: «У нас какой-то бандит по кафедре ходит!» Действительно, пристально рассматривает препода-

раты крепкий молодой мужик с красной решительной физиономией в коротком чёрном полушубке и высоких шнурованных ботинках. Край полушубка надорван, и видна белая меховая изнанка.

— Жаль полушубка, — сказал, подойдя вплотную к парню.

— Жаль, конечно, Алексей Андреевич, — проговорил парень, пристально посмотрев мне в глаза.

— Кто ты, откуда, и откуда знаешь моё имя?

— Я с севера. Я Миша Ланг.

— Вижу, как это жёсткое скуластое лицо превращается в детскую милую физиономию.

Миша опускает голову и отворачивается.

— Пойдём в кабинет, расскажи о себе, Миша.

— Шоферил на северных стройках, дальний бойщик, одним словом. Питание, спрашиваете? Питание разное, иногда хлеб топором рубишь, консервы тоже промерзают. Кишечник нормальный, до ветра один раз в сутки хожу, изредка бывало по два раза. Это когда питание не ровное. Да, женат. Пацан и девочка. Пацана Алексеем назвал.

— В Казани давно?

— Совсем недавно. Останусь, если с жильём и работой разберусь.

Встреча с Мишей Лангом мне была чрезвычайно приятна, и не только позитивным результатом проведённой операции, превратившей «обречённого лягушонка» в крепкого жизнедеятельного мужика с удовлетворительным качеством жизни.

Бывает благоприятное стечение жизненных обстоятельств. Я познакомился с двумя молодыми людьми, студентами, оканчивающими медуниверситет. Это, несомненно, талантливые ребята, выбравшие приоритетом своей деятельности хирургию. Я сравниваю себя в молодом возрасте и моих новых друзей. Во многом мы похожи, но без самоуничтожения, которое, как известно, паче гордости, могу сказать, что они значительно превосходят меня по многим параметрам, характеризующим будущего специалиста, каким я был в их годы. Это большой диапазон знаний, широкая эрудиция, которая поддерживается компьютером, это внутренняя раскрепощённость. Они мне интересны и тем, что некоторые профессиональные вопросы, некоторые задумки мы будем решать вместе. Нельзя не согласиться, что это награда уходящего. ■

Родился 29 февраля 1944 года в Казани. Окончил Казанский медицинский институт (1970). Член Союза писателей Республики Татарстан. Лауреат Державинской премии 2005 года. Автор книг «Перевод с глухонемого», «Слеза на лице», «Занозы в памяти», «Любовь, которую придумали русские», «Холодный дом Антона Чехова». Публиковался в московских журналах «Смена», «Октябрь», «Сельская молодёжь», «День и ночь», в казанских изданиях.

Владимир Лавришко

«Работая с 16 лет на заводе "Теплоконтроль", аттестат зрелости я получал в школе рабочей молодёжи, после которой, как ни странно, сумел поступить в мединститут, где конкурс был 12 человек на место. После института какое-то время совмещал врачевание с должностью собкора "Комсомольца Татарии" на строительстве КамАЗа. Случилось написать и несколько сценариев документальных фильмов, один из которых – "Высокая нота" (о монтажниках-высотниках) – был отмечен премией Всероссийского кинофестиваля... На материале КамАЗа была написана и поэма-хроника "Узел связи", тут же обвинённая в антисоветизме и вышедшая книгой с предисловием Евгения Евтушенко лишь в 1982 году. К тому времени я уже вернулся в медицину. В Союз писателей СССР был принят перед самым распадом "нерушимого" Союза в 1989 году. Параллельно с поэзией писалась и проза. Первая прозаическая книга увидела свет в Татарском книжном издательстве в 1998 году. Там же вышли впоследствии ещё три книжки. Предлагаемый читателям опус о "просто русском писателе" Михаиле Зощенко – последнее, что я написал. Всё, больше не хочу..."

Владимир Лавришко

БРАТ - ОТШЕЛЬНИК

Удивительные приключения и неразгаданные загадки просто русского писателя в стране большевиков

(в сокращении)

Очень неудобный покойник

О времени и месте прощания с покойным горожан не оповестили, дабы избежать непредсказуемых проявлений народной любви. Доступ в здание Союза писателей на улице Воинова, где организовали гражданскую панихиду, пре-

градили усиленным нарядом милиции. Но народ неведомым образом просочился, и зал был набит под завязку. Распорядители панихиды с опаской обзвонили друзей покойного времен ещё «серапионовых братьев» — Вениамина Каверина, Михаила Слонимского, Константина

Федина, Николая Тихонова... Однако бывшие возмутители литературного спокойствия от надгробного слова благоразумно отказались. Организаторы облегчённо вздохнули и доверили держать речи над гробом двум тишайшим литераторам: Леониду Борисову и Леонтию Раковскому. Раковский сочинял романы сугубо исторические, а Борисов, тот и вовсе числился по ведомству романтических биографий с алыми парусами. Опасаться какого-либо скандала здесь не стоило. Но скандал как раз и грянул! Поначалу всё шло по утверждённому сценарию: старичок Борисов произнёс речь о своей дружбе с покойным, а потом вдруг стал кланяться гробу, крестить покойника и благодарить: «Спасибо тебе, Миша, что ты не стал предателем... Спасибо, что не предал русский народ!»

«Почему это он должен был предать? — руководитель ленинградской писательской организации поэт Александр Прокофьев аж подпрыгнул и позеленел. — Он был нашим советским писателем!» Стоящее подле некое должностное лицо, командированное на похороны для надзора, тут же кинулось Прокофьева поддержать: «Зощенко был патриотом! Другой на его месте изменил бы родине, а он — не изменил!» Из толпы выкрикнули: «Что же получается: предательство — норма?» На него зашикали.

Атмосфера в зале накалялась. Прокофьев, ответственный за панихиду, судорожно промокал скомканным носовым платком то лицо, то шею... Вдова покойного, чтобы разрядить обстановку, тщетно зывала: «Телеграммы! Зачитайте телеграммы!»

На Литераторских мостках, где погребалась такая писательская мелочёвка, что забывалась на следующий день, Зощенко похоронить не позволили. Началась возня с приисканием другого места упокоения, и всё выходило, что и тут нельзя, и там нежелательно. Шло время, собиралась гроза, народ глухо роптал, а места на кладбищах Ленинграда для покойного Зощенко не находилось. Измученная ожиданием вдова погрузила тело мужа в катафалк и увезла из города. Большой русский писатель Михаил Михайлович Зощенко нашёл последний приют в маленьком городке Сестрорецке, где стояла его скромная дача.

Уже сквознячок свободы гулял по стране, из лагерей вышли первые невинно осуждённые, страна зачитывалась эренбурговской «Оттепелью», давшей название наступающей эпохе. А человеку, вписавшему ярчайшую страницу в историю советской литературы, не нашлось места ни в одном ленинградском некрополе.

«Прикопали, как собаку, — шептались ленинградцы, — а ведь бывало...»

Зощенко как олицетворение Сталинской конституции

Передо мной зачитанный до дыр пухлый томик Зощенко, выпущенный Гослитиздатом в памятном 1937 году: под фамилией автора вместо названия значится «1935—1937». Книжка демонстрирует гражданам, нервно вздрагивающим при каждом ночном звонке в дверь, что напрасно они изволят нервничать и беспокоиться! Вот вам, пожалуйста, главный юморист страны! Местами даже сатирик! И ничего, жив автор и здоров. Как говорится, распишитесь и получите гонорар!

После убийства Кирова по Ленинграду прокатилась волна репрессий против бывших дворян и прочих «бывших», которым удалось после революции избежать арестов, высылки, расстрелов. Под тяжёлый каток Власти безвинно попадают тысячи семей старых русских интеллигентов! Но при этом надо было постараться как-то выглядеть перед заграницей, надо было что-то предъявить миру в доказательство законности и торжества демократии в советской стране, кроме Сталинской конституции, гарантирующей свободу слова, совести, митингов и шествий. Тут-то и пригодился Зощенко.

К тому времени он давно уже был одним из символов Ленинграда, как Медный всадник, Исаакиевский собор, крейсер «Аврора» или Петропавловская крепость. К тому же он самый настоящий русский дворянин и даже царский офицер. И всё у него при этом хорошо! Как говорится, с таким счастьем и на свободе. Воистину, если бы Зощенко не случилось под рукой, Власти пришлось бы его выдумать.

Правда, книжка главного юмориста получилась не слишком смешной: десятка два вымученных юмористических рассказов без намёка на ранее присущую автору искромётность, да

полтора десятка ещё более вымученных фельетонов.

Но главное, конечно, знаменитое имя автора! На обложке как можно крупнее: МИХ. ЗОЩЕНКО! Чтобы видно было издали! Арестовывают Николая Заболоцкого, о стихах которого Зощенко в этой книжке отозвался весьма благожелательно, арестовывают Николая Олейникова, Даниила Хармса, Александра Введенского, Льва Гумилёва, расстреливают талантливого переводчика Валентина Стенича, кончает самоубийством затравленный Леонид Добычин... А следом издаётся ещё один «весёлый» томик Зощенко, где под его фамилией стоит уже «1937–1939». Расстреливают Исаака Бабеля, Всеволода Мейерхольда... А Михаил Зощенко по-прежнему самый читаемый, самый высокооплачиваемый писатель в стране...

Зощенко как просто русский брат

На заре новой свободной жизни, как тогда выражались, в литературном объединении «серапионовых братьев» каждый наделялся своим прозвищем: Вениамин Каверин стал «братом алхимиком», Михаил Слонимский — «братом виночерпием», Лев Луцк — «братом скоморохом», Илья Груздев — «братом настоятелем», сибиряк Всеволод Иванов — «братом алеутом», Николай Никитин — «братом летописцем». Скромно устроившийся в углу в заплатанных ботинках, в пальтишке, собственноручно перешитом из шинели, Михаил Зощенко наречён был «братом отшельником». «Серапионы» объединились по принципу взаимной приязни, а также убеждения его членов, что самое главное в литературе не идеология, а качество произведения. В статье, опубликованной в 1921 году «Петроградской газетой», Михаил Зощенко сообщал читателям: «С точки зрения людей партийных, я беспринципный человек. Пусть. Сам же я про себя скажу: я не коммунист, не монархист, ни эсер, а просто русский и к тому же политически безнравственный...» Казалось бы, такая позиция мало чего хорошего могла тогда автору обещать, но слава настигла Зощенко самым первым из «серапионов». С 1922 по 1925 год вышло двадцать пять книжек его рассказов. А в одном только следующем 1926-м было издано сразу двадцать! В эпоху НЭПа

книги его стали наперегонки выходить в государственных, кооперативных, частных издательствах и раскупались так мгновенно, что тут же следовала допечатка тиража, которая опять сметалась с прилавков. Зощенковские фразы быстро стали фольклором: «Что ты нарушаешь беспорядок?», «Подпоручик ничего себе, но — сволочь!», «Собачка системы пудель».

«Баня», «Аристократка», «Нервные люди» звучали с каждой эстрады. А если уж сам автор выступал с чтением своих рассказов, то справиться с толпой способна была только конная милиция. В вопросе, предпринятом в это время одной ленинградской газетой, читатели назвали Зощенко самым известным человеком Ленинграда.

Его рассказами зачитывается вся русско-эмигрантская Европа. Вот парижские «Последние новости» от 30 ноября 1933 года: «...В России есть Катаев, — и затем Зощенко. Катаев очень талантлив. Однако в юмористических вещах он не достоин себя. Зощенко же, так сказать, — «вне конкурса». Очень возможно, что Ильф и Петров силами ничуть не беднее его. Они не менее его наблюдательны. Но в зощенковском смехе есть грусть, есть какая-то пронзительно человеческая, никогда не смолкающая, дребезжащая нота, которая придаёт его писаниям странную, отдалённо-гоголевскую прелесть... Короче, Зощенко — поэт, а другие — просто беллетристы». Подписано — Григорий Адамович. Герои Зощенко — провозглашённые «пролетарской» властью хозяева жизни. В непрестанных коммунальных склоках они яростно отстаивают свои права, они нахватались «культурных» слов, значения которых не понимают, они грубоваты, часто хамоваты, но по сути — это глубоко несчастные русские люди. Так и относится к ним автор: с юмором, но добродушно, без издёвки, но с жалостью. Соотечественники хохотали до колик.

Зощенко скоро стал так знаменит, что во множестве явились проходимцы, представлявшие «писателем Зощенко». В дотелевизионную эру, когда своих кумиров народ ещё не знал в лицо, такой трюк мошенникам частенько удавался. Подлинному Зощенко это доставляло крупные неприятности: то неоплаченный счёт пришлёт из ресторана, то явятся разъярённые покупатели, которым в комиссионке подсунули

шубу «под котика» из крашеной кошки «с плеча самого Зощенко», то в суд вызовут на предмет взыскания алиментов...

Зощенко как идеал женских грёз

Женщины были от него без ума. Происходил Михаил Михайлович из мелкопоместного старого дворянского рода, и порода в нём чувствовалась. Вот портрет от Корнея Чуковского времён их первого знакомства: «Это был один из самых красивых людей, каких я когда-либо видел. Ему едва исполнилось двадцать четыре года. Смуглый, чернобровый, невысокого роста, с артистическими пальцами маленьких рук, он был элегантен даже в потёртом своём пиджачке и в изношенных, заплатанных штиблетах. Когда я узнал, что он родом полтавец, я понял, откуда у него эти круглые, украинские брови, это томное выражение лица, эта спокойная насмешливость, затаённая в тёмно-карих глазах. И произношение у него было по-южному мягкое, хотя, как я узнал потом, всё его детство прошло в Петербурге».

На германскую Зощенко ушёл рядовым вольноопределяющимся, был неоднократно ранен, отравлен газами, приобрёл порок сердца, в двадцать два года стал штабс-капитаном и кавалером пяти орденов за беспримерную храбрость. Вернулся Зощенко почти полным инвалидом. Однако это отваги в нём не убавило.

Добавим к этому портрету юмор и щедрость. Популярность у дам красивого, обходительного мужчины была почти мистической: юные девушки и вполне зрелые женщины без ума влюблялись в его бархатный взгляд и поразительное сочетание иронии с искренней человечностью.

...У синеокой красавицы Лады Крестьянниковой было уже трое детей. Отца Лады, псковского священника, расстреляли вместе с женой. Муж пропал без вести. Ладу сослали в Мезень, городок на самом берегу Ледовитого океана. Но она никогда не жаловалась на судьбу, всё делала легко, с удовольствием. Когда засыпали дети, брала в руки старенькую гитару и пела старинные песни и романсы. Зощенко не мог глаз отвести — ему нравилась её воздушная походка, певучая речь, то, как она споро управляется по хозяйству... Он предложил выйти за него, что означало добровольное заточение в

краю вечной мерзлоты. Это был решительный поступок... Но у синеокой красавицы характер был не менее решительным. Однажды полярной ночью на неё набросилась голодная белая медведица. Кинжал Лада носила всегда с собой, и в схватке не на жизнь, а на смерть победила она. Согласись тогда Лада, русская литература, скорее всего, не узнала бы писателя Зощенко. Но она, задумчиво наблюдая игру огоньков, то вспыхивающих, то меркнущих за печной заслонкой, сказала: «А что будет потом? Восторг первых ночей пройдёт, наступит обыденность, вас потянет к огням больших городов, в Петроград, в Москву...»

Огоньки, тщётно сопротивляясь сизому налёту пепла, гасли один за другим. Зощенко молча поцеловал Ладу руку. Осторожно прикрытая дверь перекусила свет за спиной...

Но что его, рождённого среди сияющих огнями проспектов, занесло к берегам Ледовитого океана? Да вихрь! Тот самый буйный вихрь, что всё перемешал, всех смёл с привычных мест, всё поставил с ног на голову! Вихрь русской революции!

Зощенко как зеркало русской революции

«Первые числа марта. С вокзала еду на извозчике домой. Я еду мимо Зимнего дворца. Вижу на дворце красный флаг... Я вижу кругом радость и ликование. Все довольны, что произошла революция... Вероятно, нужно работать. Вероятно, нужно все силы отдать людям, стране, новой жизни».

С предложением отдать новой жизни все свои силы он обращается к Временному правительству. Его назначают комендантом главного почтамта и телеграфа, которые большевики во время переворота захватят в первую очередь. Как офицер, безукоризненно верный присяге, Зощенко, чего доброго, стал бы защищать вверенный ему объект. Но, к счастью, Зощенко расстался с телеграфом гораздо раньше. Ему опротивело просиживать штаны в кабинете, и он напросился в Архангельск адъютантом дружины. Там его и застала революция уже пролетарская.

В Архангельске стояли экспедиционные части французов. Очарованная Зощенко маде-

муазель Р. просит за него своего французского полковника. И Зощенко может с французским паспортом уехать в Париж, и быть там с мадемуазель Р. вполне счастливым вдали от всех русских революций. Париж! Вечная русская мечта! Но что это? Зощенко отказывается!?

Загадка... Провидение ведёт каждого дорогой, предназначенной ему свыше. Получи адъютант архангельской дружины французский паспорт, и русская литература опять никогда не узнала бы писателя Зощенко.

Штабс-капитан царской армии Михаил Михайлович Зощенко вполне сочувствует пролетарской революции. Хотя он и потомственный дворянин, наследственных поместий у него нет, отец его, художник-передвижник, кормил семью собственным трудом, да и сам он ещё ребенком помогал отцу выкладывать мозаику на стене музея Суворова, так что он разделяет нелюбовь пролетарской революции к нетрудящимся паразитам. Ему также нравятся Свобода, Равенство и Братство. От дворянства у него только особо щепетильное отношение к вопросам чести, вплоть до вызовов на дуэль. Он идёт служить в Красную армию, где, может, так бы и прижился, если бы не больное сердце. Он успевает повоевать против белого генерала Булак-Булаховича, но начинает раз за разом падать в глубокие обмороки, и его увольняют по болезни. Провидение вмешалось в его судьбу ещё раз.

Разве только дрова не приходилось грузить штабс-капитану Зощенко. Всё остальное он перепробовал. Работал секретарём суда, инструктором по куроводству в Смоленской губернии, милиционером, агентом уголовного розыска, делопроизводителем Петроградского порта, телефонистом пограничной службы, столяром, сапожником... «Я — сапожник. Мне нравится моя работа. Я презираю интеллигентский труд — это умственное ковыряние, от которого, должно быть, исходят меланхолия и хандра. Я не вернусь больше к прошлому. Мне довольно того, что у меня есть...»

Что это? Боевой офицер ударился в толстовство? Конечно, и граф Лев Николаевич Толстой тачал сапоги... Но, может быть, Зощенко, излагая свою биографию, всё-таки лукавит в эпоху, требующую некоторого такого лукавства? Вот супруга его Вера Владимировна

вспоминает о том же периоде жизни своего мужа несколько иначе: «В декабре восемнадцатого года он зашёл ко мне, приехав на несколько дней с фронта, из Красной Армии. В коротенькой куртке, переделанной им самим из офицерской шинели, в валенках... Я сидела перед топящейся печкой — в крошечной моей "гостиной" на Зелёной улице, дом 9. Он стоял, прислонившись к печке. Я спросила его: "Что же для вас самое главное в жизни?" И была уверена, что услышу: "Конечно же, вы!" Но он сказал очень серьёзно и убеждённо: "Конечно же, моя литература..."».

Зощенко как несостоявшийся сапожник

Пробовать перо начал он ещё в гимназии, но за выпускное сочинение схлопотал унижительную единицу с присовокуплением устного уверения в полной литературной бездарности. Униженный автор наглотался сулемы. Но после ещё более унижительной процедуры всестороннего промывания организма он передумал самоубиваться, ушёл добровольцем на фронт и продолжил сочинять в дни затишья. Получались полупорнографические историйки в духе модного тогда Арцыбашева. Он посылал их с письмами своей давней знакомой, дочери полковника Вере Кербиц-Кербицкой.

Он не предлагал ей ни руки, ни сердца, как Ладе Крестьянниковой, она сама предложила жить вместе, ужаснувшись, каким почерневшим он вернулся после всех своих одиссей. А тут ещё у него умерла мать. Зощенко погрузил в тележку два кресла, ковёр, комод и переехал. В это же время он стал посещать собрания литераторов, называвших себя «серапионовыми братьями». Там он нашёл родственные души. Чего, как оказалось, нельзя было сказать о жене. Хорошенькая, как куколка, большая любительница аляповатой роскоши и салонной литературы, считавшая рассказы мужа слишком грубыми и пошлыми, она скоро стала раздражать Зощенко. Скоротечные «офицерские» романы его стали следовать один за другим.

«...Зощенко был щедр, швырялся деньгами (в лучшую пору), любил женщин, к которым относился по-офицерски легко, — вспоминает Каверин. — Эта лёгкость не мешала ему, од-

нако, нежно заботиться о них после неизменно мягкого, но непреклонного разрыва... Он выдавал их замуж, пировал на свадьбах, одаривал приданым и оставался другом семьи, если муж не был человеком особенно глупым».

Знал Зощенко и о романах своей второй половины, которая умудрялась отдаваться любовнику в присутствии мужа за стенкой. Об этом есть в дневнике самой Веры Владимировны. Но вот ещё одна неразгаданная загадка «просто русского» писателя: когда любовник его жены, секретарь Петроградского райкома партии Авдашев был арестован, Зощенко не выставил из дома женщину, бывшую в связи с врагом народа, а, пренебрегая инстинктом самосохранения, продолжил жить с ней под одной крышей. Более того, он принял в семью осиротевшего сына-подростка арестованных супругов Авдашевых.

Что удерживало Зощенко в семье? Нежелание вместе с нелюбимой и нелюбящей женой потерять и горячо любимого сына? Чувство благодарности женщине, принявшей его под спасительное крыло в отчаянный момент? Чувство вины? Жалость? Чувство долга? Или понимание того, что, не имевшая никакой профессии, она будет обречена без него? «Высокие, высокие отношения!» — воскликнула бы дама из незабываемых «Покровских ворот». А может быть, действительно, высокие? Они же были, как ни крути, люди одного мира, ушедшего под воды Истории, подобно легендарному Китеж-граду, из одной касты отверженных — из «бывших», как их называли новые хозяева жизни.

Отечественная критика уже величала его советским Гоголем. С Гоголем его роднила и постоянная, гнетущая с юных лет тоска, временами обострявшаяся настолько, что превращала в живой труп.

Зощенко как Эзон

В 1930 году у Зощенко выходит книжка «Лишние люди» с рассказом «Непредвиденные обстоятельства», где подвыпившая компания решает позвонить в Кремль Троцкому, чтобы тот сам популярно объяснил им — что такое его пресловутый «троцкизм»? Самый отчаянный из выпивох набрал кремлёвский номер. Когда на том конце провода сняли трубку, он

решительно попросил к телефону товарища Троцкого. «По какому вопросу?» — сухо поинтересовались на том конце провода. Но храбрец, тут же протрезвев, бросил трубку. Однако через короткое время в квартире шутников раздался телефонный звонок: «Кто спрашивал Кремль?» Весёлая компания стала валиться в глубокие обмороки. От поголовных инфарктов собутыльников спасло только появление довольного своим розыгрышем товарища, который незаметно выскользнул из квартиры и позвонил им из уличного таксофона. Сюжет вроде бы схож с пьесой «Самоубийца» Николая Эрдмана, появившейся примерно в то же время. Но схож только внешне. Рассказ Зощенко требует внимательного читателя. Рукопись новой книжки давно известного ей балагура цензура пролистала, видимо, не слишком вчитываясь. Но во втором издании рассказ, спохватившись, срочно удалили: до цензоров дошло наконец, что Троцкого в Кремле давно уже нет. Неужели Зощенко не знает, что Лев Троцкий четыре года как лишён всех государственных постов, два года назад выслан в Алма-Ату и уже год как вообще выдворен из СССР? Трудно такое представить... Может быть, рассказ просто запоздал с публикацией? Такое представить ещё труднее: Зощенко был нарасхват, всё, что выходило из-под пера, тотчас отправлялось в печатные машины. Значит, рассказ этот свежее испечённый. Если Троцкого в Кремле давно нет, то кто же сейчас главный троцкист? Цензура с запозданием, но отлично поняла, на кого автор намекает. Зощенко оказался прозорливей многих. Но тогда это сошло ему с рук.

Зощенко кроме шуток

Всё чаще Зощенко приходится слышать, что таких диких людей, как герои его рассказов, сегодня уже нет, что нет уже такого бескультурья и хамства, что таким языком, как в его рассказах, улица давно не говорит, что выросла молодая, пытливая, жаждущая знаний поросль. Что время изменилось, Зощенко и сам прекрасно понимает. Он прекращает юмор и сатиру над современностью и по совету Горького в 1935 году сочиняет «Голубую книгу» о деньгах, любви и коварстве с примерами из далёкого про-

шлого. Никаких романов про поднятую целину с весельчаком дедом Щукарём. Его устраивает честная халтура. Пожалуй, только две книги того времени написаны им по велению сердца: «Письма к писателю» и «Возвращённая молодость». Первая, где собраны подлинные письма читателей к Зощенко, уникальна: второй такой в истории мировой литературы не существует. Более изобретательного и остроумного ответа критикам, утверждающим, что «таких людей, как герои его рассказов, сегодня уже нет», трудно представить. «Вот вам, пожалуйста!» — отвечает Зощенко, ни слова в письмах читателей не изменив, сохранив даже авторскую орфографию. Он позволил себе только краткие комментарии. Письма, написанные на полном серьёзе, способны довести до гомеорического хохота. А комментарии писателя по большей части печальны.

...Подлинным потрясением стала поездка в составе группы писателей на строительство Беломоро-Балтийского канала, где Зощенко неожиданно встретил Ладу Крестьянникову, постаревшую, в грязной рваной телогрейке, с потухшим взглядом когда-то ярко-васильковых глаз. Вернувшись в Ленинград, Зощенко отправляет ей посылку с тёплыми вещами и продуктами, и хочет написать рассказ о её «перековке», чтобы как-то смягчить её участь. Но ему вручают рукопись международного фармзона Абрама Исааковича Роттенберга, где тот изложил историю своего блестящего перевоспитания трудом, и настоятельно просят её литературно обработать. Книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» вышла в свет с этой повестью Зощенко. В феврале 1939 года кавалер пяти фронтовых орденов за храбрость становится кавалером ордена Трудового Красного знамени, второго по значению в иерархии наград Советского государства. Принимая во внимание особо вредные условия его писательского труда, этот орден Зощенко тоже можно рассматривать, как награду за храбрость...

Зощенко I категории с ананасами

На I Всесоюзном съезде писателей Зощенко избирают членом правления Союза советских писателей. Как писатель I категории он получает четырёхкомнатную квартиру с камином в

«элитном» подъезде кооперативного дома на канале Грибоедова. Слава его в зените. Поездки по стране с чтением своих произведений сменяются поездками на отдых в любимый Коктебель. Когда директор тамошнего Дома творчества жалуетсся ему на обветшание зданий, солидный литературный вес и авторитет позволяют Зощенко добиться от Литфонда срочного выделения денег на ремонт. Литфондом руководит «серапионов брат» Константин Федин.

Обеды в «Европейской» с дамами, регулярно сменяющимися друг друга, продолжались своим чередом, когда вдруг явилась в жизни Зощенко настоящая любовь. Одна из современниц, не без тайной, вероятно, зависти, так описывает их роман: «Вот по длинному коридору в расстёгнутом пальто и тёмной кепке медленно идёт Михаил Михайлович. В вывернутой руке, как ружейный приклад, он держит тугой колючий ананас, издали похожий на черепаху. Тогда ананасы были в диковинку, и все встречные с интересом смотрели на Зощенко, на большой с прозеленью ананас, и знали, что он его несёт старшему техреду, роковой женщине — Лидочке Чаловой. Потом Лидочка надевает синюю поддёвочку с серой мерлушкой и, сунув Михаилу Михайловичу свой портфель, в одну руку берёт ананас, а другой цепляется за рукав Зощенко и, смеясь и что-то щебеча, уводит его коридором Госиздата». Но даже она не смогла увести Зощенко от жены.

...Ананасы кончились

Ананасы кончились 22 июня 1941 года. Писатель мог умереть в блокадном городе от голода или бомбёжек, как миллион других ленинградцев, если бы наряду с Анной Ахматовой не был включён в золотой фонд культуры, подлежащий срочной эвакуации. Жену ему позволяли взять с собой, но сын, как военнообязанный, должен был остаться в Ленинграде. Оставлять Валерия одного Вера Владимировна категорически отказалась. Зощенко попробовал было тоже отказать... «Это приказ!» — сказали ему и дали полчаса на сборы. В счёт позволенных 12-ти килограммов Зощенко взял двадцать тетрадей с материалами для новой книги. Они потянули на целых восемь килограмм. Были моменты, когда он горевал, что взял этот хлам вместо

тёплых подштанников и лишней пары сапог. Он ходил по Алма-Ате в ботинках с оторвавшимися подошвами, голодая среди цветущего миндаля и абрикосовых деревьев, писал для эвакуированного «Мосфильма» сценарии фронтовых киносборников, сочинял дикторские тексты... Однажды он достал покоящиеся на дне кушетки тяжёлые тетради.

Будь в тот момент рядом с ним Лида Чалова, умудрённая должностью редактора Госиздата, она ни за что не позволила бы ему приниматься за эту книгу! Но она появилась в Алма-Ате, когда работа над книгой уже подходила к концу. Зощенко выхлопотал Лидии по её просьбе эвакуацию из блокадного ада по «Дороге жизни» вместе с матерью и сестрой с новорожденным ребёнком. Встречал он любимую женщину на этот раз без ананасов, но спасённая жизнь была не менее дорогим подарком. Впрочем, любимая женщина отплатила ему тем же.

«На алма-атинском вокзале, когда я впервые взглянула на Михаила Михайловича, то глазам своим не поверила. Я видела дистрофиков в Ленинграде, сама была почти что дистрофик, но чтобы здесь, в глубоком тылу, так ужасно мог выглядеть человек — нет, это было невыносимое зрелище! Я спросила, как ему удалось довести себя до такого состояния? Он сказал, что получает четыреста граммов хлеба, половину съедает, а половину обменивает на пол-литра молока и луковицу... Я вызвала врача. Он определил: дистрофия. Написал справку. С помощью этой бумажки сценарный отдел выхлопотал Михаилу Михайловичу месячное питание из больницы Совнаркома... Когда я приехала, Михаил Михайлович писал киносценарий "Солдатское счастье" и одновременно работал над своей главной книгой — "Перед восходом солнца". Он очень много над ней сидел, дорожил каждой свободной минутой».

Прочитав оконченную книгу, Чалова категорически отсоветовала публиковать её. Но всё было тщетно. Зощенко отправился в Москву. Терзаемую предчувствиями большой беды, Лидию успокаивало только одно: повести, несомненно, откажут в публикации! Так оно, скорее всего, и произошло бы, если бы журналом, куда обратился Зощенко, руководил мужчина. Но Зощенко предложил свою повесть журналу, где

редактором была женщина. А какая женщина могла устоять перед обаянием Михаила Зощенко?

Московские литераторы в шутку прозвали Минну Юнович «минной замедленного действия» за слишком долгую и придирчивую редактуру. Но на сей раз она изменила своим правилам. Первая часть книги «Перед восходом солнца» появилась в журнале «Октябрь» в августе 1943 года. И на неё тотчас обрушился шквал злобной критики.

Зощенко перед заходом Судьбы...

Дальнейшая публикация повести запрещена. Редактор журнала Минна Юнович снята с должности за грубую идеологическую ошибку.

«Эту книгу я задумал очень давно, сразу после того, как выпустил в свет мою "Возвращённую молодость". Почти десять лет я собирал материалы для этой новой книги, — пишет в предисловии автор, — и выжидал спокойного года, чтоб в тиши моего кабинета засесть за работу».

Договор на издание книги, которая называлась тогда «Ключи счастья», Зощенко заключил с Государственным издательством в 1935-м году. Ключи счастья появились в названии, должно быть, из популярной тогда революционной песни: «Мы — кузнецы, и дух наш молод! Куём мы счастья ключи!...» В 1934-м убили Кирова. С «Ключами счастья» пришлось повременить. Зощенко терпеливо выжидал. И вот, наконец, дождался спокойного года? В самый разгар войны?

«Он знал, что его книга не ко времени, — вспоминает Лидия Чалова. — Но что ему было делать? Он говорил, что у него плохое сердце, и он страшно боится умереть, не закончив книгу».

Да, критика всыпала автору по первое число! Тут бы автору как-то затаиться, благодарно признать указанные ошибки, покаяться, как тогда было принято, а вместо этого... авторвязывается в спор с критиками и призывает в третейские судьи... товарища Сталина! Автор пишет Сталину письмо. Видать, у автора случилось головокружение то ли от предыдущих успехов, то ли от алма-атинского недоедания.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Только крайние обстоятельства позволяют мне обратиться к Вам. Мною написана книга — "Перед восходом солнца". Это — антифашистская книга. Она написана в защиту разума и его прав. Помимо художественного описания жизни, в книге заключена научная тема об условных рефлексах Павлова. Эта теория основным образом была проверена на животных. Мне, видимо, удалось доказать полезную применимость её и к человеческой жизни. При этом с очевидностью обнаружены грубейшие идеалистические ошибки Фрейда. И это ещё в большей степени доказало огромную правду и значение теории Павлова — простой, точной и достоверной. Редакция журнала "Октябрь" не раз давала мою книгу на отзыв академику А.Д. Сперанскому и в период, когда я писал эту книгу, и по окончании работы. Учёный признал, что книга написана в соответствии с данными современной науки и заслуживает печати и внимания...»

Сталин в это время был в Тегеране. Письмо переправили секретарю ЦК по идеологии Александру Щербакову, курировавшему тот самый отдел ЦК, который ранее одобрил публикацию книги. Зощенко не раз потом говорил, что если бы письмо попало к самому Сталину, то результат был бы иным.

Письмо с жалобой на запрет публикации второй части книги попало по адресу! Кот из дома, мыши в пляс! Ответного письма Щербакова Зощенко не дождался. А в февральском номере журнала «Большевик» появилась статья, озаглавленная: «Об одной вредной повести».

«Что же потрясло воображение писателя — современника величайших событий в истории человечества? — гневно вопрошали авторы статьи. — Зощенко преподносит читателю 62 грязных происшествия, 62 пошлых истории, которые когда-то, с 1912 по 1926 годы, его "взволновали"... В дни Великой Отечественной войны, вспоминая войну 1914–1917 годов, Зощенко решил рассказать о том, как медленно резали солдаты свинью, о своём посещении проституток. Однако у писателя не нашлось ни одного гневного слова против немцев, не нашлось ни одного тёплого слова о русском солда-

те. Как мог написать Зощенко эту галиматью, нужную лишь врагам нашей родины?» Под статьёй сразу четыре фамилии.

Но о чём это они? Какие грязные происшествия, какие пошлые истории? Ведь книга написана в защиту разума! Ведь там помимо художественного описания жизни, заключена научная тема об условных рефлексах! Так, во всяком случае, Зощенко пишет в письме Сталину. Неужели Зощенко вводит товарища Сталина в заблуждение? Нет, всё выше им перечисленное имеет место быть. Во второй части книги. Но «Октябрь» опубликовал только первую, а журнал «Большевик» даже не упомянул о существовании второй части.

Между тем Зощенко, не предвидя ещё такого поворота событий, приступая ко второй части, отягощённой всякими научными терминами, пишет: «Путь был бы усыпан розами, если бы я закончил мою книгу в той поэтической форме, в какой я начал». И имеет полное право надеяться на такой приём: все новеллки размером с человеческое сердце, словно травлены на железных Досках Времени кислотой крепче азотной. При чтении мороз пробегает по коже. То от ужаса, то от восторга замирает сердце. «Ах, это была бы славная книжечка, составленная из маленьких изящных новелл, взятых из моей жизни», — гордо пишет Мастер в предвкушении бурных аплодисментов, переходящих в овацию.

Но даже друзья после статьи в «Большевике» шарахаются от него, как от зачумленного. Автора «вредной повести» выводят из редколлегии «Крокодила», куда незадолго до того сватали редактором, выселяют из гостиницы, лишают продуктового пайка.

К тому времени Союз писателей опять обособился в Москве, и на экстренном заседании его Правления было устроено судилище над писателем. В конце разносного собрания Зощенко, глядя в бесстыдные лица аудитории, смог лишь произнести: «Какие же вы злые и нехорошие люди!» В числе хулителей неожиданно для него оказался завзятый ревнитель литературного прогресса Виктор Шкловский, друг Маяковского, Мандельштама, Тынянова и всех «серапионов». Потрясённый Зощенко сказал: «Витя, что с тобой? Ведь ты же совсем

другое говорил мне в Средней Азии!» На что Шкловский, ухмыляясь, ответил без тени смущения: «Я не попугай, чтобы повторять одно и то же!»

Даже всегда преданный ему Каверин не сказал ни слова в защиту автора «одной вредной повести». И первый раз в жизни Зощенко дрогнул. Он пишет покаянное письмо А.С. Щербакову. «...Я должен признать, что книгу не следовало печатать в том виде, как она есть. Я заглажу свою невольную вину...»

Зощенко как кузнец своего несчастья

Вторая часть книги так и не была опубликована. Что же там было такого ещё более страшного? Там Зощенко собирался осчастливить человечество! Он готов научить каждого желающего, как обрести своё счастье! Первый эксперимент он ставит на себе! Для этого в первой части книги он и собрал самые тягостные воспоминания, а во второй части принялся, анализируя их, докапываться до причин своей постоянной тоски. Это называется психоанализ.

А не критика ли Фрейда как раз автора и подвела? Американская помощь тогда много значила для страны. А тамошняя еврейская община, держащая в своих руках все деньги мира, весьма существенно влияла на политику правительства. А потом... Зигмунд Фрейд философствовал вполне себе безвредно на уровне гениталий, а новоявленный психоаналитик Зощенко вдруг высказывает и заявляет, что подавленными у человека могут быть не только сексуальные, но и вообще самые разные желания! И от этого человек впадает в тоску. Вплоть до того, что уже и жить ему не хочется при такой подавленности желаний!

Даже я, человек с медицинским образованием, с трудом продирался сквозь непроходимый психоаналитический чертополох. Меня даже посещает грешная мысль: а не «присобачил» ли, в самом прямом смысле слова, уважаемый мной Михаил Михайлович Зощенко всю эту «психоаналитическую науку» для лучшего прохождения своих воспоминаний через цензуру? Книга его предельно интимна, предельно откровенна. Это безоглядная исповедь человека перед скорым, как он думает, уходом. И

я вполне понял бы автора, решившегося ради этой книги на такой психоаналитический маскарад.

Зощенко до самой смерти считал повесть «Перед восходом солнца» своей главной книгой не за её литературные достоинства, а... за вклад в науку о спасении человечества...

Что будем делать, Анна Андреевна? Терпеть?

Жизнь потихоньку возвращается в накатанную колею. Война закончилась. Зощенко вводят в редколлегию ленинградского журнала «Звезда». Одна за другой выходят три книги. Поставлены две комедии, пишется третья. Никто не вспоминает о его былых идеологических преступлениях. В начале августа 1946-го года ему даже вручают медаль «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

А рано утром 21-го августа к Анне Ахматовой, вышедшей на неспешную утреннюю прогулку, с другой стороны улицы Зощенко вдруг бросается с отчаянным: «Что будем делать, Анна Андреевна? Терпеть?!» Ахматова газет ещё не читала, радио не слышала. Полагая, что Зощенко жалуется на всем известные семейные неурядицы, Анна Андреевна снисходительно произносит: «Терпеть, Миша, терпеть!» И величественно шествует мимо.

Но терпеть им придётся вместе. В этот день вышло печально знаменитое постановление ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград».

«...Последний из опубликованных рассказов Зощенко "Приключения обезьяны" ("Звезда", №5–6 за 1946 г.) представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей. Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме... Предоставление страниц "Звезды" таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко...»

И тут началось такое!.. На собрании ленинградского отделения Союза писателей докладчик, прибывший из столицы, надоклаывал такого, что Борис Эйхенбаум, Михаил Козаков и Анатолий Мариенгоф по окончании оного собрались на квартире у бывшего «серапиона» Михаила Слонимского, чтобы за плотно закрытыми дверями обсудить услышанное.

И тут является сам Зощенко. С тросточкой и лёгкой усмешкой на лице. «К чему же меня приговорили?» Он считал, что самое худое о себе он уже слышал. Но по мере того, как ему сообщали подробности, легкомысленная тросточка замирала в руках, и усмешка стала покидать Зощенко. Он исключался разом из Союза писателей и из Литфонда, что означало голодную смерть.

Брат виночерпий Слонимский предложил ему пойти и во весь голос заявить, что он советский писатель. «А кто же я такой? — искренне удивился Зощенко. — Как-то странно на пятьдесят втором году жизни вдруг идти и заявлять, что я советский».

Лида Чалова купила на чёрном рынке для всей его семьи рабочие продовольственные карточки. Но и это не решало проблемы. Стали продавать антиквариат. Квартира, лишавшаяся мебели, книг, посуды, быстро опустела. Потом пришлось поменять свои апартаменты на более скромную квартиру Веры Кетлинской. Вскоре и ту поменяли на совсем уж простенькое жильё. Иногда помогали старые друзья: Каверин, Мариенгоф, Мариэтта Шагинян, Слонимский, Федин... Зощенко взялся подрабатывать в сапожной артели. Пригодилось и освоенное в голодные годы портняжное ремесло. Мёртвую хватку на горле иногда отпускали: Сталин позволяет редактору «Нового мира» Константину Симонову опубликовать «Партизанские рассказы». Но если бы не издательство Карело-финской ССР, заказавшее Зощенко перевод романа Майя Ласилы «За спичками», ему бы не выжить. Правда, в выходных данных книги фамилию переводчика не указали. Писателя Михаила Зощенко отныне не существует.

За что?!

...Народу, глотнувшему во время войны свободы, нужно было показать, что надеяться на перемену участи не стоит. Ударили расчётливо, не только по большим русским писателям. Это был удар по старой интеллигенции, казалось, уже раздавленной, сломанной, но обнадёженной роспуском Коминтерна. Подняла голову белая эмиграция. Удар по Зощенко и Ахматовой предназначался и ей, не в последнюю очередь.

«Приключения обезьяны» до публикации в «Звезде» печатались в «Мурзилке». И не только там. «Ещё в Москве в газетном киоске, — вспоминает Пётр Иосифович Капица, зам. главного редактора той самой "Звезды", — мне попала в глаза книжечка Михаила Зощенко, вышедшая приложением к журналу "Огонёк" сотысячным тиражом. В ней был напечатан рассказ "Приключения обезьяны". Вышла она весной. Почему же в августе поносят "Звезду", у которой только двадцатипяти тысячный тираж? Видимо, Сталин не видел этой книжки, а то бы досталось и "Огоньку"».

Сталин, вероятно, не слышал и Аркадия Райкина, с успехом читавшего «Приключения обезьяны» с эстрады.

Но кто же позаботился подставить Зощенко? До подлинных авторов закулисной интриги сегодня уже не докопаешься. Вот как историю появления рассказа в журнале «Звезда» Зощенко сам излагает в письме к Сталину: «Этот маленький шуточный рассказ "Приключения обезьяны" был написан в начале 45-го года для детского журнала "Мурзилка". И там же он и был напечатан. А в журнал "Звезда" я этого рассказа не давал. И там он был перепечатан без моего ведома. Конечно, в толстом журнале я бы никогда не поместил этот рассказ... Однако в этом моём рассказе нет никакого эзоповского языка и нет никакого подтекста. Это лишь потешная картинка для ребят без малейшего моего злого умысла. И я даю в этом честное слово».

Раздел-то детский, но если внимательнее вчитаться в текст рассказа, то совсем не детское содержание обнаруживается: «В начале войны, когда фашисты бомбили этот город, одна бомба попала прямо в зоологический сад. И там она разорвалась с громадным оглушительным треском... Причём были убиты три змеи — все сразу, что, быть может, и не является таким уж тяжёлым фактом, и, к сожалению, страус. Другие же звери не пострадали и, как говорится, только лишь отделались испугом...»

А далее сюжет развивается следующим образом: разорвавшаяся в зоопарке вражеская бомба дарит мартышке свободу. И та на радостях отрывается, как сейчас говорят поклонники новояза, по полной! Свобода её, однако,

длится недолго: её излавливают и водворяют за решётку в прежнюю клетку. Есть тут над чем читателю поразмышлять!

Уже затевалось большое «ленинградское дело» с уничтожением партийной верхушки города Ленинграда, замыслившей отдельную русскую компартию, по образу компартий Украины, Грузии и т.д., и чуть ли не отделение России от всего нерушимого СССР. Русский «бунт на корабле» был, я думаю, для кремлёвского горца давним кошмарным сном, начиная с XVII партсъезда, выбравшего вместо него Кирова. Повторения Сталин ждать не стал. Летом 1949 года начались аресты в Ленинграде, Москве, Горьком, Мурманске, Симферополе, Новгороде, Рязани, Пскове, Петрозаводске, Таллине. Всего осуждено было 214 человек. Все этнически русские. В 1947 году смертная казнь в СССР была отменена. Но уже в ходе следствия по «ленинградскому делу» она была восстановлена. 23 человека были приговорены к расстрелу. Вся властная, чисто русская верхушка Ленинграда была уничтожена поголовно. Русский вопрос был решён окончательно. «Просто русский» писатель Зощенко должен ещё спасибо сказать, что жив остался. С клеймом литературного подонка Зощенко существовал в полузадушенном состоянии вплоть до 1953 года. Даже смерть Сталина не привела к полной реабилитации. Восстановить его в Союзе писателей не решались. Восстановить — значило признать, что Партия была не права. Руководящие чиновники от литературы судили так и этак и, наконец, приняли «соломоново» решение: не восстанавливать в Союзе писателей, а заново принять. Казалось бы, можно теперь вздохнуть свободнее...

Новая напасть грянула, откуда не ждали. В мае 1954 года в Ленинград приезжает группа английских студентов-славистов. Они просят показать им могилы Анны Ахматовой и Зощенко.

Скажи ещё спасибо, что живой!

«Какие могилы? Да вы что! Мы сейчас покажем вам их живьём!» — городские власти были в восторге, что так лихо щёлкнули по невежественному английскому носу. В том, что всё пройдёт как надо, организаторы встречи не со-

мневались: у Ахматовой сын всё ещё в ГУЛАГе, а от прежнего Зощенко ничего не осталось: взгляд потухший, затравленный, потрепанный костюм висит на бывшем законодателе мод, как на вешалке... С лёгким сердцем власти дали добро на встречу.

Английские гости, видимо, такие же слависты, какие у нас бывают искусствоведы в штатском, начали с места в карьер: согласны ли вы с известным постановлением партии? Ахматова, не повернув головы, холодно произнесла: «Мои отношения с моим Правительством касаются только меня и моего Правительства...» А Зощенко вдруг прорвало. Он буквально кричал, что он не подонки, не литературный жулик, не пасквилянт, что он патриот своей страны, что он сражался за неё с оружием в руках...

То-то «студенты-слависты», должно быть, веселились, добившись желаемого эффекта. На патриота своей страны навалились тут же скопом. Из Москвы приезжают литовцы Константин Симонов и Всеволод Кочетов, чтобы провести в Ленинграде писательское собрание, на котором Зощенко должен прилюдно покаяться. В президиуме собрания высокие московские гости и главный редактор «Звезды», назначенный после разгрома опального журнала, Валерий Дружин. Эзекюция началась. На трибуну один за другим поднимались так называемые коллеги, возмущались, клеймили, требовали призвать к ответу, призывали покаяться... Последним на трибуну поднялся сухонький, изжелта-бледный Зощенко. Он оглядел зал, выпрямился, взгляд его вновь стал полон достоинства и сарказма. «Я могу сказать, моя литературная жизнь и судьба при такой ситуации закончены. У меня нет выхода. Сатирик должен быть морально чистым человеком, а я унижен, как последний сукин сын... Я не собираюсь ничего просить. Не надо мне вашего снисхождения — ни вашего Дружина, ни вашей брани и криков. Я больше чем устал. Я приму любую иную судьбу, чем ту, которую имею. Чего вы от меня хотите? Чтобы я сказал, что согласен с тем, что я подонки, хулиган, трус? А я русский офицер, награждён георгиевскими крестами. Моя литературная жизнь окончена. Дайте мне спокойно умереть».

В мёртвой тишине он сошёл с трибуны и направился к выходу. Это был последний всплеск.

Дальше идёт печальная история угасания писателя и человека.

Как я нелепо жил...

Приступы жестокой депрессии приковывают Зощенко к постели. Он лежит, отвернувшись лицом к стене. У него нет желания жить. Но умереть ему не дают. Это был бы скандал. Литфонд вручает писателю бесплатную путёвку в Сочи и три тысячи рублей безвозмездной ссуды. Вернувшись, Зощенко даже берётся за продолжение работы над циклом рассказов «Что больше всего меня поразило». Три года назад «Новый мир» отказал ему в заключении договора на их публикацию. Но бесплатная путёвка и литфондовская ссуда показались ему хорошим знаком. Он посылает отвергнутые ранее «Новым миром» рассказы в «Октябрь». Там их читают и без объяснения причин сухо отказывают. Зощенко бросает рукопись в самый дальний угол письменного стола. С литературой покончено. Слава богу, что подошёл пенсионный возраст! Он обращается в Ленинградское отделение Союза писателей с заявлением о назначении пенсии. Но тут возникают проблемы из-за перерыва в стаже, когда его исключали из Союза писателей. Дома тоже проблемы: женившийся сын хочет жить отдельно. В очередной раз размещается квартира на меньшую и комнату для сына с женой. Дача в Сестрорецке сдаётся жильцам: надо как-то выживать. Жена тоже без работы. Её соглашаются взять машинисткой, но только если она сменит свою «замаранную» фамилию.

О том, как Зощенко уходил, существует два свидетельства. Одно принадлежит жене Михаила Слонимского.

«...Лидочка, я этой весной пережила тяжёлое время. В середине мая я вернулась из Железноводска. И в первый же день позвонила М. М. То, как он говорил по телефону, меня просто потрясло. Он плохо понимал, что я говорю, отвечал невпопад, но меня узнал и сказал жалким, больным голосом, что ему очень плохо, чтоб

я зашла к нему. Я сразу же пошла. Оказывается, у него был какой-то приступ, что-то вроде спазма мозгового в результате, как сказали врачи, отравления никотином. Он почти ничего не ел и очень много курил, — пишет Ида Слонимская своей подруге. — Он лежал на большой постели, одетый, маленький, очень худой, похожий на тряпичную куклу с большой головой, которую надевают на пальцы, на игрушку бибабо. При нём была Мариша, которая своим спокойствием, хозяйственностью, организованностью хорошо на него действовала, а Вера Вл. была на даче, и он не хотел, чтоб она приезжала. А в общем-то, он был один, несмотря на жену, сына, внука и Маришу. Он мне вдруг сказал: "Нет, я плохо устроил свою жизнь. Мне нужна была добрая женщина, которая бы меня жалела"».

И другое, безымянное, свидетельство, которое мне почему-то кажется более верной зарисовкой с натуры: «Ему сначала сообщили о назначении персональной пенсии, а потом прислали бумагу из сберкассы с требованием предъявить справку от домоуправления о заработке за последний месяц. И Зощенко испугался, как бы пенсию не отобрали: как раз накануне он получил случайный гонорар. Напрасно знакомый адвокат успокаивал его — Зощенко ничему уже не верил. Мысли о пенсии тревожили его, и уснуть не получалось, к тому же Михаил Михайлович стал путать слова. Например, вместо снотворного — люминала — просил линолеум... Вера Владимировна просила домашних не поправлять его и делать вид, что всё в порядке. Впрочем, 21 июля к больному вернулась осмысленная речь. И сказал он следующее: "Как странно, Верочка, как странно... Как я нелепо жил..." И сел, положив голову на плечо жене, тесно прижавшись, как очень давно с ней не сидел... Той же ночью его не стало».

Венков было немного. Самый красивый, из живых цветов, молча положила к гробу седая, с прямой спиной женщина, покрытая глухим чёрным платком до самых когды-то ярко-васильковых глаз. Никто из провожавших Зощенко её не знал. Это была Лада Крестьянникова. ■

Прозаик, публицист, журналист. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького (1990). Участник боевых действий, майор внутренней службы в отставке. Автор одиннадцати книг, более двухсот пятидесяти литературных публикаций и более тысячи журналистских материалов. Переведён на таджикский язык. Живёт в Ростове-на-Дону.

Фёдор Ошевнев

У КАЖДОГО – СВОЁ

Над затихающим селом стыл морозный зимний вечер...

Вдруг задремавшая под яркой луной улица ожила и на ней раздались частые нетерпеливые выкрики: «Пошла-а! Ну же, пошла!»

Молодой мужчина, стоя в санях, безжалостно нахлёстывал взмыленную, закусившую блестящие удила караковую лошадь, бешеным скоком несущуюся меж сугробами рыхлого, поутру выпавшего снега. Мужчина рывком натянул задубевшие на холоде вожжи и ещё на ходу прыжком вымахнул из саней. Подбежал к большому крестовому дому, настойчиво застучал кнутовищем в одиноко светившееся окошко.

Человек за стеклом привык к неожиданным визитам — обязывала профессия врача...

На крылечке дома, в тёплой болоньевой куртке нараспашку, стоял агроном из хутора — человек редкой, почти медвежьей силы. Изпод затёртой пыжиковой шапки, искрящейся блёстками морозной пыли, выбивались тёмные пряди мокрых волос; руки в меховых перчатках нервно сгибали упругое вишнёвое кнутовище.

— Доктор, скорее! — прерывисто выкрикнул поздний гость. — Жена с утра не разродится!

Врач молча скрылся в сенях. И через минуту выбежал на порог дома, хрустнув утоптаным

снегом под зимними полусапожками и на ходу застёгивая пальто. В руках держал чемоданчик с намалёванным на его крышке красным крестом в центре белого круга.

— Когда начались схватки? — привычно поинтересовался врач и бережно уложил чемоданчик на цветное одеяло, подоткнутое поверх умятой, слабо пахнущей овсяной соломы.

— Утром, часов в восемь ещё, — скороговоркой отозвался агроном, торопливо запрыгивая в сани. — Я только на работу ушёл...

— А кто с роженицей сейчас? — перебил врач, боком садясь в сани и натягивая на длинные пальцы с аккуратно остриженными ногтями перчатки козьего дымчатого пуха.

— Кто? Да мать же и... — тут агроном на секунду запнулся было, взмахнув кнутом. — Ну и соседка-повитуха. Акушерка наша в отпуске, к родственникам укатила...

— И что же?

— А то! Чтoб у этой коновалки руки отсохли! Чёрт... — агроном не окончил фразы, зло рассёк воздух кнутом. Сапno вздымавшая парующие бока лошадь испуганно дёрнулась чёрным крупом и нехотя тронула с места...

До хутора — километров шесть по накатанной санями и машинами просёлочной дороге. Понукаемая лошадь мчалась, обидчиво под-

тянув нижнюю губу и отрывисто выстукивая копытами частый ритм по глухо отзывавшейся мёрзлой земле. Крепко придерживая на одеяле свой чемоданчик, врач, сочувствуя агроному, подумал: «При родах солнце не должно заходить дважды! Сутки, не больше суток, иначе... Спешить! Спешить!!!»

Неожиданно в сухом, выжимающем из прищуренных глаз слезу воздухе, перекрывая лёгкий скрип полозьев на льдистых местах дороги, послышались голоса, кричащие не в лад игривым переборам гармошки. Ближе, чётче становились развесёлые голоса.

— Эгей! Побереги-ись! — зычно крикнул вперёд агроном.

Вот они уже — рукой подать — две разукрашенные, с колокольцами на дугах, тройки.

— Давай, родимые! Ещё давай! — деловито и радостно покрикивал на вороных лошадей с вплетёнными в гривы разноцветными лентами дюжий возница-бородач передней тройки, одетый в белую дублёнку и по-ямщицки подпоясанный брусничным кушаком. Рядом, на этих же санях, нескладно выкрикивали: «Горрько!» хмельные дружки с полотенцами, переброшенными через плечо, а гармонист перебирал перламутровые клавиши трёхрядки.

Второй тройкой (коренник — гнедой жеребец и серые в яблоках пристяжные) молодецки правил статный лейтенант в распахнутой ветром парадной шинели. В центре расписных саней жених обнимал обложенную шубами, закутанную пуховым платком невесту с раскрасневшимися щеками; здесь был и ряженный в костюм полногрудой цыганки парень, и кто-то в бурой медвежьей шкуре...

— И-эхх, гуляй, так твою перетак!

— Маэстро, дави на клавиши!

— А ну, пошли, родимые!

Смех. Крики. Цокот копыт. Частые перебои гармошки. Свадьба!..

— Доктора везу! Пропустите! — вновь зычно и резко прокричал агроном.

Но голос его, наполовину заглушаемый голо-систой гармошкой и пьяными криками, относил ветер. Агроном крикнул ещё, ещё, уже почти догнав вторые свадебные сани. На тройках его наконец хорошо расслышали, но не поняли. А вернее, не захотели понять.

«Чего надрываешься, дурень? Неужели не знаешь, не понимаешь, что мы — свадьба — просто не можем пропускать вперёд никого? Плохая примета: тогда, по поверью, молодым всю жизнь не будет в доме счастья», — возможно, подумалось на тройках тем, кто был потрезвей. А вернее всего, что и нет...

— Бесплезно! — сквозь зубы, по-звериному, прорычал агроном. — А что, если... — и, сплюнув через угол рта, нервно дёрнул вожжами влево, пытаясь обогнать свадьбу обочь, но запаренная в беге лошадь сразу увязла в глубоком придорожном снегу.

Агроном, чертыхнувшись, круто и трудно вывернул на грунтовку. Врач с тревогой поднялся и крикнул ему:

— Опоздаем!..

Агроном затравленно молчал, до боли сжимая в руках твёрдые от мороза вожжи с ремёнными наконечниками, а в прищуренных от ветра глазах его зарождался невиданной силы гнев.

Со свадебных саней заорали неприличную частушку про обрюхатевшую в девках. И тут агроном, придерживав вожжи и наполовину даже сам не осознавая, что же делает, закричал — отчаянно и иступлённо, что есть мочи и срываясь на хрип. Он страшно, грязно обругал невесту...

Резко тормознули тройки. Так резко, что парень, одетый в костюм дородной цыганки, и ещё кто-то с передних саней кувыркнулись в снег. Захлебнулась на высокой ноте трёхрядка, с растянутыми мехами полетела в сани...

Лейтенант пытался остановить разом рванувшихся к агроному парней, но успел лишь сшибить с ног гармониста и тут же упал сам, намертво сцепившись в яростном объятии драки с бородачом-возницей, оравшим лейтенанту: «Уйди!» — вперемешку с руганью; жених грубо волочил за собой плачущую, ухватившуюся за полы его тулупа невесту и тоже через слово матерился; запутавшись в длинной юбке, подвернула ногу «цыганка»; неумело ломал оглоблю из саней трусоватый дружка, а его товарищ первым набегал на агронома; испуганно визжали, съёжившись в санях, невестины подруги...

Агроном завернул лошадь и швырнул вожжи врачу, который неловко поймал их. Стеганув

напоследок мокрый от пота конский круп, агроном спрыгнул с саней, сжимая в руке кнут.

— Гони!!!

Объезжая по сугробам остановившиеся вдоль дороги свадебные тройки, чуть не сцепившись отводами с передними санями, врач ещё успел заметить, как агроном в два движения сдёрнул с плеч стеснявшую его куртку и с силой, с оттягом, дважды полоснул нападающих кнутом, а дальше всё смешалось в один рычащий, бесформенный клубок дерущихся, каждый за своё.

Врач стиснул зубы и хлестнул вожжами тяжело бегущую лошадь, заставляя её наддать ходу. Совсем рядом мучилась жесточайшей человеческой болью роженица, уповающая на его помощь, истово надеющаяся на неё...

— Но-о! Но-о! — понукал врач лошадь.

Да, умом он сейчас понимал, что при родах солнце не должно заходить дважды, а значит, надо мчаться и мчаться, и только вперёд, сквозь ночь, к будущей матери. И как же он ненавидел в душе это понимание...

Вот и замелькали по сторонам дома соседней деревни, за которой уже был виден нужный хутор, и по улице прокатился залиvistый собачий брех. Припозднившийся прохожий, остановившись, проводил удивлённо-любопытным взглядом мчащиеся сани. Ещё минуты две — и лошадь сама остановилась у родного порога.

В прочищенном от снега дворе, у калитки, сосредоточенно дымили отец и младший брат агронома — парень лет восемнадцати, которые тут же поспешили навстречу долгожданному гостю.

— Наконец-то! — обрадованно воскликнул отец, отбрасывая в сторону и окурок, и пустую смятую пачку из-под «Примы». — А почему один?

— Он на дороге со свадьбой дерётся, — единым духом выпалил врач и стремительно взбежал на крыльцо...

Отец и брат агронома примчались на место драки, вконец загнав несчастную лошадь, со

страхом прижимавшую уши под нещадными ударами вожжей и кнута. К тому времени агроном уже давно не сопротивлялся свалившим его наземь и теперь насмерть забивающим парням, лишь в полутьме сознания инстинктивно прикрывал голову.

Лейтенант оттаскивал озверевших парней от лежащего ничком агронома; невеста, до бровей вывалившаяся в снег, плача, всё цеплялась за жениха; стонал возле саней дружка, получивший первый удар кнутом, бережно прикрывая ладонью повреждённый глаз и ритмично покачиваясь туловищем влево-вправо; держался за свёрнутую челюсть второй, трусоватый дружка; кое-как поднимался на ноги гармонист, в свалке оглушённый кем-то из своих же; снова мешала «цыганке» юбка, не дающая сильного размаха для удара ногой... Вокруг места драки на снегу и исчерканном каблуками ледяном покрове дороги валялись оторванный рукав грязно-белой дублёнки, несколько рукавиц, затоптанная ондатровая шапка.

То один, то другой нападающий прорывались мимо лейтенанта к агроному и пинали его ногами: в живот, в лицо — зло, люто, иной раз с хакающим вскриком мясника, разрубающего тушу.

Брат агронома ещё из саней выстрелил в воздух из захваченной тулки-двустволки. От грома выстрела парни разом опаматовались, остановились и молча, с тупым удивлением упёрлись взглядами в человека, недвижно лежащего перед ними на испятнанном кровью снегу.

Агроном с помощью отца тяжело, со стоном поднялся и сделал шаг, закусив губу. Потом выхаркнул на истоптанную и продранную до сизого льда дорогу тёмно-кровавый сгусток. Еле внятно произнёс:

— Не по злобе я, парни. Не по злобе. Ведь жена умирает... Но и вы-то... Э-х-х!

И, слабо оттолкнув отца, со словами: «Я сам», шатаясь от нечеловеческого напряжения сил, медленно пошёл к саням. ■

Харис Миннахметович Закиров – член Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры РТ. Родился 15 ноября 1942 года в деревне Старое Аккузино Агрызского района, там же учился, а также посещал школы в Кучуке и Иж-Бобья. Окончил Казанский сельхозтехникум (1964) и Казанский государственный университет (1973). Со СМИ РТ сотрудничает более сорока лет, пробует себя в литературном творчестве. Автор сборников рассказов «Керпе мыгеги» («Ежовый ус») и «Поющий вяз».

Харис Закиров

ПОТОМОК ОБЕЗЬЯН

В среду рабочий день Халима начинается, когда он ещё в постели. «До работы сходи в магазин, — говорит жена. — Купи молоко, катык, хлеб. И сметану, если будет». Эта сметана выводит его из себя. То она есть в продаже, то нет. Когда бывает, без очереди не купишь. Толкотня, крик, ругань — всё это осточертело Халиму. Махнул бы рукой — да дома двое детей. Младший — ещё грудной. Если жене Халисе сказать: «Может, сегодня без сметаны обойдётся?», в ответ услышишь: «Чтобы кормить грудью сына, мне надо пить чай с молоком, а сметану я даю дочери. Дети ведь не понимают, чего это ты вдруг стал учиться в университете марксизма-ленинизма».

Впрочем, ему самому не понятна эта учёба. Не достаточно что ли учился? На курсы марксизма-ленинизма он попал по рекомендации партийной организации. Если не вспоминать, что сегодня семинар, на душе Халима полный покой. Не стоило и беспокоиться о том, что не успел подготовиться. Может, в обеденный перерыв удастся? Но разве в редакции найдёшь свободное время? Заведующий отделом беспрестанно даёт разные указания...

Когда Халим зашёл в аудиторию, пустых мест почти не осталось. Пришедшие из других организаций мужчины и женщины, парни и девушки уже успели занять места за партами. «Кто из

вас выступит?» — вопрос преподавателя поверг аудиторию в полную тишину. Прошла минута, вторая... желающих не нашлось. Каждый, наверное, думал: «Только не я». Хотя на первый взгляд тема семинара должна быть известна каждому. Вряд ли найдётся человек, не знакомый с брошюрой Фридриха Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

Халим тоже сидел молча. Он вдруг вспомнил, как ему сделали операцию на венах ноги и как он потом написал об этом. Преподаватель прервал его мысли; глядя в список, он произнёс: «Мартышкин Ренат Мартынович». Рослый человек приподнялся с задних рядов. Левая его рука свисала до колена, а правой он нащупывал край стола. «Все мы произошли от обезьян...» — начал он и замолчал. Увидев его смущение, лектор сказал: «Видно, вы не подготовились к семинару. Ладно, садитесь».

В зале опять воцарилась тишина — можно было услышать полёт мухи. Вдруг Халиму захотелось выступить.

— Можно мне?

— Да, да, конечно!

Не проходя к трибуне, Халим остановился перед партами. Здесь удобно стоять и реакцию слушателей видно. Без тени смущения Халим начал:

— Когда я учился на факультете журналистики, мне пришлось перенести операцию. На голени было расширение вен. Оно возникает у мужчин от тяжёлого труда. Например, от работы на шахте, от подъёма непосильного груза. А как у женщин? — Халим посмотрел в их сторону. — Они скажут, что расширение вен у них случается из-за родов.

Он перевёл взгляд на мужчин, чтобы узнать их реакцию.

— А вы знаете, — продолжил он, желая возбудить интерес всех, — что расширение вен встречается у каждого пятнадцатого мужчины и у каждой пятой женщины? Я написал очерк о хирурге, который меня оперировал. В процессе изучения материала ознакомился с кандидатской диссертацией этого врача. В ней приводятся ошеломляющие факты.

На лицах присутствующих читалось удивление: «При чём тут эти цифры? Разве это относится к теме семинара?»

Преподаватель взял «вожжи» в свои руки.

— Терпение, товарищи, терпение. Пусть выступающий до конца выскажет своё мнение.

— Сказанное мною как будто не относится к труду Энгельса, — у Халима запершило в горле. — Так ли это? Давайте подумаем! Если мы произошли от обезьян, хотя я в это не верю, задача заключается в переходе обезьян от горизонтального состояния в вертикальное. Все обезьяны ходят на четырёх конечностях, почему же наши предки вынуждены были начать ходить на своих двоих? Ответ прост: чтобы жить, надо питаться. А питание добывается с помощью рук и ног. Помните, два генерала лежали под яблоней и ждали, когда им в рот упадут яблоки? Но не дождались. Обезьяны не ждали, когда им в рот упадёт яблоко или другой фрукт. Они взялись добывать пищу сами. Поднимались на деревья, перекачывали с одного на другое. Также надо было трудиться, чтобы построить шалаш, изобрести огонь, приготовить дрова. Все это требовало труда, труда и ещё раз труда. С медицинской точки зрения расширение вен, давление крови происходило в процессе перехода в вертикальное состояние. А с точки зрения законов развития общества труд стоял на первом месте в процессе превращения

обезьяны в человека. Это и объяснил Фридрих Энгельс в своей статье.

Халим сделал знак, что закончил выступление, и посмотрел на преподавателя. Тот как будто ждал этого сигнала.

— Как ваша фамилия? — спросил он, не скрывая волнения.

— Зарипов.

— Садитесь, садитесь.

Наверное, он сейчас подытожит или спросит у зала, найдётся ли у кого что добавить. Но он терпеливо ждал, когда в аудитории воцарится тишина. Затем сказал:

— Прошу внимания. Выступление Зарипова понравилось мне. Наблюдать, сравнивать, делать выводы — присуще журналистам. С помощью примера из медицинской области Зарипов проложил дорогу к труду Энгельса. Такое объяснение темы семинара, бесспорно, заслуживает похвалы...

На семинарах время идёт медленно. Но всё когда-нибудь заканчивается. Прозвучал звонок, участники вышли в фойе. Встал с места и Халим. В дверях к нему подошла Римма Булатова, работавшая в редакции другой газеты, и пожала руку:

— Молодец! Интересное выступление!

Халиму было приятно услышать похвалу коллег. Его поздравило ещё несколько человек. Шутя и полушутя они продолжали говорить о семинаре.

Но, оказывается, были люди, имеющие другое мнение. Он уже собрался войти в аудиторию, как к нему подошло ещё трое-четверо. Впереди был тот самый Мартышкин, который не смог выступить по теме семинара. А здесь он первый начал разговор.

— Слушай, я не понял, о чём ты рассказывал. При чём тут вены, операция?

Что сказать этому человеку с большими кулаками и пахнущему табаком? Как ему ответить? Вообще, не отвечать — не хорошо. Поэтому Халим и ответил:

— Наверняка в процессе превращения обезьян в людей не все обезьяны были одинаково развиты: одни — более, другие менее...

Если бы звонок не позвал на следующее занятие, смех в фойе звучал бы ещё долго... ■

Родился в 1985 году в городе Ялта, в Крыму, в семье врачей. Окончил с отличием школу в г. Алушка (2002); Крымский государственный медицинский университет (г. Симферополь, 2008) по специальности «лечебное дело»; Украинскую военно-медицинскую академию (г. Киев, 2011) по специальности «хирургия». Служил в рядах вооружённых сил Украины (г. Киев, г. Кривой Рог). Живёт и работает хирургом в Крыму (Феодосия). Печатался в периодических изданиях России, Финляндии, Молдавии, Германии, Израиля, Новой Зеландии, США.

Евгений Татарский

ГАЙКА НА БОЛТЕ

Этот вечер не предвещал Виктору Петровичу ничего необычного. Но случилось так, что ему захотелось. Бывает такое. Даже в пожилом возрасте бывает. По правде сказать, ему давно уже ничего такого не хотелось и не могло быть тоже. Уже несколько лет находясь во власти андропаузы, по-научному называемой «на полшестого», Виктор Петрович жил в том гармоничном состоянии, когда прелюбодеяние не страшно по физиологическим причинам. Хотя возраст у него был ещё вполне активный, до шестидесяти, и некоторые его сверстники не только хвастались, но и на самом деле «баб щупали». А он не мог.

А тут — бац! — и захотел. И всё бы ничего, но он решил, что эту ситуацию — а вдруг последний раз в жизни? — нужно непременно использовать.

С детства наш герой был ярким противником всевозможных лекарств, и в тот вечер у него даже мысли не возникло воспользоваться каким-нибудь препаратом на основе силденафила или даже экстракта эврикомы длиннолистной. Ну не подумал он об этом! А сразу начал действовать.

Найти доступную даму оказалось не проблемой. Что это была за представительница слабого и неизменно прекрасного пола, и на каких

там они условиях договорились, для этой истории совершенно не важно. Важно другое — его орган никак не хотел удерживать в себе кровь.

Тут нужно сделать небольшое отступление для тех, кто не совсем понимает, каким именно образом происходит пресловутая эрекция. Если коротко и донельзя упрощённо, то дела обстоят примерно так. При появлении желания у здорового мужчины сокращаются мышцы промежности и передавливаются вены, приток же крови по артериям сохраняется. В результате происходит наполнение органа кровью, которая собирается в двух, так называемых, пещеристых телах. Заполненные кровью тела эти и придают форму, размер и упругость всей конструкции. Самое главное, при сдавлении кровь продолжает поступать, но перестаёт оттекать. Это важно.

И вот наш герой с горячим сердцем, хмельной головой и вялым пиптиком в разгар вечера вспоминает любопытный случай, произошедший много лет назад в златоглавой Москве. Две дамочки, уставшие от нехватки мужского внимания, решили, скажем так, убить двух зайцев одним ударом. И мужикам отомстить, и себя порадовать. Нашли какого-то зазевавшегося и изнасиловали. Вот так. Желания у их жертвы почему-то не возникло, а без участия его

переполненного кровью органа мероприятие теряло всякий смысл. Но они не растерялись и передавали его хозяйству у основания резиночкой. Кровь притекла, расправила сваявшиеся пещеристые тела оппонента, оттечь из-за перетяжки не смогла и... в общем, дамочки остались довольны.

Этот эпизод из отечественной истории и всплыл в памяти Виктора Петровича после того, как он и его дама окончательно уразумели, что просто так, без стимуляции, у них ничего не получится. Только он подумал, что резиночки там всякие, верёвочки и бантики — это как-то не по-мужски. Поэтому решил действовать максимально сурово. А что может быть суровее КамАЗа? Тем более, что запчасти от этой машины имелись у него в гараже в ассортименте.

Откинув в сторону стальную проволоку и резиновый шланг, он остановил свой искушённый взгляд на калёной стальной гайке. Несмотря на относительно небольшое отверстие, он без особого труда «навинтил» гайку на свой, прошу прощения, «болт». По самое не балуйся навинтил, под корень. И что бы вы думали? Желаемый эффект был достигнут.

Вернее, он оказался совсем не таким, на который бедняга рассчитывал. Кровь действительно затекала под гайкой в «отросток», и оттечь оттуда уже не могла. В результате та часть органа, которая оказалась снаружи стального препятствия, наполнилась кровью под завязку, а у сдавленного гайкой корня ничего, естественно, не наполнилось, оставшись тоненьким. Произошло переполнение кровью трёх четвертей органа, но желанной эрекции так и не возникло. Оп-пачки. Вот это нежданчик.

Виктор Петрович опечалился. Ещё бы — такой план провалился. Увидев, как стремительно ткани начинают растягиваться под напором нагнетаемой крови, он встухнул и попытался гайку стащить. Но она не пошла. Он принялся сдаивать её со всей пролетарской ненавистью. Даже лубрикантом смазал, в лучших традициях. Но было уже поздно.

Дама, с сомнением глядя на это действо, ретировалась. С замирающим сердцем он оглядел дела рук своих и ужаснулся. Гайка надёжно блокировала отток крови, увеличив диаметр

фаллоса раза в три. Пораскинув стремительно трезвеющими мозгами, он пришёл к выводу, что путь у него теперь только один — гайку нужно распилить. Правильно решил, между прочим.

Он зажал гайку в тиски вместе с кусочком своей плоти и взялся за пилу. Но, прежде чем её включить, всё-таки задумался. Потрогал пальцем шершавый бесчувственный диск болгарки, и во рту у него мгновенно пересохло. А страшно ведь! Тут какое дело — скользнёт ненароком диск по гладенькой поверхности гайки и чикнет мягонький кусочек организма, далеко не самый лишний. Одно мгновение — и всё, коротышка, спиленный сучок, обрубок. Жалко всё-таки.

Пристраивался, примерялся, даже пилу пару раз включал... Нет, страшно. Открутил он себя от тисков и принялся искать, чем можно на гайке борозду нарезать. Порылся в ящиках, нашёл маленький напильничек, именуемый надфилем, сел на стульчик и принялся наяривать. Пилил-пилил, точил-точил, спустя примерно час борозда наметилась. Какой-никакой, а успех! Воодушевлённый прогрессом, он вторично прикрутил себя к тискам и включил пилу. Настал момент истины.

Медленно, чтобы бешено крутящийся диск не соскользнул и не освободил его за одно мгновение, он опустил режущую поверхность в наметенную борозду. Жжжжжж! Брызнули искры, диск на пару миллиметров вгрызся в сталь, но...

Заскрежетав от боли зубами, он отбросил пилу и, изогнувшись пополам, принялся судорожно дуть на раскалившуюся гайку. О том, что при трении выделяется энергия в виде тепла, он за всеми перипетиями как-то позабыл. Но когда зажатый орган обожгло, как утюгом, резко вспомнил этот закон физики.

Дёрнулся было за бутылкой воды, чуть тиски не оторвал. Ну, или что там самое тонкое во всей этой конструкции? В общем, рванулся, но недалеко. Трясущимися руками снова взялся за ручку тисков, освободился и стремглав бросился к воде. Вода была техническая, мутная, но сейчас ему было всё равно.

Охладив бесчувственную гайку, он повалился на свой стульчик и глубоко задумался.

Долго ли коротко ли, решил он попросить о помощи. И прибежал в ближайшую часть

МЧС. А куда ещё ему бежать с такой-то проблемой?

Пожарные долго чесали в затылках, разглядывая лысого мужика с фиолетовой окольцованной сливой между ног. К слову сказать, герой-любовник попался не застенчивый и предъявлял своё проблемное место всем без разбору, надеясь, что хоть кто-нибудь сможет ему помочь. Но кроме шуток про то, что обручальные кольца, оказывается, бывают разные, и пояса верности должны выглядеть по-другому, ничего от пожарных не добился. Хотя, нет, они вызвали машину скорой медицинской помощи и эвакуировали его с глаз долой.

В больнице люди, не первый день с чудиками общающиеся, также развели руками. Между прочим, есть один способ снять кольцо с органа, но вышло так, что уролога, знающего методу, в тот момент в дежурной бригаде не было.

Собрался консилиум из дежурных докторов, и стали они излагать свои мысли по данному вопросу. Перетянуть у основания... сделать надрезы... спустить кровь... из головки, к пещеристым телам никакого отношения не имеющей, вырезать клиновидный ломтик... Вариантов было много, но все какие-то членовредительские. В общем, зашла медицинская дискуссия в тупик. Никто не хотел брать на себя ответственность за то, что искромсают орган, пока он ещё жизнеспособен. Вот если бы мужик попозже приехал, когда уже некроз наступил бы, тогда всё просто — чик-чик, и все дела.

Вот и что делать? Мужик-то молодец, приехал в больницу за помощью, мол, помогите мне, добрые люди в белых халатах, вы же в институтах обучались. Приехал, перегрузил проблему со своей скромной личности на головы нескольких докторов и расслабился. Лежит себе в перевязочной, руки за голову, сливу свою фиолетовую у всех на виду держит, штанов не одевая, и ни о чём не волнуется. Чувствует себя, короче говоря, в надёжных руках, бездельник.

А доктора фотографий на мобильные телефоны понаделали, пересылают своим друзьям и родным как новую хохму, а что с ним делать, не знают. Тут ответственный хирург и говорит:

— А давайте Михалыча позовём. Он у нас на все руки мастер. Тем более, у него и инструменты быть должны.

Михалыч — это дежурный сантехник, которого иногда и к слесарным работам привлекают. Ему позвонили по внутреннему номеру и пригласили в перевязочную в приёмный покой. Да пилу по металлу велели прихватить.

Ну, Михалыч пилу взял, — даже не пилу, а эдакий лобзик переросток — и прибыл в пункт назначения. Ещё ни о чём не подозревая.

— Чего здесь случилось-то? — светски поинтересовался он, стараясь дышать в сторону от дежурных докторов. Во-первых, чтобы себя не выдать, во-вторых, чтобы доктора от испарений не захмелели.

— Нужна твоя помощь, Михалыч, — ответила одна из медсестёр, на щеках которой уже горел румянец от смеха, — распилить кое-что нужно. Идём.

Пригласив его следовать за собой в перевязочную, где на столе мирно почивал прикрытый простынёю гайконосец, медсестра нахлобучила сантехнику на голову медицинскую шапочку.

— А что пилить-то нужно? — Михалыч начал подозревать недоброе.

— Да так, сейчас увидишь, — отмахнулись медсёстры.

Доктора блуждали рядом, продолжая размышлять, что им делать, если вдруг сантехник не справится с возложенной на него функцией. Тем временем на многофункционального Михалыча, сжимающего лобзик, уже набросили хирургический халат и принялись завязывать его сзади.

— Так что нужно распилить? — не унимался сантехник.

— Да там, кое-что металлическое. На чело-веке.

— Человека пилить надо? — перепугался Михалыч.

— Да нет же, гайку там одну, — успокаивали его.

И тут пациент по просьбе медиков слез со своего ложа и предъявил экипированному сантехнику, грубо говоря, свой объект. Фиолетовый разбухший баклажанчик с блестящим стальным набалдашником. Михалыч, как увидел, каракатицей отпятился назад, срывая с себя медицинские полупрозрачные одеяния, да так быстро, что доктора едва успели отобрать у него лобзик. Не сбавляя скорости отступления, разом протрезвевший от увиденного, сантехник попро-

сил звать его исключительно в тех случаях, когда сломается раковина или засорится канализация, и уединился в своей каморке до утра снимать напрядение.

Доктора попытались было пилочкой решить проблему самостоятельно, но секунд через пятнадцать поняли, что камазовскую гайку лобзиком не проймёшь.

И вот тогда было принято самое правильное решение. Снова позвонили в МЧС и вызвали бригаду спасателей. Эмчеэсники приехали.

— Только нам пилить нечем, — пожал плечами капитан. — А тут нужна болгарка.

Но пациент заявил, что болгарка — это вообще не проблема, и позвонил сыну, чтобы тот привёз в больницу электропилу, которая до сих пор лежала у него в гараже. Если у любителя экспериментов есть сын, значит, даже при неблагоприятном исходе — отомрёт орган или его случайно эмчеэсники отпилят — премию Дарвина пациенту никак не получить. Опоздал. Нужно было раньше над гениталиями измываться, пока ещё генофонд не пополнил своими хромосомами. А теперь — то уж что, кто-нибудь другой лауреатом в этом году станет. Благо, чудачков хватает. Снова какой-нибудь американец отличится.

Итак, носитель генов незадачливого «казановы» привёз пилу и заодно газовый ключ — попугай. Больного (правда, какой же он больной? .. хотя и здоровым его назвать трудно) проводили в операционную и уложили на стол. Анестезиолог сделал ему спинномозговую анестезию, и у бедолаги отнялись ноги. Короче говоря, всё шло по плану.

Троих эмчеэсников экипировали аки хирургов от бахил и перчаток до шапочек и масок. Подключили пилу, провели с огромным трудом

между органом и гайкой тонкий металлический проводник, чаще всего используемый в нейрохирургии, и приготовились пилить. Обложили гайку стерильными простынями, приготовили банку с фурацилином и огромный шприц Жане. Тут же медсестра с инструментами и шовным материалом и хирург — на случай, если что-то пойдёт не так.

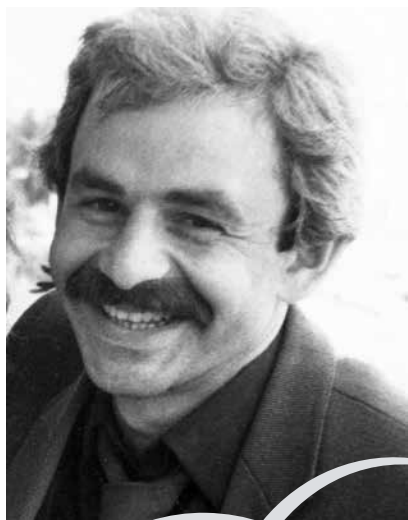
И начали действо. Один из спасателей держал гайку руками, второй осторожно пилил, а вот зачем там третий был нужен, никто так и не понял, даже он сам. Простоял всё мероприятие как зритель. Хотя зрителей там, конечно, хватало.

Чтобы гайка не раскалялась, хирург постоянно лил из шприца Жане фурацилин на место соприкосновения диска пилы и стали, а брызги летели... Под конец спасатели были все с ног до головы в фурацилине с металлической пылью. Благо, потом всё одноразовое одеяние, которое форму с погонами закрывало, можно было снять и выбросить.

Итак, распилив почти до конца (имеется в виду внутренний конец гайки, тот, где резьба) одну сторону, гайку с застрявшим в ней спасаемым органом перевернули на сто восемьдесят градусов и распилили с противоположной стороны. Затем взялись газовым ключом, вклинили в распилы отвёртки и надавили...

Больной поехал на каталке в урологическое отделение под наблюдение до утра, а гайка стала звездой утренней пятиминутки у начмеда. Все, кто складывал вместе эти две половинки детали от КамАЗа, поражался, до чего узкое в ней отверстие, и недоумевал, как же он всё-таки ухитрился её навинтить. ■

Борис Тинзбург

«НОВЫЙ КРУГ НЕПОСТИЖИМОЙ ЖИЗНИ...»

Февральской тёплой ночью мрак сгущён,
он властвует в оцепенелом лесе.
Лыжню ища на ощупь, тьмой смущён,
куда плывёшь ты в этой вязкой взвеси?

Внезапным хрустом вспугнут, не вскричи –
то дерева, заламывая длани,
мучительно ворочают в ночи
промёрзшими замшелыми телами.

Уже им в корни вколот тот раствор,
что через месяц-два вовсю забродит,
ну а пока, до тех грядущих пор –
не живы, не мертвы, а пьяны вроде.

Их предвесенний сон тревожен, рван,
наполнен призраками, тягостно похмелен.
Разбудит их очередной обман,
назойлив, звонок, солнечен и зелен...

И всё по новой:
здравицы весне,
круженье крон в туманце липких листьев,
там – буйство лета,
а ему вослед
крушение неминуемое близко –
анабиоз –
кому-то страшный сон,
кому-то смерть: от порции наркоза,
от вьюжистых ветров под вой и стон,
от затяжного жгущего мороза...

А там, глядишь, опять
природы князь
наркотик обещаний в корни вбрызнет,
и заскрипят живые, шевелясь,
и – в новый круг
непостижимой жизни.

Родился в Казани в 1951 году. Отец был капитаном танковых войск, мать – врач. «Отцовские родители жили в Киеве на Подоле рядом с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым, – вспоминал Борис. – А мама жила в Воронеже, где в это время мотался ссыльный Мандельштам. Какое-то время на квартире у мамы жила Вера Игнатьевна Мухина (знаменитый скульптор) со своим мужем – ссыльным кремлёвским врачом. Вера Игнатьевна давала маме носить свои туфли». Окончил математическую школу. Отслужил в армии. Работал на заводе контролёром, прибористом. Увлекался спортивным туризмом, ходил в байдарочные и пешие походы на Урал, Кавказ, Тянь-Шань, в Марий Эл. Посещал литературные студии Николая Беляева, Марка Зарецкого, Диаса Валеева. Год был руководителем студии «ARS» при Казанском университете. Автор сборников стихов «Четвёртый зимний месяц март» (2000), «Среди случайностей несметных» (2018). Публиковался в казанских изданиях, коллективных сборниках стихов. Ушёл из жизни в 2017-м.

Когда музыка разрывает грудь
и голову несёт к чертям под ноги, –
о боги, боги! – должен кто-нибудь
прийти к богам смертельно одиноким!

Ужасно одиночество богов!..
Опасно, – чёрт-те что случиться может!..
Нечасто из чащобы, из логов
несчастливым понимание предложит

с победкой волчьей вопиющий зверь,
темна его душа, – ещё поглотит...
Но что-то говорит тебе: «Поверь! –
ведь всё-таки душа...» Тебя колотит,

но ты идёшь за ними или, счастлив,
садишься на него и – прочь от страха,
и вас несёт божественный мотив
Моцарта Вольфганга или Йохана Баха...

И зверю веришь ты, и зверь – тебе...
Изверившимся так легко поверить...
Так тёпел под тобой его хребет...
Но – только не назад... – но надо вперед

глаза вперед и вверх! В крошечной тьме
узришь звезду, очей не разевая,
и – по звезде, пока рассвета медь
не полыхнёт, и не заснёшь, зевая...

И рядом ляжет зверь, он так устал
и сам в лесах таскаться одиноко,
и тосковать, и выть, и добрым стал...
... согрелись души! А над вами – Око...

и теплота с высот идёт к низам...
Опять она вам утолила жажды...
«Ну что, божок?.. Вот серый волк не знал,
что делает... а ты поймёшь однажды...»

Над брусничным болотом лишь серые сосны сухие,
палёные снизу,
да серая мокрая губка,
нависшая низко.

Где-то рядом вот так же, как ты, копошатся по кочкам омшелым
в буреломе-горельнике
сборщики ягод,
друзья и чужие.

Переключка затихла, у каждого, значит, участок богатый
и бегать не надо –
знай дёргай и дёргай.

Ни души. Ты один. Над тобой только сосен скелеты
и тучи сплошные.

Ни души. Только чем объяснить, что внезапно так
плачешь ты,
горько так,
сдавленно,
сладко?

Тем ли только, что в позе застигнут такой – на коленях –
как будто в молитве?..

Или тем ещё, что умилен этой щедростью божьей,
рассыпавшей красные ягоды
в бархат зелёный?

Ни души...

Ни души?..

Это вы? – мама, папа?!

Ни звука, но –
слёзы и слёзы.

Родился в 1978 году в семье врача и юриста. Окончил Академию труда и социальных отношений. Работает руководителем литературного кафе «Калитка» Центральной библиотеки г. Казани. Публиковался в журналах и альманахах «Дружба народов», «Новая юность», «Нева», «День и ночь», «Паровоз», «День поэзии», «Дети Ра», «Ното Legens», «Современная поэзия», «Сетевая словесность», «Аргатак. Татарстан», «Идель». Победитель турнира поэтов Литературной универсиады в Казани (2013). Автор книг «Подворотня», «SOSстояние весомости», «Иностранная вещь», «Калмыцкие таблицы». В начале этого года у поэта вышла книга избранного за десять лет «Стихотворения» (Казань, Издательство Академии наук, 316 с.), куда вошли стихи, проза и эссе по мотивам казанских поэтов.

Эдуард Учаров

«ВДРУГ РАЗБИРАЮТ СЕРДЦЕ...»

ЛОБАЧЕВСКОГО, 12

Вот дом, что не меня короновал, –
всё старит Лобачевский переулок.
Под аркой шаг торжественен и гулок,
как некогда почившие слова
знакомых древнегреческих софистов.
Под рёв и сумасшествие их свиста
не я ли зданья вылепил овал,
а позже сам творенье не узнал?

Вот дворик, ускользящий во мглу,
со скрипом притворившийся до щели,
бессмертным изнывающим кощеем
качели сторожащий, как иглу,
что спрятана у первого подъезда, –
на кончике её трепещет бездна,
друзей перемоловшая в золу,
которых я уже не позову.

Вот свет из неумытого окна
почти не пробивается спросонок,
и силуэт в проёме невесомо
вытягивает в форточку луна,
заставленная облаком и ночью,
как я заставлен буреломом строчек.
Сажусь с бокалом терпкого вина
и сам себя выдумываю я...

ЮРИЮ МАКАРОВУ

Из корней слов душистых
предложу настой.
Гость случайный, не ершись ты,
что настой простой.

Не отцеживай травинки,
пей стихи сполна,
их нельзя до половинки –
залпом и до дна!

5-Я ГОРБОЛЬНИЦА

Ангел явится – и вдруг начнёшь креститься,
да шарахнешься с насиженного рая
в неврологию, где пухлая сестрица
за кроссвордом и печеньем умирает.

То ли топот по линолеуму слышен,
что, как insult, пробивает черепушку,
то ли в междупозвонковой давней грыже
заходили с визгом диски у старушки?

Этим утром бродит солнце по палатам
и на лазер просыпающихся удит.
Расщепляет массажист тебя на атом,
и капелью острой капельница будит.

Оборону держит строго старый замок,
и моргают занавесками бойницы...
Внеурочный посетитель – полустанок –
разгоняет поездами боль больницы.

Птичий контур, чертёж без деталей,
в небо шаг, или взмах, или два,
от осенне-осиновых далей,
пункт за пунктом, пунктиром, едва,

прочертив облака, предназначав
оставаться на окнах ночей
и пером по бумаге зачем-то
лунной горлицей стынуть ничьей,

занемочь, где в сиреневой тряске
клювы клином вбиваются в юг
и синицы, сипя на татарском,
минаретные гнёздышки выют,

задышать глубоко в понедельник,
отыскав голубиную клеть,
и застуженный крестик нательный
на груди у меня отогреть.

Полистаешь поэзию,
где про смерть, про любовь –
словно встанешь на лезвие,
только где она, кровь?

Рассечёнными пятками
всё изгваздать готов,
а блокнот на попятную –
нет для крови листов.

Белым тельцем под скальпель ты
на кушетку ложись,
но не выжмет ни капельки
медсестра твоя – жизнь.

Только кровь алкоголика –
синь небесных синиц,
только Рыжий и Новиков –
жизни триста страниц...

ДЕТАЛЬКИ

Вдруг разбирают сердце,
а потом собирают.
Но остаётся несколько лишних деталек.
А сердце работает, чувствует,
думает, тикает.

И лежат эти пыльные детальки в шкафчике,
пока ты их, наконец, не выбросишь,
наводя очередную чистоту и порядок.

И проходит много-много времени,
когда ты вдруг с ужасом понимаешь,
что в этих-то ржавых железках и было всё самое
важное.

Всё, что скрипело и царапало,
рвалось и билось.

Где теперь эти волшебные шестерёнки?
Соседские дети давно подобрали их у мусорки,
и вставили себе в звонкие сердца,
и проживают твои удивительные мгновенья...

ГОЛУБЫЕ ОЗЁРА

Голубые озёра и Казанка, живущие у посёлка
Щербаково, собираются на юг вместе с утками. Но
поскольку озёра незамерзающие – никуда они не
полетят. Опять останутся на зиму купать челове-
ческих моржей...

Голубое озеро так радостно стискивает человека
в своих объятиях и колет крещенской бородой, что
становится нечем дышать. Февраль тянет за пятки
ко дну. Кровь и сердце изумлённо сопротивляются.
Ивовое дерево подставляет спину и ветвями подго-
няет на берег...

Приют аквалангиста – дальше Голубое озеро.
Здесь бесстрашные ныряльщики вступают в схватку
с яростными бобрами. Сверкают гарпуны и клыки
выдр. А по ночам русалки зализывают раны и поют
боевые гимны, приветствуя кровь нового рассвета...

СТОМАТОЛОГИЯ

Теперь зубочистке осталось царапать по нервам прорех – тянись, саблезубая старость, расщёлкать познания орех.

Фарфоровой мудрости гностик, вставной летописный резец – вгрызайся с малиновой злостью в проклятый язык, наконец.

Последние сгустки апломба на ватку сомнения сплунь, почуй, как морозная пломба врастает в пульпитный июнь.

На страшное синее нёбо, на хрусткую, с кровью, эмаль – смотри через зеркальце в оба и скрежету глотки внимай.

Пока ты под местным наркозом, пока ещё жив протезист, напильник извечных вопросов над лобною костью навис.

Но всё перемелется, братцы: коронки, каретки, мосты... Придёт санитарка прибраться и буквы смахнёт на листы.

К покою приёмному хлопца крылатый ведёт поводырь. Лишь челюсть болеть остаётся в стакане кричащей воды.

БРОСИТЬ КУРИТЬ

В этом самосожжени нелепом прогореть, как тугая дуга, затянута обугленным небом, выпускающая потом облака.

Зашипеть уголёчком повинным, раз уж в пытке-попытке святой – легче лёгкого лёгкие вынуть и терпеть не дыша под водой.

Но стараешься бросить навечно, на двенадцать-тринадцать минут – сразу тонкую душу овечью бесконечные клещи сомнут.

Задыхаясь от чистого сердца, от сомнений, терзающих лоб, не на лестничной клетке усесться, а улечься в берёзовый гроб,

уплывая за трубкой фабричной на звенящих колечках, в пути пару пачек за стих непривычный отдавая нещадной груди.

В новое переселяясь тело – чувствовать озноб, неправоту. Позабыть бы. Забываешь смело то, что будет так неумоготу.

Радуешься солнцу, но не знаешь, что это такое, какова близится расплата за уменьше языком нащупывать слова.

Смотришь-смотришь ясными глазами на рождённый в первом крике мир. Вот и всё. Мне всё про всё сказали. Обними и на руки возьми.

ДАР НЕБЕСНЫЙ

*Умерший человек становится звездой на небе.
Поэтому Вселенная и расширяется...
Из разговора в автобусе*

Папа, папа, – что ж ты снишься? Я тебя почти не знал, помню лишь, как ты синицей в мёрзлом марте умирал.

Мама, мама, – что ты плачешь? Ты ведь тоже умерла. Не ходила больше замуж, всё сыночка берегла.

Вырос я большой, здоровый, но не смог тебе помочь – ты опять врачом на «Скорой» за звездой уходишь в ночь.

Этим звёздам очень тесно каждой ночью надо мной. Мамы с папой дар небесный – не вмещает сын земной.

В кашемировом небе на вырост облака на резинке ношу и весны неслучайную сырость по щекам иногда развожу.

Чтобы в детстве, костром обожжённом, вдруг запахнув ночную росой, проглянуло бы под капюшоном удивленье озона грозой.

И на Млечном Пути без ошибки мама с папой увидеть смогли голубые, как вечность, прожилки зарифмованной сыном Земли.

ФИЛИППУ ПИРАЕВУ

Иногда нужно вспомнить, что я человек
и конца на пути не миную,
а пока – для чего проживаю свой век,
что кладу я в копилку земную?

Голоса из глубинных предчувствий беря,
для чего отшлифовывал разум?
Для чего по сусекам всего словаря
выскребал я заветную фразу?

Эта ночь, как последняя в мире, тиха,
в ней рождается голое слово...
За хорошую строчку живого стиха
умираю я снова и снова...

СКАЗКА О ПОЭТЕ

Жил-был поэт. Однажды у него кончились стихи, и он пошёл на стройку класть кирпичи. Потом стихи частично вернулись, и он клал то стихи, то кирпичи. Кирпичи кончились. Поэт заболел и год получал пенсию по инвалидности. Чуть не умер.

Инвалидность кончилась, и он устроился охранником листать сканворды. Когда кончились сканворды – от него ушла жена.

Охранник начал пить. Деньги почти сразу кончились, а водка продолжалась. И вино продолжалось. И лосьон после бритья. И фанфурики.

Эта настойчивая капля сушила мозги, но смягчала сердце. Сердце настолько размякло и истончилось, что однажды едва слышно лопнуло в груди – только облачко слёз выплыло из потухших глаз.

Без сердца каменщику стало жить совсем не по себе. Но это продолжалось недолго. Время кончилось, и его не стало. А несколько непрожитых лет остались. Они так и лежат в углу комнаты под книжной полкой на полу. И их никто не подбирает.

ИВАНУ ДАНИЛОВУ

Нарубишь боль души на честные словечки...
Берёзовые дни сгорят в июльской печке...

У сердца на краю тяни тоски резину...
И поллитровку сна неси из магазина...

Сбываются слова рифмованной кукушки...
Нормальнее всего лежать тебе в психушке...

Под балалайку лет зайдёшься в пьяном оре...
Застонешь о судьбе – струна застрянет в горле...

ГЕННАДИЮ КАПРАНОВУ

Ни росы, ни света – солнце опять не взошло,
я неряшлив и короток, как надписи на заборах,
меня заваривают, пьют, говорят – хорошо
помогает при пенье фольклора.

Лёд и пламень, мёд чабреца,
сон одуванчиков, корень ромашки ранней,
пожухлый лопух в пол-лица (это я), –
надо смешать и прикладывать к ране.

Будет вам горше, а мне от крови теплей,
солью и пеплом, сном, леденящим шилом, –
верно и долго, как эпоксидный клей,
тексты мои стынут у Камы в жилах.

Вся наша смерть – в ловких руках пчелы
молниеносной – той, что уже не промажет:
словно Капранов, я уплыву в Челны
белый песок перебирать на пляже.

КРУТУШКА

Сегодня плыли с братом на красном автобусе вдоль Кошевого, Ударной, Советской по Авиастроительному району в далёкую Крутушку моего детства. В крутушкинском санатории моя мама — врач этого оздоровительного учреждения — познакомилась с моим папой, отдыхающим от своих судейских обязанностей... Мама с папой поженились, уехали в Тольятти работать на ВАЗ, вернулись в Казань, возили меня — ещё очень детского человека — в это счастливое для них место. Я помню озеро, навесной мост через маленькую Казанку, пионерский лагерь на той стороне, берёзовые аллеи санатория...

Вчера, по прошествии 30 лет, я опять попал в это загадочное и смутно припоминающееся время. Мы прошли по красной кирпичной лесной тропе в обход санатория (теперь он огорожен и опутан чуть ли не колючей проволокой) к моему ребёночьему воспоминательному озеру, и оно приняло меня в свои воды — захрустело камышами, колыхнулось веткой ивы по воде, качнулось тарзанкой, разбилось мелкой рябью и соединилось вокруг меня, и не отпускало, и грело моё тело парными каплями, обкладывало сверху облаками и белило умеренным солнцем...

Подвесной мост через Казанку ещё не разрушился полностью и было видно, что реанимировался недавно несколькими досочками, но идти по нему я бы не рискнул даже через такую худую речонку, ибо некоторые железные жилы, поддерживающие заживо гниющий остов, уже выпали из пазов и не держали его, а истлевшие рёбра моста выпирали, полусломанные, вперемешку с сухожилиями обвивающих их лиан...

Мы утолили жажду у родника, протекающего возле клёна с синими лентами, и вернулись в посёлок, дабы оставить тяжёлый скарб у братских знакомых и пойти на грибную охоту вдоль просек крутушкинского леса. Продираясь над гнёздами кукушки, кустами дикой малины и можжевельника, неосторожно втаптывая кровавую костянику в землю, но и своими телами принося кровавую жертву комарам, мы обнаружили две больших поляны огромных Боровиков и небольшую поляну Лисичек — этого хватило, чтобы умиловить огромный прозрачный пакет, и ножи наши с грибными каплями крови на лезвиях вскочили в ножны, а мы вслед за ними вскочили в отплывающий автобус и умчались обратно в казанскую казань. Здравствуй, Крутушка. Я не видел тебя около тридцати лет. Вчера я снова познакомился с тобой... ■

Родился 1 января 1962 года в деревне Дюмеево Илишевского района Башкортостана. Окончил Бирский государственный педагогический институт (физико-математический факультет) и Томский институт автоматизированных систем управления и радиотехники. Живёт и работает в Башкортостане. Публиковался в журнале «Идель».

Илгиз Ахметов

ПУТЬ К ИСТИНЕ

Роман в сокращении

— Не едь туда, сынок, убьют тебя там, — говорила одна башкирская бабушка, разложив карты. — Дальний путь, а дальше нет дороги... крест стоит...

— Как же, бабушка, ведь там сыночек мой. Сказали, туда увезли...

— Боже всемогущий, — баба Нюра повернулась к иконе, — прости, за грех не прими, святое дело сына найти. Позволь мне помочь...

Когда она повернулась, я увидел её лицо вмиг постаревшим: во впалых глазах было столько боли и чего-то ещё, я недопонял тогда... Уже потом узнал, что много лет назад она тоже потеряла сына. Он просто исчез без следа. Вот тогда она впервые и взяла в руки карты. До сих пор ищет...

— Жив, жив твой сыночек. Недалеко он. Иногда ты совсем рядом с ним бывал, да разминулись видно. А может, не позволяли...

— Так он в неволе?

— Да нет, свободен. Сам он, по своей воле...

— Как? Он ведь без документов.

— Ему они и не нужны. Скоро сам всё узнаешь...

Время для меня остановилось 21 июля 2001 года, в тот самый миг, когда исчез сын. Эх, вернуть бы то время, да ошибки исправить...

Я продолжал поиски. Тщетно. Слова тех мальчишек, с которыми я разговаривал возле кафе «Отдых», почему-то у меня подозрения не вызывали. Спустя год найти очевидцев, запомнивших, как Ильнур садился в кабину, причём, к чеченцам, невозможно... Видно, утопающий за соломинку хватается. Для отца, потерявшего сына, нет больше ничего, кроме судьбы своего ребёнка...

План поездки в Чечню разрабатывался на ходу. Гасан, мой старый друг ещё с Дальнего Востока, был тогда большим человеком в Дагестане. Он сразу сказал, что поможет. Обещал людей дать — проводника и прикрытие. Был у меня и запасной канал: двоюродный брат другого друга Машади (мы его Мишей звали), заместитель начальника МВД Республики Дагестан.

По карте проложил максимально удобный маршрут: Оренбург — граница Казахстана, Актюбинская развилка, дальше строго на юг. Там

на Гурьев выйду. Паром - челнок через Каспий два раза в сутки ходит. Тронусь в обед, жене скажу, что Александровский спиртзавод проверю — раньше там знакомый сына по кличке Белый наркотой промышлял. Его, правда, уж полгода в живых нет: двинул копыта от пердоза. Когда я первый раз разворошил это осинное гнездо, тамошний участковый за голову схватился. Наверное, до сих пор хранит мою дубинку. Я тогда двенадцать человек лицом к земле положил...

В этот мартовский день с утра разыгралась настоящая пурга. Как будто сама природа была против поездки. Закончив уроки (я тогда директором школы был), поспешил в гараж. Всё давно приготовлено: запас еды, топлива, оружие.

...Я нёсся по заметённой дороге, как глассер по волнам. Обгонял тех, кто полз кое-как, объезжал увязших, оставляя за собой снежное облако. Впереди стоял КамАЗ, почти полностью перегородив проезжую часть. Водитель упорно старался меня остановить. Даже подозрительно. Я взял левее, нагло объехал со скоростью около 60 километров в час. Выражение лиц двоих, стоявших перед машиной, до сих пор вспоминаю с усмешкой. Предчувствие меня не обмануло: сквозь снежную завесу я вновь заметил грузовик, стремительно приближающийся ко мне.

Здесь дороги я знал наизусть. Следующий поворот налево — мостик через ручей. Его сейчас не видно — всё под снегом. С улыбкой на лице, предвкушая удовольствие, я повернул налево раньше поворота — наперерез через гладь снега. КамАЗ, двигаясь по моему следу, накрепко сел в русло ручья...

Это только начало. Впереди — многокилометровые степи Казахстана с их капризами и непредсказуемостью погоды. Ладно, машина надёжная, движок сам форсировал: блок расточил под максимальный размер 82 мм. Гильзы хромом покрывал. И коленвал хромированный, так что КПП на грани мечты. Да ещё присадка с молибденом и фторопластом в моторном масле. Багажник — и тот был сделан с двойным дном. Всё выполнено в заводских условиях, на заводском оборудовании, просто

так не и обнаружишь. Удобное, кстати, место для хранения оружия. Один недостаток — низко очень. Весь конденсат, вся грязь внизу собирается. От влаги я нашёл простой гениальный способ — на скорости она сама через шланг уходит.

Мысли, мысли... Сотни, тысячи километров водители наедине со своими мыслями.

На объездной дороге Оренбурга меня тормознул молодой лейтенант. Представился, спросил документы.

— Куда путь держим?

— В Чечню, блин, — усмехнулся я. Лейтенант расхохотался:

— Оружие хоть есть, чеченец?

— О чём базар, дарагой, — шутливо отвечая с горским акцентом, я достал из бардачка пластмассовый игрушечный «вальтер» и протянул ему. Он опешил — игрушка была точной копией боевого оружия. А настоящий лежал совсем рядом — только руку протяни.

— А на самом деле цель поездки?

— Да сына я ищу, пропал. Уж все ближайшие города... Как сквозь землю — да прости меня, господи... — проговорил я обрывками, проглатывая чувства.

— Может, я видел? Фото есть?

Из нагрудного кармана я достал несколько снимков.

— Вроде нет. Ну, кто его знает, сейчас молодёжь все на одно лицо. Что сказать, держись... И верь!

Уезжая, я спиной чувствовал, как он меня вслед перекрестил.

Эх, парень, знал бы ты, что я мусульманин. Хотя бог-то у нас один. Только пути-дорожки разные. Вообще, сама жизнь — и есть путь. И каждый его проходит по-своему. Как ни крути, это путь к истине...

До границы доехал быстро, легко нашёл спрятанные доски, без труда перекинул их через траншею — и всё! Я уже в другой стране! Дороги там, конечно, намного хуже...

В темноте недолго и заблудиться. Знаков нет, спросить некого, по обе стороны дороги — снежная целина. Около восьми вечера впереди замелькал одинокий огонёк...

От огромной деревни остались три жилых дома, стоявших отдельно у самой дороги. Я постучался. На пороге появился дед с охотничьим ружьём.

— С чем пожаловал, путник запоздалый?

— Дорогу спросить хотел. Да и устал очень... Дом, хоть и маленький, оказался уютный.

За чаем дед объяснил, как до Актюбинска добраться — оказывается, уже почти доехал. Рассказал про обстановку, перечислил опасности... В общем, за какие-то полчаса сложились самые тёплые отношения. Может, моя беда сближала... Отпускать не хотели.

— Вернись, сынок, живым и здоровым. Обязательно заедь на обратном пути...

Буран немного поутих. Через пару километров выехал на трассу. Скорость за сто, приятно ехать. Впереди слева замигали огни города. Скоро мой поворот направо. Ага! Вот и он! Только слишком много народу почему-то. Машины стоят дорогие. В основном, иномарки. Сходняк или стрелка? Кто-то попытался меня остановить.

Часть груза — пустые канистры и две с бензином, я так же, как и колёсные лопасти, оставил у деда. Так что налегке — уйти сумею. Делая вид, что не заметил, проезжаю мимо.

Следом хвост. Да такой огромный — просто страшно вспоминать. Полупьяные любители острых ощущений стремительно приближались ко мне. Стрелка спидометра дрожит, коснувшись ограничительного штифта. Скорость бешеная. Ну, держись, мой конёк-горбунок, вытяни меня из этой беды! Ведь бывало и страшнее...

Эх, пополнить надо было запас ёжиков. Попленился ведь, часа два поработал бы, сварил с болтов М 6, да и самих болтов было хоть отбавляй — целых полведра! Вари, пока не надоест. Хоть тысячу штук. На шаблон три болта положил, электродом прикоснулся — основа есть. Перевернул, приварил ещё один — вот и готово чудо злодеяния. Как ни кидай — упадёт на основание. Так что один из болтов всегда «останется на посту». До встречи со своей резиной.

Как-то раз ребята машину под заказ пригнали. «Мерс» штучного изготовления.

— Может, опробуешь? Другой такой на свете нет!

Не устоял, да и перед ребятами пасовать не хотелось. Изысканно-спортивное убранство салона, прекрасно сочетавшееся с роскошностью, будоражило душу, ноги сами хотели давить на педали. Улица, к нашему счастью, была пуста. Я перевёл рычаг коробки-автомата, вытянулся с наслаждением и нажал на акселератор. Машина устремилась, как выпущенная из лука стрела... Рёв мотора, визг резины... Стрелка спидометра за секунды проскочила половину шкалы. Чудовищная сила вдавила нас в сиденья. Ребята орали... Я отпустил ногу, стал тормозить. Участок дороги в пять километров вмиг остался позади. Салон заполнился криками восторга и счастливого удивления. Бортовой компьютер показал максимальную скорость 320 километров в час. Страшная цифра. При 196 грузовой самолёт с земли отрывается...

Мои преследователи стали отставать. Крутой, слишком крутой поворот налево. Вот почему они сбавили ход!

Не впишусь! Слишком поздно тормозить! Конец... Да будь что будет!!! Не торможу — на оборот! На газ! До предела! А-а-а-а-а-а... Оторвавшись от земли, продолжаю давить на педали. За секунды перед глазами успевают промелькнуть вся жизнь. И вдруг... Такая глупая мысль... Я, кажется, лопату снеговую забыл в гараж занести... Разве сейчас о лопате надо думать, когда через мгновение машина врежется в мёрзлую землю...

Нет более страшной тишины, чем тишина заглохшего мотора. Дверь не открывается. Зажало снегом. Опустив стекло, выползаю из машины. Из всех сил, оперевшись, надавливаю плечами — машина встает на колёса. Скорее! Оружие в руки! Ставлю увеличенный магазин, передёргиваю затвор. Только тогда догадываюсь — свет не выключен. Поздно! Уже заметили. Машины одна за другой останавливаются наверху, на трассе. Насчитал более пятнадцати человек. Допустим, кого-то не заметил. Прикинем на двадцать. В обойме четырнадцать патронов. При такой дальности поражение до 30 процентов. Значит, около 60 выстрелов...

Ствол перегреется! А автомат достать я просто не успею...

Наверху голоса. Казахский, очень похожий на татарский, я отлично понимал. Вперемешку звучала и русская речь.

— Что церемонитесь? Дай очередь, да поехали! Не жалец! Так кувыркнуть!

Дотянувшись, щёлкнул выключатель усилителя.

— Не балуй с огнём! А то сам первый ляжешь! — крикнул я в микрофон и длинно матернулся на татарском. Максимальная громкость рупора под капотом сильно их удивила...

— Ты кто такой? Лопочешь по-нашенски — свой что ль?

— Кончай его! Поехали!

— Опустит ствол! Даю предупредительный! Дальше бью на поражение!

Нажимаю курок — короткая очередь моего «вальтера» уходит в темноту.

— Ну-ну! Тихо! Всем тихо! Стволы вниз! Кто ты, смельчак?

— Имя моё тебе ничего не скажет. Илгиз меня зовут. Свои Физиком кличут...

— А откуда ты? И куда едешь?

— Из Башкирии еду в Чечню. Сына искать.

Наверху разгорелся жёсткий спор.

— Физик такой в Татарии был. А ты кто — самозванец?

— Это я и есть. Меня знают от Сахалина до Балтики. Хотите уточнить — спросите у Фрола Бугульминского.

— Ладно, поверим. И проверим. Всё равно другого варианта нет. Если это тот самый Физик — его и дьявол не одолеет.

— Тот, тот. Другого нет на свете! Я не хотел никого беспокоить, просто случайно получилось. Я бы оторвался. Не люблю хвостов.

— Наслышаны мы, как ты хвосты обрубаешь! Считаю, повезло нам всем! И как теперь? Может, вытащить?

— Справлюсь...

Через несколько минут после целого ряда пустых необязательных слов вдруг:

— Так, про сына... Что же случилось?

— Пропал он... Пропал! Просто исчез! Второй год ищу, не найду... Сказали, видели, как с чеченцами уехал. Туда и еду...

— Ты не горюй, одному нельзя. Может, дать кого?

— Не надо. Справлюсь. В Дагестане друг встретит. Раз меня знаете, значит, и про него слышали. Гасан его зовут.

— Как мир тесен... Айда, поможем, вытащим.

Да шут знает, что у них там на уме. А вдруг где-то залёг снайпер и ждёт терпеливо?

Попрощались. Одна за другой уехали крутые машины. А я остался один. На богом забытом повороте. Холодно. Ох, как холодно.

Стоп! Мне холодно, значит, и снайперу не тепло. Да ещё ветер там, наверху. Значит, терпит из последних сил. Вот-вот сорвётся. Помочь ему надо. Дотягиваюсь, достаю из кармашка сиденья фальшпатрон — универсальный термитный факел. Привязываю к запальному кольцу шнур метра два — шнурки с ботинок взял, шелохнуться лишнего нельзя. С размаху швыряю влево — если он там есть, инстинктивно вильнёт стволом, вот тогда я его и замечу... Факел догорел. Как долго тянулись эти пять минут. Я внимательно смотрел вверх, на дорогу. Никакого движения.

...Мне повезло — машина завелась с первой попытки. Катаю её вперёд-назад, трамбуя снег для разгона.

Поехал. Кругом темно. Ориентиров никаких. И звёзд не видно, как назло. Небо светилось, как после Чернобыльской аварии. Радиоактивность — страшная вещь. От неё не скроешься, не спрячешься, иммунитет не выработается, она не исчезнет, пока не выработает своё... Пока не изуродует и не убьёт.

Помню, выполняли мы как-то лабораторную работу. Задача стояла простая: могла ли Чернобыльская АЭС взорваться или это была диверсия. Как только не издевались мы над реактором: и температурный режим сбивали, и перегрузки запредельные давали, и некачественное топливо пробовали. Бесполезно — не выходит из режима и всё тут! Только начинается перегрузка — стержни замедлителя тут же её сбивают. Мы и автоматику стержней отключать пробовали. Бериллиевые кассеты просто отрывались в верхней части и падали. Реактор наш заглох...

А потом случилась беда. Когда рабочие завезли аварийно-утилизационный контейнер,

чтобы разгрузить печь, нечаянно зацепили отвод водяной рубашки. «Тяжёлая» вода стала заполнять полы нижнего яруса. Ребята, их было четверо, кинулись стягивать хомут на место утечки. Мы с Анваром были на третьем ярусе.

— Отсос! — крикнул он сзади, когда я щёлкал последние тумблеры.

На улице, прямо за стеной, на площадке стояла тележка с агрегатом вакуумной откачки. Он уже стоял со стремянкой в руках.

— Лезь!

Стремянка до окна не доставала, Анвар поднял её на плечи. Я полез. Какой он молодец! Свой ремень пристегнул к самому верхнему крючку стремянки. Вот я и на подоконнике. С размаху ударил по стеклу и закричал от боли.

— Не поддаётся!

— Стремянкой! Стремянкой бей!

Подняв стремянку за ремень, я ударил. Только после третьего удара пробил первое семимиллиметровое стекло. А ведь ещё наружная рама есть! Но с ней я разделался намного быстрее.

Стремянку опустил вниз к Анвару, он схватился, я стал поднимать. Лестница согнулась в середине. Быстро перебирая руками ступеньки, он приближался. Вот-вот разорвётся алюминиевая конструкция... Успел! Последний рывок — и он рядом со мной.

В следующее мгновение мы уже были возле прицепа с агрегатом. Расстояние — около сорока метров! Как же мы вдвоём дотолкаем громадину в четыре тонны?

— Боже всемогущий! Помогииии!!!

Крик Анвара совпал с моментом, когда мы оба приложились к протекторам.

Сначала медленно, потом всё быстрее стала двигаться огромная конструкция. Вдруг стало легче: оказывается, на звон стекла к нам прибежали два дворника, что подметали возле ворот...

Дальше — все как по нотам. Присоединили веерные щётки к рукаву и стали опускать в проём окна. Один за другим наращивали рукава, но вместе с ними росло и сомнение: вдруг не получится?

Беду мы предотвратили. Только вот ребята успели получить смертельную дозу радиации. Не уберёг я своих пацанов... Никогда не забуду

их лица. Лица без единого волоска... Брови, ресницы — все выпали до последнего...

На следующий день было подписано заключение. Аварии на АЭС такого типа быть не могло. Ни теоретически, ни практически. Следовательно, остаётся последний вариант: диверсия. Вот и думай после этого про заокеанские козни...

— В Гурьев как проехать? На побережье...

Два полупьяных идиота в странной униформе, с невпопад застёгнутыми пуговицами смотрели на меня, как будто предвкушая удовольствие. Я не знал, что оказался на казахско-узбекской границе...

— Заходите, там скажут.

— И покажут, — добавил второй с явной насмешкой.

Перешагнув порог, я попал в тёмный тесный коридор, откуда меня нагло втолкнули в спортзал. Я кубарем скатился по ступенькам вниз. Пистолет с оперативки вылетел. Ударившись головой, я потерял самоконтроль и преимущество.

Через несколько секунд всё стало ясно. Ко мне приближался не человек, а скорее, чудовище, напоминающее Кинг-Конга. Я оказался в роли спортивной груши. С каждым его шагом публика скандировала, накаляя обстановку. Он протянул руку, будто поздороваться. Я, дурак, в ответ. Он схватил меня за кисть, резко дёрнул и, прокрутив в воздухе над головой, швырнул вглубь зала. Силён, однако... Полы были устланы матами, я упал удачно. Меня подняли и толкнули к нему. Пальцы затрещали. Бой пошёл на смерть. Резко дёрнувшись к нему, правой свободной рукой я успел схватить врага за калдык раньше, чем он меня метнул. И он метнул... Самоубийца...

Падая, я попал на каратиста, потерявшего бдительность при виде крови, брызжущей из разорванной глотки сумоиста. Раздался хруст шейных позвонков. Я мягко приземлился на обмякшее тело с вывернутой головой. Прыгнув с кошачьей ловкостью в сторону двери, сразил ещё нескольких. Точно выполненный удар «кобра» не оставлял у них ни единого шанса.

Вдруг — жгучий удар в колено... Кто-то ударил трубой или монтировкой... Коленная

чашечка разбилась вдребезги... Я потерял сознание...

Кто-то всегда первым совершает зло. Оппонент отвечает злом. Зло множится. А совесть молчит. И нет никакого оправдания этому молчанию. Скольких я сразил? Не хочется сказать «убил». Хотя и защищался только. Я ведь жизнь у них отнял... Пусть даже врагов...

Первый раз такой страшный поступок я совершил много лет назад, в восемьдесят седьмом. Афган. Семь грузовых самолётов. Туда — оружие, назад — раненые. В первые два самолёта — груз 200. Дальше — трёхсотые. В наш уместились почти двести раненых. Большинство — тяжёлые. Тут обстрел начался. Душманы наступали, как облако саранчи. Стреляли отовсюду... Жуткая картина. Не мог я бездействовать. В лучшем случае — убьют, в худшем — нас ждут плен и унижения. Но с чем дать последний бой? У нас, летунов, кроме пистолета, только голые руки. Оглядываюсь по сторонам. Смотрю — на базе пикапа «шилка» стоит. Четырёхствольная автоматическая зенитная установка. Далековато, конечно. Почти триста метров я пробежал, как неуправляемый. Кручу рукоятки, вдруг слышу:

— На ноль не спустим, он — зенитный! Задать перед надо!

Это какой-то сержант за мной следом, оказывается, бежал.

Через мгновения мы уже стояки откручивали.

— Заводи!!! Мордой — на бугор! Скорей!!!

Я в кабину — ключа нет!

— Ключи!!!

— На козырьке!!!

Секунды. Эти секунды уносят жизнь ребят... Подсевший аккумулятор еле-еле крутит... Не подведи, конь железный! Выручай! Во имя Отечества!!!

Завелась! Услышал, видно... Вперёд! На горку щёбня!

— Дерржжиись!

Машина остановилась, немного поднявшись на горку.

— Заряжаю второй!

Я поднял третий, за ним и четвёртый магазин.

— Есть четвёртый! Стреляй!!! Я готов!

Я нажал на гашетку. Сержант, прижавшись к окулярам, уверенно крутил маховички. В один момент магазины под полста кило стали пустыми. Сплошной поток смертоносного металла ушёл в сторону противника. Затворы захлебнулись, выплюнув последние пустые гильзы. Дымилась перегретые стволы пулемётов. Солоноватый запах порохового дыма разъедал глаза. А я до сих пор будто трясся в такт с пулемётами...

Сержант что-то говорил и улыбался, но мои уши ещё не могли слышать: их заложило грохотом выстрелов. Мы замерли в крепких объятьях. В бинокль было видно, что мы натворили своим ураганно-кинжальным огнём. Закружилась голова, затошнило... Земля была залита кровью. Трупы лежали повсюду...

Я — убил... Я убил более ста человек. А может, и тысячу. Пусть врагов. Но кто назначил их врагом? Они ведь на своей земле... Одно оправдание — столько жизней спасли.

...Пока я лежал бесчувственный, свора меня пинала, как только могла. Всё тело было в переломах... В пустоте появилась тёмная фигура. Это Смерть. Сейчас она заберёт мою душу...

Я видел пустые глазницы Ея

И понял, что это кончина моя...

Наверное, били долго, пока тело моё подавало хоть какие-то признаки жизни. Потом бы выбросили, наверное, в степь. Шакалам на растерзание...

Но тут появился Человек. Звали его, если моя пострадавшая память не ошибается, Фарит. Может быть, единственный татарин на сотни вёрст кругом. Он подошёл к машине, там ещё играла татарская музыка, поднял с сиденья тетрадь с моими стихами... Не знаю, как ему удалось справиться с толпой, но он меня спас.

— Ты не должен умереть. Ты — сын моего народа. И должен выжить. Я помогу. И сделал мне укол в вену.

Тут морфий по жилам

Поплыл огоньком,

Я, сонный, не помню,

Что было потом.

*Как правили пальцы,
Смывали с груди
Застывшие слюстки
Кровавой струи...*

...Я уже столько лет пытаюсь вспомнить подробности этого дня. Смутно помню, как оттуда уехал, как останавливался и пытался дрожащими руками попасть в вену, чтобы вколоть очередную дозу, как упал... Я не помню, как мимо Актюбы проехал... Дальше — бездна. Потерял сознание.

...Едкий запах нашатырки вернул меня в реальность. Странно, ничего не болит. Так легко, наверное, никогда не было. Будто тело не моё.

— Эх, бала, бала...

Возле меня на краю кровати сидел дед. Тот самый, у которого я совсем недавно останавливался. Уже потом я узнал, что рано утром он запряг лошадь, взял вилы, аркан, термос и вместе с бабушкой поехал за сеном на дальние луга. Далеко, у самого горизонта от лобового стекла моей машины отражались лучи восходящего солнца. Уже не до сена было — они помчались ко мне. Нашли моё бесчувственное тело сразу — я пытался вколоть дозу, но дрожащие руки не слушались.

Дед и бабушка, учуяв неладное, гнали лошадь, как только могли. Положили меня на сани, собрали рассыпанные лекарства в аптечку, помчались домой. Привели фельдшера.

Укол. По телу побежал живительный огонёк. От нашатырки вернулось сознание. Пока лежал, меня перевязывали ласковые руки бабушки. Вытерла влажной тряпкой засохшую кровь с лица. Да так нежно, с такой любовью и заботой она это делала...

— Мне... скорее... ехать... пока доза действует...

— Куда? Тебе лежать надо!

— Дома отлежусь... Поеду... после четвёртой ампулы мне хана... Успеть надо...

— Ампул ведь больше?

— Если вколоть пятаю — зависимость пойдёт... наркоманом стану...

— Хоть поешь немного.

Тут прозвучал командный голос деда:

— Заверни ему перекусить! И чаю покрепче, с сахаром. С собой возьми. Я с ним поеду. К

свату зайду. Он меня назад и привезёт. К вечеру, бог даст, буду...

Я дотянул — таки до объездной Оренбурга. И по чистой случайности остановился возле того же самого гаишника, который меня накануне тормознул. И он, переложив меня на заднее сиденье, привёз в больницу, где работала его невеста. Наконец мой организм получил первые дозы холинолитиков. Не знаю, что именно кололи: это мог быть атропин, метацин. Именно они являются первыми средствами для снятия интоксикации производными морфия. И, конечно, обильное питьё. Потому и меняли системы — одну за другой.

Медсестра, спасительница моя:

— У вас множественные переломы. Сломаны три ребра: мы их зафиксировали. Левая нога под панцирем, кость раздроблена. Понадобится операция на коленной чашечке. Ближайшие дни резких движений делать нельзя. Потеря крови большая, но не критическая. Вы сильный человек, раз выжили после такого...

Было почему-то душно. Видимо, я температурил. Обливался холодным потом. Организм боролся практически на уровне невозможного. Ведь наркотик — это жуткий соблазн. Знаешь, что нельзя, что с каждой дозой затянет глубже, а организм просит. Требуется! Если идти на поводу у этого соблазна, потом будет требовать ещё настойчивее.

— Ты выдержишь! Возьми себя в руки! Будь сильнее!

И я держался.

Во имя высокой цели.

Ради сына.

Спустя добрых пятнадцать лет, уже оправившись от былых увечий, я съездил в эту деревню в степях Казахстана. Доехал и до границы, где узнал, что таможня та — узбекская. Только Фарита не смог отыскать. Очень хотелось отблагодарить своих спасителей. Не знаю, что правило мной, но я был как одержимый. Вёз гостинцы, вино своего производства. Так хочется сказать, своего творения. В общем, вёз я литровую бутылку, наполненную ароматом, силой и духом родной земли. Хотел обрадовать стариков...

На месте деревни я увидел несколько криво торчащих столбов. На одном из них качалась на ветру осиротевшая калитка... Невольно опускаюсь на колени, глаза наполняются слезами. Сколько прошло времени, не знаю... Холодно стало...

Я поднял голову, увидел парня, стоящего возле джипа. Он удивлённо смотрел на меня. Молчал. Видно, не хотел прерывать мои мысли.

— Что случилось? — спросил он на русском с сильным казахским акцентом.

— Здесь... меня спасли дед с бабушкой... — воздуха не хватает, я судорожно расстёгиваю воротник...

— Наверное, уже лет пять, как деревню снесли. Последние жители умерли за год вроде до этого...

Так я и не смог деду с бабушкой сказать спасибо за своё спасение. Так они и не узнали, что сыночек мой жив...

...Дальше проводили в посёлок Северный, а они эстафету Бугульме передали. Хотя и больно было, я терпел. Сумел воздержаться от дозы. Даже бывалые ребята — и те удивлялись. И везде меня — на кушетку, системы с гемодезом, опять холинолитики... Бугульминские мне на встречу выехали — встретили на Акбашевском перекрёстке. И прямо в железнодорожную больницу. Был я тогда, как кукла. Не помнил имена, память пропала. Сказать «забыл» не подходит, я просто ничего не помнил.

Постепенно мой мир оживает. Ощущение, будто в огромной библиотеке на абсолютно пустые полки каждый заносит и ставит книги. Кто-то маленький, но очень важный листочек, а кто-то огромные стопки томов...

Это состояние зомби до сих пор не прошло полностью. Как полнолуние — ко мне приходят все: погибшие ребята моей группы, тот страшный сумоист, каратист-недоросток, душманы в чалмах, мальчишки с Афгана... И с каждым полнолунием седых волос становится всё больше и больше...

...Очередная поездка планировалась очень дальняя: через Москву, Питер, дальше на север. Там, не доезжая Мурманска, ребята обнаружили заброшенное предприятие оборонки,

в котором вроде никого и быть-то не должно, а оно электроэнергию потребляет, в мороз пар поднимается. В общем, там есть люди. Предположительно невольники. Они оттуда не выходят, их самих никто не видел. Может, там...

Как однообразны дороги, как запутана жизнь... Думая о возможных вариантах предстоящих поисков, невольно вспоминаю эпизоды из прошлого. В небольшом городе после закрытия единственного крупного предприятия пошла деградация. Взрослое население к бутылке пристрастилось, среди молодёжи наркотики становились образом жизни. Чего мы только с участковым не видели! Полуголые, а иногда и абсолютно голые тела совсем ещё молоденьких девушек, даже школьниц в состоянии наркотической отключки... Кругом грязь, шприцы, блевотина, горы пустых бутылок... По всей стране так. Уничтожают нашу молодёжь. Невидимым оружием — наркотой...

Или вот ещё случай. Заброшенный, почти разрушенный военный городок недалеко от Барнаула. Рядом с городком — тоже разрушенные ангары. Дальше небольшой лесок и открытая местность. Посреди этого поля почему-то стоит туалет. К нему из самого посёлка тянется тропинка. Утоптанная, будто сотни людей за день проходили. Странно: туалет за пять километров от жилых домов?

В бинокль вижу — вот один зашёл. Время идёт, а он всё не выходит. Ещё один идёт! За ним ещё двое! И никто не выходит! Прямо Бермудский треугольник! А попробую-ка я тоже. Пока не увижу своими глазами, всё равно ничего само собой не проявится. Выскакиваю из укрытия, спускаюсь к тропинке. Под ногами поскрипывает последний снег уходящей зимы. С каждым неудобным шагом ноют мои увечья. Но ничего, одолею — я на всё ради сына готов. Вот и туалет этот. Чем ближе, тем тревожнее. Открываю дверь... А там ступеньки. Лестница вниз. Вход в подземный мир. Надо идти туда, куда и все.

А там, оказывается, вполне уютно. Почти как в подводной лодке. Видимо, здесь раньше убежище военного городка было. Раздевалка, сушилка... Спальные отсеки по купейному принципу соорудили, прямо как в железнодо-

рожном вагоне. Иду дальше — впереди большой зал. Освещение хорошее. Рядами стоят столы. На них швейные машинки, а за ними кого только нет: вьетнамцы, узбеки, русские... Шьют всё: спортивные костюмы, рубашки, пуговицы... Они здесь живут, работают. Свободно выходят, свободно возвращаются.

— Могу я поговорить со старшим?

— Как ты сюда попал? Сюда нельзя постоянно...

— Вообще-то, я вхожу в любые двери. Пока никто против не был...

— Как сказать, как сказать...

— Я сына ищу. Может, узнаете? — показываю снимки.

— А сколько лет?

— Восемнадцать с плюсом.

— Призывной возраст. Таких нет, это точно. Здесь всё проверяется. И ты просто так отсюда не выйдешь.

— Как сказать, — усмехнувшись, повторил я его слова.

За спиной уже стояли два шкафа с эбонитовыми дубинками. Тот, что был ближе, поднял свой аргумент и размахнулся. Только он опоздал. В одно мгновение я оказался у него за спиной, и удар пришёлся по коробке электрощитка. Посыпались искры, задымились провода. В момент этого замешательства я ударил охранника сзади под колено. Он согнулся и упал прямо на искры.

— Не дёргаться! Стреляю без предупреждения! Спрашиваю в последний раз! Видел ли кто это лицо? — в левой вытянутой руке я держал фотографию, в правой — «вальтер» в боевой готовности.

Все молчали. Ясно, никто никогда не видел.

Не понимают, когда нормально спрашиваешь. Только силу и признают, сволочи.

— Помогите ему встать. А ты — води меня к старшему, — я вильнул стволом в сторону второго охранника. — Расходимся по рабочим местам, товарищи, расходимся. Продолжаем работать.

Я демонстративно всунул пистолет в оперативку. Все успокоились — проявление силы и власти всегда действует безотказно.

Мы прошли вдоль длинного коридора вглубь сооружения.

Старший оказался в прошлом десантником. Общий язык нашли сразу. Я на всякий случай оставил координаты: адрес, номер телефона. Дал и спутниковый, но предупредил: на этот номер звонить только в экстренном случае. На что он ответил:

— Если встречу сына твоего — это и будет тот самый экстренный случай!

Боевое братство не ржавеет. И присягу нашу никто не отменял...

...А между тем дорога дальняя. Проехал-то сегодня всего каких-то пятьсот с небольшим... Уж сколько вёрст намотал — а она, дорога эта, всё ещё только начинается...

До Казани километров сорок осталось. В свете фар снежинки кружатся в сказочном хороводе. На остановке стоит молодёжь, мальчишки в возрасте сына. Может, и мой Ильнур где-то вот так стоит, мёрзнет...

— Куда?

— До пригорода возьмёте? Мы в Аракчино.

Поехали. Километры, один за другим, остаются позади.

— Что это за дерьмо? Ты это слушаешь?

Сзади чья-то рука тянется, включает музыку. Добавляет громкость на полную.

Я что-то сказал, они что-то спросили, я ответил. Теперь я им должен оказался. С каждым словом сумма становилась всё больше. А снег шёл. Буран не утихал.

— Хоть фары протру.

Остановились, вышел, протёр фары, лобовое стекло. Встал перед фарами, расстегнул куртку, да так, чтоб всем было видно, вытащил из оперативки вальтер, передёрнул затвор. Открыл водительскую дверь, руку с пистолетом положил на неё:

— По одному выходим, строимся по важности. Без лишних движений и слов. Предупредительного не будет. Стреляю на поражение...

— Ты чё, отец, хоть знаешь, с кем базаришь? Мы со стоянки...

— Да хоть с преисподни! Руки! Первый, два шага влево! Второй, на шаг! Третий, на месте. Четвёртый, шаг вправо! Снять куртки!

Кто-то пытался возразить, но с выстрелом вниз от асфальта посыпались искры. Претензий не стало.

— Сами напросились, засранцы. Физик сказал — баста! Дёрнетесь — порешу! Живо! Разделись до трусов! Обувь оставляем! Обувь надеть, я сказал! Бегом марш в сторону города!

Я понимал, жестоко, конечно. Но как иначе? Момент воспитания родители прошляпили. Должен же пацанов кто-то образумить. Вещи кинул на заднее сиденье, тронулся. Звук из рупора напугал сорванцов не меньше, чем ствол.

— В темпе! Шаг держать! Ждать на вашей стоянке буду! Не отставать!

А ведь ещё больше пяти километров! Не замёрзнут?

Вот и стоянка. Заранее связал всю их одежду их же поясным ремнём, ножи и кинжалы, а также один поджиган сложил в пакет. Остановился так, чтоб можно было экстренно уехать. Связку с одеждой в левую руку, всё остальное — в правую. Остальное — это пистолет, накрытый шарфом, и пакет с трофейными тесаками.

Справа от ворот — будка, поднятая метра на три на столбах. Связку бросил возле ступенек и наверх! Открываю дверь — а там за столом с десяток полупьяных мужиков в карты на деньги режутся. Сходу бросил пакет на стол:

— Здесь арсенал вашей мелюзги. Пришлось их успокоить, а то шустрые больно.

— Где они? Что ты с ними сделал?

— Спокойно! Без резких движений! Стреляю без предупреждения! — и приподнял шарф. Все ли заметили, не знаю, но главный увидел.

— Да мы тебя сейчас...

— Хорошо, вместе уйдём. Одному скучно, пожалуй, будет, — левой рукой из кармана достал гранату, зубами выдернул кольцо и плюнул его на середину стола. — Ф-1. Шансов нет, господа...

— Здесь решения принимаю я. Как я решу... — он неуверенно замолчал.

— Ты — решишь, а я — порешу. Не буду повторять.

— Да ты блефуешь! Муляж...

— А ты попробуй. Могила будет братской. Братская могила братвы... — я слегка усмехнулся. От этой улыбки шёл холод смерти.

— Похоже, серьёзно. Ну, поговорим. На тот свет всегда успеем.

По братве прошёл напряжённый шум, но никто не проронил ни слова.

— Чего ты хочешь? — у главаря было прямо ангельское терпение.

— Люблю деловой подход. Ваши пацаны сейчас спортом занимаются: бегут в сторону города. В трусах и ботинках. Не шуметь! Я говорю! А то не успеете — сосульками станут. Их раздел я. За наглость. Они — ваши. Вы — в ответе.

Главный покорно кивнул, но промолчал. Я продолжил:

— Сейчас отправим двоих — один всегда сомнителен...

Толпа опять недовольно зашумела.

— Тихо! Он прав! Говори дальше.

— Одежда ихняя внизу — у ступенек...

— Всё предусмотрел. Серьёзный. И бесстрашный. Ты кто?

— Не всё сразу. Отправь двоих. Чем раньше — тем лучше...

— Так, — он приподнялся, я шевельнул правую руку, делая знак сесть. — Вы двое... На моей машине. Пацанов — сюда. И без глупостей!

Двое ушли. Наступила оглушительная тишина.

— Отвечаю на вопросы. Я — Физик. Может, кто и слышал. У меня беда. Я сына ищу. Ради него я на всё готов. Сложить горы... из трупов...

— Я так понимаю, остальные здесь лишние. Пусть выйдут?

— Одобряю. И так сильно напугал. Выпускай по одному. И без глупостей.

Я смотрел каждому выходящему в глаза. И во всех видел пустоту.

— Теперь одни. Говори.

— Уже сказал — сына ищу. По трассе ваших посадил — наглеть стали. Дальше сами расскажут. Приврут, конечно. Но ты опыт имеешь, разберёшься. За наглость надо платить. За неоправданную наглость.

— Правильные слова. Сколько? Да опусти ты ствол... — он закурил с наслаждением, даже глаза светились.

— Сколько, говоришь?.. Да по пятнадцать на рыло.

— Однако...

Мы оба молчали. Главарь, приподнявшись, взял чайник сзади с тэнов, служивших обогревателем, разлил по кружкам. Он думал. Я не хотел мешать.

— А ты... Не Бугульминский? Не ты разыскивал варваров, что Брумеля?

Я не успел ему ответить. Он всё понял. Вот о чём он думал!

На улице сквозь вой ветра послышался звук подъезжающей машины. В дверях появился пацан с накинута на почти голое тело шубой и заорал:

— Убью! Разорву! — а дальше вереница слов без падежей...

— Цыц! — главный резко встал. — Знать надо было, на кого хвост поднимаешь!

Наступила тяжёлая тишина. Вошедшие мальчишки стояли на коленях, вторым тесным рядом стояла братва.

— Скажите ему спасибо, что не бросил вас, а сюда пришёл. Сдохли бы! Хоть знаете, кто это? Вы шапку перед ним снимать должны, когда здороваетесь! За вас я отдаю ему эти деньги. А вы — отрабатывать будете, за жизни ваши! Каждый по пятнадцать кусков! — его пальцы указывали на гору купюр на столе. — Мы чай допьём. Не мешайте, стойте тихо.

Ароматный крепкий чай со смородиновым вкусом приятно ласкал нос...

— Кстати, про Брумеля, — сказал главный.

— Другом был. Приблудный нарк — его трубой по кумполу... В Самаре нашли... через цепочку его золотую... — слова мои выходили обрывками, уж слишком тяжёлыми были воспоминания.

Оказалось, и они искали убийцу. Да так получилось, что именно моей группе повезло. С другой стороны, мы ведь по науке работали: и отпечатки пальцев, и опрос свидетелей, сбор и анализ данных. Хорошая следственная группа, где каждый знает своё место и дело. Если бы можно было всё объединить...

Пора ехать. Проводили как близкого.

— Ты хоть фотки сына покажи, вдруг чего...

— В Казани его точно нет. Уже проверяли. На всех уровнях.

Поехал. Снег перестал, хорошо-то как! Во Владимире, перед Москвой, отдохну. Усталым заезжать в огромный город — дело рискованное. Когда-то давно здесь я впервые завернул направо от поста ГАИ и остановился возле круглосуточного кафе. Место тихое, спокойное

(мне показалось). Машину закрыл и пошёл к дверям. И тут вспомнил — деньги — то в машине забыл!

Возвращаюсь — а там уже один старательно в моём замке ковыряется. Руки сами к пистолету потянулись. Резкий удар рукояткой по шее легко обезвредил вора. Смотрю: ко мне бегут ещё двое, в руках — то ли биты, то ли палки. Увидев направленный на них ствол, исчезли. А мой как раз в этот момент начал шевелиться. Крепко пнул — опять распластался. Выдернул за ногу в открытое место, а он, дурак, бежать вздумал. Мой кошачий прыжок настиг его в одно мгновение.

— Бежать вздумал? Пуля догонит.

— Отпусти, дяденька, больше не буду.

— Отпущу, отпущу... В камеру.

Толкнув дверь телом своей добычи, я зашёл в зал:

— Ментов вызывай, добре молодец! Вора с поличным поймал.

— Отпусти его. Я здесь участковый. И здесь я решаю, — из-за стола поднялся полупьяный старлей с недопитым бокалом пива в руках.

— Как ты стоишь перед старшим по званию! Что ты себе позволяешь?!

— А шо, я ведь после работы...

— Позор! Вылетишь, как пробка из бочки своей пивной!

Левой рукой я схватил стул, дёрнул к себе, а малец, поднятый за шкурку, на какое-то мгновение оторвался от пола и прокрутился в воздухе несколько раз.

Ох, в какой прекрасной форме я был в те времена! Ни кровотокающих свежих ран, ни переломов, ни увечий. И не устал ещё от бесконечных поисков...

Мальчишка грузно «приступился». О! Какое слово я придумал! А ведь точнее и не скажешь, судя по его промокшим брюкам.

Не сдержался, дал по шее. Ударился об край стола. Из носа кровь пошла. Мальчишка зарыдал.

— Отпусти его, я тебя прошу. Не тронет он больше.

Беседа продолжалась ещё несколько минут. За это время мы нашли общий язык.

— Твою машину здесь больше никто не тронет. Я обещаю.

— Ты что, крышуешь их?

— Ну, не совсем. Присматриваю. Они живут здесь, питаются, дворы подметают. Беспризорники же...

— Так я... сироту ударил... Грех-то какой...

— Не вини себя. Побочный эффект нашей профессии... Только Всевышнему ведомо — что грех, а что праведно...

Он поднялся, тяжело подошёл к мальчишке, погладил по голове:

— Хоть вы не позорьте меня! Я за вас поручился... А вы... Утром все ко мне. Наказывать буду. А теперь — марш отсюда!

Оставшись одни, мы продолжили беседу.

Я рассказал ему про сына.

— Может, мальчишки что знают?

— И у них, и у коллег спрошу. Ты хоть в розыск подавал?

— Да, но что-то не телятся...

— Усталый ты. Здесь у меня комната. Как от жены ушёл, кантуюсь. Зайди, поспи. Только поешь сначала. Что-то и я проголодался.

М-да... Который раз я сюда заезжаю? Уж со счёту сбился. Мой старлей за этот год успел с семьёй помириться, а я до сих пор сына ищу... И никакого просвета. Никакой зацепки. Это уж точно «надежда умирает последней». А если умрёт — что со мной будет?

Я, выхватив пистолет из-под подушки, соскочил с кровати: это со скрипом открылась дверь...

— Спи. Ты всего полтора часа проспал. Поел хоть?

— Не успел...

— Пойдём тогда перекусим.

Уже за столом старлей начал:

— Сына твоего никто всерьёз не ищет. Там отметка стоит такая, будто искать необязательно.

— Не понял.

— Да что тут непонятного, ребята сказали, так делается, когда кого-то за нос водят. Враги у тебя есть?

— Как у всех. Сколько угодно.

— Может, ты дорогу кому перешёл?

— Уж не знаю, что и думать. Разве что наркочилеры...

— Не смей меня! Они просто убивают. Не заморачивайся так... Ты когда-нибудь волков ловил?

— Я грыз глотку волка в тайге... Не знаю даже, как сумел...

— Так вот, прежде чем начать охоту на волков — флажки ставят. Волк за флажки не заходит. Так его в западню и загоняют. Может, и тебя кто-то пытается загнать? Ты ведь не просто волк — волчище. К тому же, одинокий. Похоже, тебя пытаются использовать. Прислушивайся к жене. Подслушивай. Может, сын вовсе и не пропал... Я не удивлюсь, если тебе в пищу галлюциногены добавляют.

— Запутал ты меня!

— Тебя запутаешь, пожалуй. Думай, ты ведь — аналитик!

— Чего?!

— Не делай невинный взгляд, я покопался. По бумагам ты чист, как стёклышко! Не служил, рядовой. А ты — с боевым опытом. Капитана минуя старлея получил. Заслужил, значит. И про спецподготовку твою знаю. Засекретили в девяносто первом.

— Откуда знаешь?

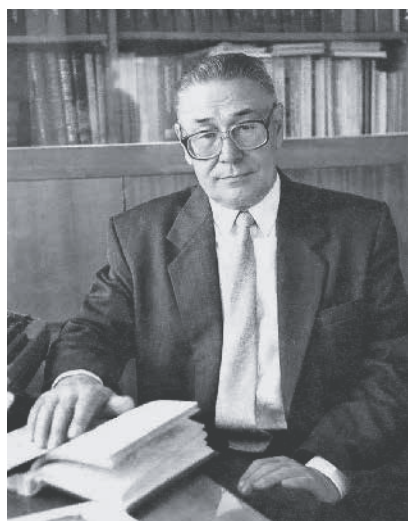
— Неважно. Соловей напел. Под подписку на десять лет. Теперь вопрос: кто ещё знает об этом твоём прошлом? Где-то произошла утечка. Во сне не разговариваешь? Может, гипноз... Или по пьяни нечаянно. Что-то ведь было перед исчезновением сына?

— Он условно... на год за угон. И ещё прилагалось — за то, что машину повредил, за побег и за то, что дрался при задержании... Я документы собрал. Вроде как УДО... Хотел, чтоб в институт... Только сняли судимость, через день исчез.

— Говоришь, ничего... Поподробней, пожалуйста, с самого начала. С момента, как что-то не так пошло. С рождения! Ты и сам отлично знаешь: в своих проблемах трудно разобраться. Со стороны всегда виднее. Доктора ведь сами себе диагноз не ставят!

Я начал рассказывать... ■

продолжение следует

Лирон Хамидуллин

Родился в 1932 году в селе Старая Тюгальбуга Ульяновской области. Вырос в деревне Старая Белогорка Оренбургской области. Учился и работал в Орске, Уфе и Казани. Был директором Татарского отделения Литфонда СССР, литературным редактором Татарского книжного издательства, десять лет возглавлял секцию переводчиков Союза писателей Республики Татарстан. Переводчик нескольких литературных произведений с русского, казахского и других языков на татарский язык. Редактор и составитель многих сборников. Автор книг «Юлда» («В пути», 1968), «Дала иртэсе» («Степь пробуждается», 1971), «Офыктагы рэшэлэр» («Миражи», 1990), «Барыбыз да корэштек» (Все мы воевали», 2010), «Дэрдмэнд» (2010), «Буранлы тондэ» («В метельную ночь», 2012), «Амирхан Еники» (2013), «Победа досталась дорогой ценой» (2015). В 2017 году у автора вышел сборник «Зарницы на горизонте». В книгу вошли рассказы, повести, очерки и эссе, опубликованные в разные годы. Документальные повести посвящены жизни и деятельности классиков татарской литературы: Дэрдмэнды, Мирхайдара Файзи, Амирхана Еники, известных музыкантов и композиторов: Файзулы Туишева, Латифа Хамиди и других.

КАЗАНЬ ПРИТЯГИВАЕТ К СЕБЕ ОДАРЁННЫХ

Отрывки из документальной повести о татарском писателе Амирхане Еники

В каргалинском роду Еникеевых и Терегуловых было много образованных людей. Вот известные просветители и общественные деятели из Терегуловых: Ибрагим-ага долгое время преподавал в Казанской учительской школе татар, был одним из инициаторов открытия Восточного клуба в Казани, где выступал и Тукай. Его родственник Абубекир Терегулов учился на врача сначала в Казанском университете, потом в Германии. В Казани защитил докторскую диссертацию и стал известным профессором-терапевтом. Гумер Терегулов был одним из активных политических деятелей начала XX века.

Амирхан Еникеев, когда шестнадцатилетним парнем приехал в Казань учиться, с другом более месяца жил в семье врача Абубекира Терегулова...

С Амирхан-ага Еники я познакомился в начале шестидесятых, а с творчеством был хорошо знаком намного раньше. В январе 1961 года я

приехал в Казань. И первыми книгами, купленными здесь, были тома Г. Тукая, Г. Ибрагимова и повесть А. Еники «Тайна сердца» на татарском языке. Скоро удалось познакомиться и с самим автором повести. Сначала мы часто встреча-

лись в редакции журнала «Азат хатын», где в те годы работал прозаик Хасан Сарьян, затем в доме самого Хасана (жена Сарьяна приходилась Амирхан-ага родственницей — тоже была из рода Еникеевых).

Помню, кажется, осенью 1964 года, когда в казанских магазинах появились меховые шапки, с Амирхан-абый произошёл такой случай. Примерив на свою крупную голову несколько шапок в старом нашем ЦУМе, который находился тогда рядом с современной площадью Г. Тукая, но не подобрав подходящего себе размера, он поспешно уехал домой. Из дома он звонит мне: «Лирон - энекеш, сходи - ка быстренько в ЦУМ, я там оставил кошелёк с большой суммой денег...» Тогда я работал рядом с этим торговым центром. Я сразу же побежал в магазин, двум немолодым женщинам постарался подробно описать суть событий, упомянув, что это был известный наш писатель Амирхан Еники. Женщины кое-что спросили, переглянулись, а потом достали из-под прилавка толстый бумажник, как я и указывал — «коричневатого цвета». Передавая его мне, женщины сказали: «Мы вас вроде бы знаем, часто видим. Если что-либо случится с этим кошельком, мы вас запоем. Да и этот писатель пусть к нам ещё раз заглянет, мы ему подберём хорошую шапку».

Возвратясь на работу, я тут же сообщил о результатах своего похода Амирхан-ага. Через полчаса мы встретились в доме Сарьяна. Амирхан-ага прихватил мне в подарок очень изящную вещь в виде неглубокой посуды из разноцветных камешков яшмы. Произведение явно уральского происхождения. Сказал: «Вот тебе подарочек за успокоение моей души...» Я и сегодня храню этот дорогой подарок.

В конце лета 1968 года Амирхан Еники вынужден был переселиться. Их уютную, обжитую «усадьбу» сносили, освобождая площадку для высотного дома. Им пришлось переехать в обычный пятиэтажный кирпичный дом на улице Шмидта.

Прощание со старым домом состоялось в круглой беседке, стоявшей посередине обширного двора. И тогда, ещё раз взглянув на узорчатые доски этого сооружения, Амирхан-ага с грустью произнёс:

— Это последняя память отца. Беседку он строил после войны. Столбы и доски год сушил в сарае. Все эти узоры мастерил сам... Ох, жалко же мне покидать этот дом...

Тогда Сарьян и говорит:

— Амирхан-абый, разреши, твою беседку я заберу к себе.

— С сегодняшнего вечера всё это уже не моё... Жаль только, что печь у тебя прожорливая...

— Не беспокойся, Амирхан-ага, такое памятное сооружение я не пущу на дрова...

Прошёл год с небольшим. В октябре 1969 года четырём коллективам творческих организаций — Союзам писателей, композиторов, художников и научным работникам Института имени Арбузова были выделены участки земли для организации садового общества «Идель» у залива Волги. Там получил свой участок и Амирхан-ага. Все наши участки оказались рядом.

Сидим мы однажды на недавно построенной веранде Сарьяна Хасанова, беседуем. Вдруг он прерывает беседу:

— Амирхан-ага, сохранил я дорогую вам беседку. Востов этой веранды заложены просушенные вашим отцом столбы и доски из той вашей беседки...

Амирхан-ага Еники радостно заулыбался:

— Рэхмэт, Сарьян-туган!

Дружно мы тогда жили, помогая друг другу, устраивали свои жилища, садовые участки. В первые годы на большом пустыре, ещё не занятом другими садоводами, рядом с нашим общим забором, мы устраивали Сабантуй. Там стоял развесистый старый дуб, возле него пристраивались скамейки, на них сажали старейшин. Часто там вместе оказывались писатели, композиторы, химики. На эти праздничные мероприятия приглашали и гостей из Казани. В одном из первых таких праздников участвовал и московский поэт Евгений Евтушенко. Он в те годы писал поэму о Казанском университете. На Сабантуй пришёл в сопровождении поэта Марса Шабаева, будущего переводчика этой поэмы. Евтушенко тогда участвовал и в борьбе кураш. После чего Наби Даули ещё долго жаловался, что костлявый москвич, упав на него, повредил ребро... ■

ИДЕАЛЬНЫЙ ПРАКТИКАНТ ДИАНА ЖИЛЕНКОВА

Студентка первого курса казанского журфака появилась в редакции в прошлом году. По заданию университета она решила взять интервью у главного редактора, а после этого стала проходить практику в журнале.

Диана родилась в Казани в 2001 году и всегда твердо знала, что хочет посвятить себя творчеству. Еще в детстве это стало понятно: в начальной школе постоянно принимала участие в спектаклях, позже занималась хореографией и съемкой короткометражных фильмов, а в старших классах погрузилась в музыку. Вскоре пришлось всерьез задуматься о будущем и выбор пал на журналистику, потому что эта профессия, как ей казалось на тот момент, – обо всем сразу.

Сегодня она учится в Казанском федеральном университете. Она пишет материалы про творческую Казань и активно берет интервью у актеров, которые можно читать на сайте нашего журнала. Надеется, что в скором времени сможет приносить еще больше пользы для редакции.

Диана уверена, что нельзя уставать от работы, которая доставляет удовольствие. Она нас мотивирует и дарит вдохновение.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ! УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Мы рады представить вам наш обновленный сайт.

Мы **АКТУАЛИЗИРОВАЛИ** его работу. Отныне на сайте журнала «Идель» вы сможете найти не только архивные номера, но и эксклюзивные авторские тексты, актуальные новости.

Самое главное – **МЫ ПРИГЛАСИЛИ БЛОГЕРОВ** – пишущих пресс-секретарей и известных журналистов для ведения блогов на актуальные темы в культуре, спорте и общественной жизни.

На сайте можно оставлять свои комментарии и отслеживать самые популярные тексты, **ВЛИЯТЬ НА КОНТЕНТ ЖУРНАЛА**.

Теперь **У КАЖДОГО ЧИТАТЕЛЯ ЕСТЬ ШАНС** опубликовать свой литературный и публицистический текст на сайте и на страницах печатной версии журнала!

Приятного вам общения!

